

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ

Л. В. ЛАННИК

РУССКИЙ ФРОНТ 1914–1917 ГОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Л. В. ЛАННИК

РУССКИЙ ФРОНТ 1914–1917 ГОДЫ

Санкт-Петербург
«Наука»
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524
Л22

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»

*А. И. Алексеев, Д. Д. Беляев, Д. М. Бондаренко, И. О. Ермаченко,
А. А. Исэров, А. Ю. Карачинский (ученый секретарь),
Н. Н. Крадин, Т. В. Куц, А. А. Немировский, П. С. Стефанович,
П. Ю. Уваров (председатель), А. К. Шагинян,
В. В. Шишкин (заместитель председателя)*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *С. В. Артамошин*
доктор исторических наук, профессор *А. В. Посадский*

Ланник Л. В. Русский фронт, 1914—1917 годы. — СПб.: Наука, 2018. — 287 с.

ISBN 978-5-02-039679-1

Книга Л. В. Ланника воссоздает полотно событий, происходивших на Русском фронте Первой мировой войны. Автор не только подробно рассказывает о ходе военных действий в 1914—1917 гг., но и анализирует события, предшествующие войне и ставшие ее логичным следствием. Особенностью книги является взгляд на Русский фронт и войну в целом через призму всех его главных действующих лиц: трех императоров, трех армий, трех монархий и их подданных, для которых Великая Война в конце концов превратилась в гражданскую.

© Ланник Л. В., 2018
© Издательство «Наука», серия «Библиотека всемирной истории» (разработка, оформление), 2016 (год основания), 2018
© Палей П., оформление, 2018

ISBN 978-5-02-039679-1

Введение

РУССКИЙ ИЛИ ВОСТОЧНЫЙ? ВЕЧНАЯ ПЕРЕМЕННАЯ В АНАЛИЗЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

С учетом специфики современного мира необходимо, по-видимому, сразу оговориться, что определение «русский» в названии данной книги и рассматриваемого фронта выбрано не ради манифестации национальных чувств, не является это и следствием недосмотра или увлечения «устаревшей» терминологией. Более того, вовсе не следует думать, что название «Восточный фронт» куда удачнее. Во-первых, оно некорректно даже с точки зрения географии. Для воинов нашей страны (в каких бы она ни была границах) этот фронт был каким угодно, кроме Восточного, тогда почему же не «Западный фронт»? Для наших союзников из Антанты и фронт во Франции был «Восточным»... В Германии же фронт войны против России в годы Великой войны (как ее в основном и называют везде, кроме постсоветского пространства) ассоциировался не только, да и не столько с «востоком», сколько с «севером», а уж для ее союзников (Австро-Венгрии, Болгарии, Османской империи) этот фронт против «русских», точнее против Русских императорских армии и флота, был преимущественно «северо-восточным» и «северным». Безусловно «восточными», точнее «ориентальными», для европейцев были турецкие фронты, в основном на Ближнем Востоке. Можно напомнить, что едва ли Кавказский фронт в России назовут Юго-Западным или Южным, а уж тем более просто Турецким. Ведь определение «Кавказский» в названии фронта удачно передает слишком много аспектов, даже несмотря на то, что, собственно, фронтов в османской армии (по

меньшей мере на Кавказе) не было вовсе, а русские войска на Кавказе до весны 1917 г. назывались «лишь» Кавказской армией.

При этом то, что для всех противников России фронт от Балтийского моря до Черного был «Русским», сомнений не вызывает. Тем не менее, если бы эта книга описывала войну 1914—1917 гг. с Россией исключительно с точки зрения Германии или Австро-Венгрии, то название «Восточный» все же было бы применимо, хотя после Второй мировой мрачный термин Ostfront даже в Германии вызывает ассоциации с событиями 1941—1945 гг., а потому при использовании их по отношению к Великой войне часто возникают нежелательные аллюзии и бессознательное проецирование. Русский фронт Первой мировой многим был похож на Восточный фронт Второй мировой, но по ряду параметров не шел с ним ни в какое сравнение. Характерно, что ничего подобного насчет разницы Западных фронтов обеих мировых войн говорить не приходится.

Конечно, уместно вспомнить о том, что еще долго после Великой войны в народе ее называли «германской», что по своему вполне выпукло, однако после Второй мировой войны подобное определение может ввести читателя в заблуждение относительно того, о каком именно конфликте идет речь. Да и воевали по меньшей мере на одной трети фронта, а то и на половине его с австро-венгерской армией, которая по восприятию русскими солдатами сильно отличалась от «германца». Зато общее для всей длины фронта определение «русский», на наш взгляд, вполне удачно передает и, если можно так выразиться, «стилистику» происходившего на данном театре военных действий. Именно с учетом того, что он — «русский», и строили свои расчеты, ожидания, методику действий и составляли приоритеты все противоборствующие стороны, которых порой было даже более двух. Необходимо отметить, что в модных еще не так давно исследованиях по истории образцов, имагологии, было написано немало работ о формировании предвоенных стереотипов и сделаны определенные выводы о том, какую роль они сыграли в генезисе Первой мировой войны.¹ Было немало совместных проектов по исследованию «отражений», то есть длительной и взаимообусловленной эволюции образов разных стран и разных народов, однако почти

нет работ о том, какую роль сыграли эти образы (и, главное, ошибки в них, в том числе априорные) в процессе принятия решений уже в ходе войны.² Проще говоря: как то, что фронт — «русский»/«германский», — обуславливало манеру действий, планы и боевой дух. Собственно, военная сторона противостояния в самых разных аспектах, а также экономическая и даже культурно-пропагандистская вряд ли нуждаются в очередном пересказе громадного объема фактологии или в скандальных разоблачениях «неправоты» всех и вся из числа предшествующих исследователей — и того, и другого достаточно. Но вот формирование Русского фронта — как специфического топоса, как единства времени и места, с уникальным набором факторов и роковыми для всех участников тенденциями — не только в сознании общества бывших стран-участниц, но и в профессиональном сообществе далеко не окончено.

Определение «Русский» в названии не подразумевает также и повествования о Великой войне с точки зрения только России и уж тем более исключительно русских, хотя оба понятия именно в эти годы начали в прямом смысле революционно меняться. Литературы о России (или в основном о ней) в годы Первой мировой войны в отечественном книжном обороте более чем достаточно, а вот вписать историю противостояния в общий, всемирный контекст, наконец отразив результат произошедшей за эти 100 лет «историзации» первого тотального конфликта, в России мало кто удосужился. Разделение истории на плохо совместимую «отечественную» и «всеобщую» части, являющееся само по себе диагнозом нашему подходу к анализу ситуации, до сих пор не ликвидировано, что применительно к многосторонним конфликтам исключает всякие надежды на беспристрастность. Сказывается и большое различие между объемами имеющейся в России литературы о ее соперниках. Если относительно Германской империи, в том числе благодаря упорному изучению корней германского милитаризма на волне осознания опыта Второй мировой войны, книг было выпущено немало, то о двуединой монархии, даже с учетом огромной популярности в СССР настоящей энциклопедии о жизни погибшей империи на Дунае — неоконченного романа Я. Гашека о Швейке, — сведений немного.³

Хотелось бы оговориться и насчет еще одного штампа — о «забытой войне». ⁴ Он верен лишь частично, причем те категории населения, для которых вторая (максимум третья) по масштабам война в истории их страны остается «забытой», вообще лишены исторической памяти, и это явление не менее, чем в России, распространено в тех странах, где Великую войну «забытой» называют куда реже, например в тех же Германии, ⁵ Франции, Великобритании. Более того, следует констатировать, что в связи со 100-летием Первой мировой войны в России вышло столь солидное количество литературы (о качестве этой литературы разговор особый), предпринято столько памятных мероприятий, что «забытой» эта война могла остаться только при очень большом желании. Разрыв между уровнем исторической памяти о Великой войне в России и в других бывших великих державах-участницах — ранее попросту катастрофический — теперь если не ликвидирован, то, по меньшей мере, существенно сокращен, в том числе за счет явной деградации памяти о Первой мировой в зарубежной Европе.

Однако помимо отрадного факта стремления инсталлировать Великую войну в общую канву славной военной истории Отечества следует констатировать, что делается это разными средствами и порой со скорее негативными последствиями. В потоке литературы помимо исследований высочайшего уровня и вполне академического стиля встречаются и откровенно публицистические работы, авторы которых тшятся раскрыть очередные коварные замыслы (в основном «Запада», схватившегося в той войне сам с собою), реабилитировать Николая II как полководца (!) ⁶ и национального лидера, либо, наоборот, доказать, что армии, более отсталой и бездарной, чем русская, попросту не было на свете, то есть только под «мудрым и четким» руководством те же солдаты впоследствии превратились в коллектив, которому нет равных «от тайги до британских морей...». В целом можно встретить полярные точки зрения («Россия проиграла все и вся...», а на соседней полке книжного — «Россия вообще не проигрывала Первую мировую»), которые, однако, весьма схожи своей предвзятостью, и все до одной отличаются стремлением выдавать желаемое за действительное. Тем не менее, и это тяжелое наследие специфиче-

ской исторической памяти советского периода имеет прямые аналоги в других странах. И там до сих пор хватает забвения, «сенсационных» открытий, разоблачений, принципиально бесконечных дискуссий о правых и виноватых, начало которым было положено вместе с развязыванием Великой войны более века назад, а то и до этого — на страницах футурологической публицистики. Как и в случае с любым масштабным конфликтом продолжается сосуществование нескольких версий войны, в зависимости от уровня и жанра участия в ней — от солдатско-окопного через лейтенантскую прозу и до генеральски-мемуарного. Каждая содержит немало интересного, но ни одна из них не может заменить собою все прочее. В последние два-три десятилетия превалировала тенденция воссоздать солдатскую «правду» войны,⁷ ей существенно уступали по численности, но часто превосходили по качеству исследования по истории офицерства,⁸ еще менее внимания уделялось генералитету.⁹

Разумеется, все познается в сравнении, а потому было бы важно хотя бы кратко охарактеризовать ситуацию с изучением и памятью о Русском фронте в странах-участницах этого противостояния. Процесс анализа и историзации на пространстве всех трех проигравших империй Центрально-Восточной Европы шел очень по-разному. В межвоенный период изучению противостояния в Великой войне, и в том числе на Русском фронте, более всего повезло в Германии. Многие офицеры Генштаба, оставшись в условиях Версальского мира без возможности открыто заниматься своей работой, сосредоточились на военной истории, якобы имевшей лишь прикладное значение. В этом они видели, в первую очередь, свой вклад в будущий реванш, а также в процесс устранения той части ошибок в развитии германских вооруженных сил, что они удосужились признать. Был в этом и оттенок ущемленного национального достоинства, и элемент политической борьбы, но и без дискуссий о том, что же там превалировало, можно констатировать: конечный продукт — в виде монографий, статей и многотомных исследований — получился великолепным.¹⁰ Профессиональным настолько, что проигравшие едва ли не остались образцом для тех, кто воевал против них (то есть для русских эмигрантских и советских военных историков), а порой и для победи-

телей, если, конечно, объективность все-таки брала в них верх над злорадством и шовинизмом. В годы господства нацистов, и пока еще позволяли перипетии Второй мировой войны, исследования продолжались, а вот после разгрома и раздела Германии фокус сместился на темы, дистанцирующиеся от военной истории, логично, но ошибочно отождествлявшейся с движущими силами милитаризма. Конечно, за прошедшие с тех пор 70 лет в Германии вышло немало работ и опубликована масса источников, продолжают авторитетные специальные серии военно-исторической литературы, однако подавляющее большинство германских историков, не считая, возможно, бывших офицеров бундесвера, охотно (и без особого сожаления) соглашается, что «чистая военная история» в ФРГ не в фаворе. Надо заметить, что и не столь уж «исключительно военная» тематика тоже подверглась забвению. Ни о каком выходе на новый уровень, о преодолении предвзятости межвоенной эпохи с сохранением высоких достоинств работ того периода говорить не приходится. Тем важнее и отраднее отметить те немногочисленные, но по-немецки качественные работы, что все же не побоялись бросить вызов моде и заняться «неактуальной» темой.

В русскоязычных военно-исторических кругах, переживавших болезненный и бескомпромиссный раскол на советскую (в том числе формально) и эмигрантскую часть, изучение Великой войны немедленно наложилось на куда более злободневный фон войны Гражданской, что привело в красной России к зачастую необоснованному, хотя и интуитивно понятному смешиванию опыта обеих войн (при их очевидных различиях), а в эмигрантской белой России к засилью мемуаристики, лишь в исключительных случаях выходящей за рамки сведения старых счетов, и прилагавшейся к ним публицистики на текущие политические темы. Попытки написать масштабную историю Великой войны в эмиграции неизбежно переходили к болезненному из-за горечи поражения в Гражданской войне эпосу.¹¹ И все же, несмотря на особые условия: непопулярность «империалистической» войны, политические угрозы, связанные с конструктивным анализом действий армии царя-сатрапа, на нетерпимость в эмигрантской среде, часто замешанную на отсутствии элементарных условий для занятий научной рабо-

той, — следует и русскоязычную историографию межвоенного периода — по обе стороны баррикад — оценить достаточно высоко. Тогда еще те, кто претендовал на звание специалистов, последовательно изучали все новейшие работы по интересующему их вопросу, осуществляли не только рецензирование, но и перевод на родной язык, упорно стремились создать скольнибудь объемную и признающую собственные ошибки официальную версию участия России в Первой мировой войне. Со временем первоначально весьма высокий уровень объективности постепенно снижался, что было связано и с течением времени, и с репрессиями против старых кадров, и с потребностями уже разгоравшейся Второй мировой войны. На смену подготовленному военспецам (то есть кадровыми офицерами Русской императорской армии) «Стратегическому очерку» в 7 частях приходил сравнительный анализ операций на различных фронтах Великой войны, сборники документов по основным операциям, разбор уроков военного искусства.¹²

Этот труд надолго прервала Великая Отечественная война, после которой упорное стремление к учету своих и чужих ошибок сменилось потребностью выдержать противостояние «холодной войны» и на этом участке идеологического фронта. Как и в Германии, популярность Великой войны и внимание к ней неуклонно падали, никогда не доходя, впрочем, до скандально низкого уровня. Начался, пусть и подспудно, медленный процесс взаимного учета достижений двух «половин» наследников тех, кто воевал за Россию на фронте в 1914—1917 гг. Тем не менее, сказывался не устраненный и по сей день недостаток, выражающийся в постоянном навязывании изложению и логике событий аксиомы о том, что в 1917 г. в России грянет революция, а потому задача исследователя состоит в демонстрации явно назревающих по ходу мировой войны ее предпосылок. Сам же глобальный конфликт при таком подходе был (и зачастую остается) лишь своего рода «предисловием» к революции.

В постсоветский же период на изучении Великой войны сказались все те же плюсы и минусы, что и во всех прочих областях гуманитарного знания: фрагментация и регионализация, получение новых возможностей в обмен на уничтожение имевшихся. От европейской науки теперь отличает главным образом

запоздалое и неполное следование модным там направлениям, что, опять же, помимо недостатков имеет и достоинства: скажем, отсутствие предубеждения и столь же быстрой деградации в военно-историческом секторе исследований.

И вовсе сложная ситуация с военно-историческим наследием сложилась на территории ликвидированной в 1918—1919 гг. Дунайской монархии. Некогда второе по площади и третье по населению государство Европы рассыпалось на осколки, титульными из которых были только два. Ни средств, ни практического смысла в столь же настойчивом, как, скажем, в Германии или в Советской России, исследовании имперского наследия у них не было — шансы на хотя бы частичное восстановление империи, существовавшие у двух вышеназванных бастардов Версальской системы, здесь приближались к нулю. Это не помешало созданию блестящей офицерской и вообще ностальгической прозы, отдельных, хорошо фундированных и исполненных горечи ностальгии и забвения работ. Австрия и Венгрия создали-таки 7-томную официальную версию, а также собственный поток не самой плохой полумемуарной литературы о Великой войне, львиную долю в которой занимали труды о самом масштабном, хотя и не самом славном для бывшей «императорской и королевской армии» Северо-Восточном фронте. Однако, в отличие от произведений германских коллег, эти труды должной оценки зарубежных исследователей не получили. Зачастую куда более самокритичные и при этом достаточно тонкие исследования хода драматичной борьбы в Галиции и Польше априорно были признаны напрасными и ностальгическими попытками хоть что-то оправдать в войне, судя по итогам, проигранной по всем статьям.

К удовлетворению потерпевших немало поражений офицеров бывшей Русской императорской армии и с полного одобрения всегда пренебрегавших союзниками германских офицеров прусской закалки (при непременном злорадстве и уничтожающей критике представителей «не-титульных» осколков), австро-венгерская армия, флот и вообще вся громадная по европейским меркам империя были сделаны в предельно зыбкой «общепринятой» версии истории Первой мировой «мальчиками для битья». Оснований для такого мнения было, с одной сторо-

ны, предостаточно, с другой — сама априорность и распространенность этого мнения были лучшей иллюстрацией к истинному уровню его достоверности. Аншлюс и 17-летняя оккупация Австрии, разгром (как никакого другого из союзников Германии) Венгрии, тот факт, что они оказались на границе миров, привели к тому, что вплоть до конца XX в. особенных шансов на то, чтобы вернуться к задачам, которые не смогли решить их историки в версальских условиях, а уж тем более разобраться со старыми проблемами теперь уже в ялтинских условиях не было. И вновь можно было бы назвать отдельные блестящие работы, и вновь констатировать, что полного забвения все же не состоялось, но и акценты были расставлены однозначно: Австрия и Венгрия не были и не являются субъектами мировой политики, хотя запросто могли помимо своей воли оказаться полигоном для событий мирового значения. В последние два десятилетия определенная ностальгическая волна, подкрепленная намеками на то, что Дунайская монархия может быть сочтена далеким прообразом европейской многонациональной интеграции, способствовала оживлению исследований по истории Великой войны и даже возрождению явной гордости былым величием «неразделимой» великой державы, однако чуда не произошло: ни одна из стран-наследниц Австро-Венгрии и даже все они, вместе взятые, занять соответствующее их предшественнице место в мировой историографии Великой войны не смогли и не смогут. До сих пор ситуацию с учетом австро-венгерской точки зрения на Первую мировую войну в России характеризует простой факт: за почти 100 лет на русский язык не была переведена ни одна книга мемуаров о войне 1914—1918 гг., даже крупнейших деятелей армии (не говоря о флоте) Дунайской монархии. Сравнительно широкой известности удостоились лишь воспоминания министра иностранных дел О. Черни-на и шефа австро-венгерской разведки М. Ронге.¹³ Своего рода комментированным конспектом титанического 5-томного труда Конрада фон Гётцендорфа, доведенного им лишь до первой военной зимы, является (в некоторых главах) культовое для отечественной военно-исторической науки произведение главы советского Генштаба Шапошникова «Мозг армии», вышедшее в 1929 г.¹⁴ На этом список введенных в отечественный научный

оборот австро-венгерских трудов о войне можно было бы и закончить. Для сравнения: едва ли не все основные работы высшего военного руководства Германской империи на русский язык были переведены еще в межвоенный период, а многие из них переизданы в начале XXI в. Конечно, переводов на немецкий тоже не так много, как могло бы быть, однако усилиями не только германских офицеров или издателей, но и за счет желания устроить свою жизнь на чужбине представителей русской военной эмиграции они все же смогли заполнить вакуум хотя бы частично.¹⁵

Следует особо оговорить, не вдаваясь в масштабный анализ имеющейся военно-исторической литературы, который в России проводится с завидной регулярностью и переменным уровнем компетентности,¹⁶ что все три официальные версии истории войны, включая явно уступающую в объеме коллегам советскую/российскую, имеют разный набор достоинств и общие недостатки, вызванные нежеланием в должной мере учитывать и ценить позицию противника (и даже союзника), обязанностью отвечать задачам патриотического воспитания и пропаганды, а также данью стереотипам и цензуре. Это делает необходимым последовательное сопоставление минимум трех, а желательно и нескольких других версий истории Русского фронта — включая турецкую, румынскую, французскую, итальянскую, а из нейтральных — швейцарскую и шведскую, но это фактически невозможно не только для любителя, но и для профессионала, не говоря уже о доступности их для многих ученых в течение весьма долгого времени.

Совершенно особое место должны были бы занять до сих пор крайне неохотно учитываемые в бывших странах-метрополиях национальные версии «отделившихся окраин» — Финляндии, стран Прибалтики, Белоруссии, Украины и выбивающейся даже из этого, отдельного списка Польши. Главная особенность национальных историографий в этих странах, да еще по периоду, связанному с разной степени успешными попытками обрести независимость и собственное место на мировой арене, вытекает из того факта, что они — национальные. Нет смысла отрицать их достоинства, то есть главным образом совершенно особый угол зрения (фактологию и приоритеты в исследова-

ниях), или недостатки, то есть нежелание воспринимать никакие другие углы зрения, кроме собственного, причем не только от бывших метрополий, но даже от коллег по несчастью и конкурентов-соседей. Сложность описываемой выше ситуации с исторической памятью и компетентными, то есть в конечном счете двух- и многосторонними исследованиями, увенчивается тем, что по итогам Первой мировой, несмотря на все усилия, организовать окончательную расстановку точек над «i» и назначение бесспорных виноватых не удалось. Версаль стал лишь прообразом, но не прямым предшественником Нюрнберга. Именно поэтому Первая мировая остается самым описываемым событием в истории и 100 лет спустя, именно поэтому книги о ней не являются лишь разной степени подробности декларацией раз и навсегда выученных приговоров.

Ряд же вышедших за последние годы работ по истории Русского фронта наших западных коллег¹⁷ также отмечен всеми «родимыми пятнами» историографии англосаксонских стран и Франции, то есть до фривольности размашистыми заявлениями и оценками, нежеланием по-настоящему познакомиться с историографией вопроса на кириллице, а потому слепым доверием к немногочисленным известным-таки книгам по отдельным сюжетам военной истории, включая не только новейшие работы, но и блестящие исследования межвоенного периода, наконец твердой уверенностью в необязательности работы в российских архивах (а порой даже в германских), оправдываемой, как правило, априорным убеждением в том, что таковая, как и в 1960—1970-е гг., невозможна по политическим причинам. Впрочем, есть основания полагать, что вскоре зарубежными учёными за образец будут взяты труды, преодолевающие эти недостатки.¹⁸ Разумеется, в этом ряду есть блестящие исключения, кроме того, можно отметить и определенные успехи за последние 30 лет в диалоге отечественного и зарубежного исторических сообществ, которым обязаны, как правило, личным связям, доброй воле и идейности отдельных их представителей. Следует оговориться, что в отношении указанных недостатков и германские, и австрийские исследователи зачастую отличаются в лучшую сторону от своих англо-американо-французских коллег.

Разумеется, Русскому фронту не повезло с исследователями не только в России и на постсоветском пространстве. У Черчилль, весьма пристально интересовавшийся судьбой Российской империи и попытками уничтожить большевизм в зародыше, написал о Русском фронте отдельную монографию под заголовком «Неизвестная война».¹⁹ Вплоть до недавнего времени, когда вышла серия работ об отдельных сражениях 1914—1916 гг., большинство историков на Западе ориентировались на одну и ту же работу Н. Стоуна «Восточный фронт» 1975 (!) года издания,²⁰ причем сам автор (плохо знакомый с русскоязычной историографией) при переиздании своего труда недоумевал: почему это российские коллеги до сих пор не вывели данную работу из актуального оборота? Вероятно, потому, что, как и всегда, читать на кириллице многим из специалистов оказалось недосуг... Русские же коллеги в ответ лишь через сотню лет удосужились перевести на родной язык работу британского военного агента Нокса, на которую ссылались едва ли не в каждой серьезной работе.²¹ Можно лишь пожалеть, что не получили должной известности и написанные о «русском опыте» романы, а потому «Спор о сержанте Грише» А. Цвейга, «Армия за колючей проволокой» Э. Двингера так и не были поставлены в один ряд с «На Западном фронте без перемен». Что уж говорить о вышедшем почти одновременно «На Востоке без перемен» авторства К. Отто,²² написанном на богатом фактическом материале и явно ради того, чтобы на волне сочувствия к «потерянному поколению» отнять хоть часть лавров у Э. М. Ремарка, но без особого успеха.

К настоящему моменту изучение Русского фронта требует отнюдь не только специальных работ или ликвидации многочисленных лакун, хотя блестящие примеры восполнения пробелов имеются, как в отношении собственно военной истории, так и по ряду тем, выходящих за рамки истории Великой войны, но явно определяемых именно ею.²³ Как и всегда в исторической науке, для выхода на новый виток исследований нужно не только количественное накопление вновь раскрытых или обозначенных впервые тем, но и качественно новый взгляд на совокупность проблем, возможный лишь в рамках масштабных работ. Таковые выходят и за рубежом, и в России, и функцию свою, невзирая на осознаваемую их авторами утопичность на-

дежд раскрыть глобальный конфликт в сколько-нибудь обозримой по объему книге, они выполняют.²⁴

Русский фронт образовался далеко не сразу, точнее, далеко не сразу он стал простираться от Балтийского моря до румынской границы, а затем до Черного моря. Разумеется, начиная с 1 августа 1914 г. боевые действия могли вспыхнуть на любом его участке, однако масштабы театра военных действий были таковы, что для формирования сплошной линии потребовалось немало времени и огромные мобилизационные усилия трех, а потом (когда в Галицию прибыл 15-й турецкий корпус) и четырех империй. Естественно, это гарантировало и то, что фронт не сможет исчезнуть всюду и быстро, даже если заключат перемирие и солдатам можно будет, не рискуя трибуналом, бросать позиции, а офицеры перестанут понимать, за что теперь воевать, как и было с весны 1917 г. и до весны 1918 г. Фронт существовал, пусть и на разных рубежах, вплоть до Рижского мира в марте 1921 г., однако в данной книге речь пойдет только о той части его истории, когда там шло противостояние многомиллионных армий громадных империй, находящихся на разных стадиях пути к революции и распаду. Вряд ли стоит, исходя из патриотического воодушевления, возвращаться к столь же старому, как и вопрос о виновности в войне, вопросу о роли, вкладе и приоритете: он методически бесполезен и в конце концов абсурден по самой постановке проблемы. Для каждой империи, каждого региона, каждого народа на тот или иной момент могли стать определяющими события на совершенно разных фронтах. Так, для чехов и поляков как минимум с мая 1918 г. главным фронтом стал Западный, где формировалась армия Халлера и куда столь роковым для России образом стремился Чехословацкий корпус. Для румын порой важнейшим фронтом оказывался Итальянский, ведь всякое тяжелое поражение Италии означало бы угрозы окончательного разгрома Румынии за счет концентрации против нее дополнительных сил двуединой монархии. Примеры эти можно было бы продолжить, тут же вступая в небезыңтересные дискуссии, однако все они лишь подтвердили бы, что однозначного ранжирования фронтов Великой войны (как, впрочем, и любой другой многосторонней войны) по значимости не существует. Даже несмотря

на то, что преобладающие стереотипы на этот счет сложились, а именно:

1. Западный фронт,
2. Восточный (то есть Русский),
3. Итальянский,
4. Салоникский,
5. Кавказский,
6. Палестинский и т. д.

Можно лишь посоветовать читателю самостоятельно провести эксперимент, попросив при случае расставить по местам фронты встреченного серба, японца, армянина, шведа, etc. Первым результатом эксперимента станет, однако, «открытие», что фронтов несколько иное количество, называются они по-другому, а о существовании некоторых из них, скажем, «фронта» в Северном море, воспитанный в отечественной парадигме восприятия событий читатель попросту никогда не задумывался... В этой ситуации остается лишь пожелать, чтобы в дальнейшем попытки выстроить иерархию фронтов базировались на хотя бы примерных представлениях о каждом из них на основе доступной научно-популярной литературы авторства представителей тех стран, для которых каждый из них занимает первое место. С субъективной точки зрения (не отменяющей массы возможных объективных доказательств), для гражданина России «главным» был и остается Русский фронт, а потому эта книга и посвящена (по возможности) именно ему.

В данной книге приходится балансировать между двумя невыполнимыми миссиями: написанием достаточно общего полотна событий Великой войны, сложнейший коалиционный характер которой диктует параллельное описание происходившего едва ли не на всех ее театрах военных действий (в том числе потенциальных), и попыткой полностью посвятить определяемое благосклонностью читателя количество страниц заявленной теме, то есть исключительно Русскому фронту, в надежде, что это позволит хотя бы эту часть мировой войны раскрыть чуть подробнее. Мало того, рамки объема диктуют категорическое требование воздержаться от излишней фактологии, сколь бы эффектной и уместной она ни была. Это необходимо просто потому, что есть достаточно литературы, посвященной

специальным вопросам, где подробная статистика и/или хлесткие цитаты давно превратились в кочующий из одного труда в другой классический набор. И, напротив, экспериментальные и весьма уязвимые для традиционной академической критики попытки изложить историю Великой войны, особенно сам ход противостояния на фронтах, в новаторской манере крайне немногочисленны.²⁵

Базовая дилемма между объемом и темпом изложения событий, кроме того, является и одним из многих отражений сохраняющегося до сих пор в нашем гуманитарном сознании разделения истории на «отечественную» и «всеобщую». Оба последних понятия как минимум многозначны, различие их искусственно и вызывается эмоциональными, то есть вредящими анализу причинами, однако не учитывать их существование и воздействие — как на читателя, так и на автора — невозможно. В качестве определенного фарватера между Сциллой и Харибдой остается предложить лишь отчетливый приоритет событиям Русского фронта, попытку уделять большее внимание его специфике и логике действий, но без утопического стремления выделить из Великой войны противостояние между Россией и Центральными державами в Восточной Европе в конфликт столь же отдельный и принципиально отличный, каким у нас принято полагать Великую Отечественную войну по сравнению с Второй мировой. Насколько это было возможно и насколько это получилось, можно судить лишь по прочтении данной книги, направленной главным образом на то, чтобы приходилось поменьше повторять известное и сделать доступным до сих пор неудобочитаемое. Этим же объясняется и известное стремление дать отечественному читателю побольше представления не о российской (подробно обсуждаемой и публикуемой в нашей стране), а именно о германской и австро-венгерской перспективе и оценках событий. Представляется, что только таким способом Русский фронт может перестать быть односторонним, а военное противостояние на нем — окончательно отойти в историю.

Глава 1

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПРОТИВОСТОЯНИИ КОНСЕРВАТИВНЫХ МОНАРХИЙ

Русско-прусское боевое братство сто лет спустя

Для оценки условий и фона событий по меньшей мере первых месяцев войны на Русском фронте, чтобы иметь возможность понять, как этот фронт приобретал характерные черты, как трансформировалось противостояние. Важнейшим и первым фактором взаимоотношения России и Германии с Австро-Венгрией являлось наличие общей границы, формально, с 1793—1795 гг., а в действительности с Великой Северной войны. Сам факт соседства порождал у обеих сторон весь спектр тревог, подозрительности и повышенного внимания друг к другу, и это соседство в течение ста с лишним лет изначально было отягощено историей и условиями его организации. Радикально на восприятие России повлияло участие русских войск в войнах XVIII в., не только совместно с прусской армией, но и особенно против нее в ходе Семилетней войны, закончившейся для Пруссии (благодаря России) столь неожиданно благополучно. Еще более существенно сказалось эхо наполеоновских войн, а также прямое вмешательство «жандарма Европы» в события 1848—1849 гг., дававшее повод не столько благодарить Российскую империю за спасение австрийской монархии, сколько основания бояться нового вторжения русских войск. Длинная и сложная история династических и родственных контактов закрепили господство скорее прусского взгляда на Россию над иными немецкими точками зрения. В связи с образованием Германской

империи и ускорением процесса формирования нового лица единой немецкой нации многие старые стереотипы следовало соответствующим образом проверить, отразить и воспринять (либо наоборот) в масштабах новой имперской политики и имперского взгляда на мир и Европу.

После ликвидации польского государства в конце XVIII в. образ России в Германии и, наоборот, образ Германии в России обогатился новым структурообразующим элементом: теперь более, чем когда-либо, Берлин стал для русских воротами на запад, началом Европы, а Россия для немцев окончательно превратилась в преддверие азиатского Востока, в страну, которая позволяет немцу постепенно понять чужой мир Азии.¹ Для южнонемецкого мира только Вена могла разделить с Санкт-Петербургом роль начала иного мира, ведь столица Австрии считалась слишком подверженной азиатским порокам в бюрократии, а Россия в представлении немцев действительно была слишком иной, даже не всегда славянской.

Охотничьи угодья в Роминтенской пуще постоянно притягивали кайзера и его придворных, а дружеское общение с русскими пограничниками стоило впоследствии карьеры и жизни полковнику Мясоедову. Так, например, прекрасно осведомленный и озлобленный на кайзера после своей отставки в 1909 г. князь Бюлов описывал анекдотический случай визита Вильгельма на русскую территорию в роли благодетеля местного населения якобы по поручению царя. Визит был вызван тем, что кайзер искренне полагал свои чины в иностранных армиях действительными и дающими право на определенные распоряжения, например, в русской армии или британском флоте. Сам факт вызвал недоумение и раздражение царя, полагавшего эту миссию как «странное и несколько недостойное заискивание».²

Подданные обеих империй, проживающие в соседней стране, концентрировались преимущественно вдоль польского участка границы. Следствием этого было большое количество сезонных рабочих, в основном поляков, с легкостью устраивавшихся по обе стороны границы, ведь это почти не требовало изучения языка.³ Именно Восточная Пруссия сыграла решающую роль в формировании нового, порожденного войной образа врага как с русской, так и с немецкой стороны. Более под-

ходящего полигона для проверки на соответствие старых представлений о соседней нации было не найти. Огромное значение этого региона привело к совершенно неадекватной реакции обеих сторон на события на этом участке фронта.⁴ Преувеличения, мифотворчество и глубокие, психологизированные, контрастные оценки стали неотъемлемой чертой всех описаний боев в Восточной Пруссии⁵ с обеих сторон. Немцы воспринимали русские войска только как «поджигателей,⁶ грабителей и убийц»;⁷ русская пропаганда не оставалась в долгу, напоминая о быстро мифологизированном разгроме Калиша. Ужас перед вторжением с востока в Восточной Пруссии был настолько велик и устойчив, что вплоть до самой смерти Гинденбурга в 1934 г. местные жители зачастую считали фельдмаршала единственной защитой от повторного вторжения «казаков», а известие о его кончине вызвало в Кёнигсберге панику. После первого отступления русских войск из Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. немецкое командование столкнулось со следами пребывания не только солдат, но и офицеров противника, однако и их посчитали в лучшем случае «полукультурными».⁸

Существовало два образа России — прусский, основанный на взаимном стремлении к консерватизму и аллюзиях с событиями Освободительной войны 1813 г., и южногерманский, более критический по отношению к «русскому деспотизму» из-за сочувствия традиционной австрийской неприязни к русским конкурентам на Балканах. Пруссакам было очень сложно преодолеть 100-летнюю традицию дружбы, взаимопонимания и иногда даже тесного союза двух консервативных (как минимум) внешне монархий⁹ и, особенно, династий. Ради лучшего взаимопонимания германское правительство всегда старалось иметь «истинного пруссака» между двумя императорами на «бисмарковской» должности посла в Санкт-Петербурге.¹⁰ Представители Рейнланда и Баварии, наоборот, достаточно легко переходили на русофобские позиции, объясняя их неприязню к тирании русского царя, однако эта точка зрения была распространена в оппозиционных или леволиберальных кругах, далеких от кормила власти.

Очевидная теснейшая связь между царствующими домами Европы, которая была совершенно несовместима с состоянием

смертельной и самоубийственной схватки между государствами с ними во главе, начавшейся с июля 1914 г., уже тогда не позволяла публицистам, политикам и исследователям Первой мировой войны игнорировать личные мотивы в ущерб другим (возможно, истинным) источникам принятия решений. Характерно, что в ожидании будущего конфликта свой взгляд на его неизбежность и возможную природу высказали не только военные или политики, но и ученые, экономисты. Наиболее точный прогноз (из широко известных) получился у Ф. Энгельса,¹¹ его впоследствии подхватил и использовал в своих работах и статьях В. И. Ленин.¹² Позднее марксистская историография фактически не придавала значения всем другим факторам возникновения Первой мировой войны, кроме социально-экономических. Выразителями объективных тенденций развития монополистического капитализма в политическом процессе и дипломатии стали, естественно, империалисты всех стран. Однако многие знаковые фигуры той эпохи с огромным трудом можно было причислить к империалистам как по взглядам, так и по происхождению и общественному статусу.

Характерной особенностью восприятия России в Германии было представление о парадоксальной двойственности этой страны, наличии в ней несовместимых по уровню развития составляющих. Перед немецкими интеллектуалами все время вставал вопрос, что считать истинной Россией — ее полудикую, азиатскую систему управления страной, ее нищету и явную непонятность принимаемых ее правительством решений или ее высочайшего уровня литературу, Достоевского и Толстого, «властелинов душ» не только в России, но и в Германии наравне с Ницше, который считался более вульгарным и простым чтивом,¹³ чем «Преступление и наказание», «Война и мир» или «Братья Карамазовы». Любопытно, что среди русского интеллектуального сообщества, несмотря на частые поездки за рубеж, также отсутствовало единое, целостное представление о том, что такое современная Германия. Существовала та же амбивалентность: с одной стороны — Германия из Эссена, Германия милитаризма, тяжелой артиллерии и «пушечного короля» Круппа, с другой — Веймар, Гете, высокая университетская культура, классическая философия и лирика Шиллера.¹⁴

Обе стороны напряженно размышляли, какой из противоположных образов противника более близок истине или хотя бы какой из них возобладает в будущем. При рассмотрении образа России, сложившегося в Германии в XIX—начале XX в., принято ссылаться на фразу Г.-Ф.-В. Гегеля о том, что русские и Россия — «неисторические» народ и страна, в отличие от Германии.¹⁵ На этом основании делается вывод о пренебрежении ко всему русскому и колонизаторском акценте в немецком взгляде на Россию. Безусловно, во многих случаях это присутствовало, однако упрек в «неисторичности» в первую очередь показывал, что русские по-иному понимают историю и государство вообще и имеют другую парадигму познания и иное отношение к времени, что соответствует истине и признаваемо русской интеллектуальной элитой. Однако из этого философского наблюдения немецкой элитой были сделаны практические выводы, несколько утрировавшие первоначальный смысл, придав ему оттенок вульгарности.

При этом условий для определенного взаимопонимания, особенно в военной среде, было вполне достаточно. Имелась общая проблема обуржуазивания офицерства и восприятия этого элитой в условиях консервативной монархии, хотя имели место значительные различия в темпах. Если в России открытость офицерского корпуса для недворянских сословий, в первую очередь для буржуазии, во время Великой войны была вынужденной или до войны незначительной, то в Германии она стала набирать силу с момента ее объединения в 1871 г.¹⁶ В России же, в условиях подавляющего численного превосходства неграмотных подданных над грамотными и весьма слабого распространения не только высшего, но даже среднего образования, дворянство могло сохранять что-то вроде монополии на офицерские вакансии как в силу традиции или дискриминации выходцев из других сословий, так и в силу своей образованности, а также вследствие энергичных мер правительства по поддержке дворянского сословия в сфере военного образования (особенно при Александре III).¹⁷ Тенденция к профессионализации офицерского корпуса, несколько ошибочно отождествляемая с процессом обуржуазивания, была подкреплена в России реакцией на поражения в русско-японской войне, а в Герма-

нии — все возрастающими сомнениями в превосходстве над коалицией противников. В Австро-Венгрии эволюция социального состава офицерского корпуса определялась двумя почти противоположными тенденциями:

1) требованиями избежать обвинений в засилье титульных наций, хотя немцы и венгры составляли вместе чуть ли не две трети кадровых офицеров (при едва 40 %-ной доле в населении империи), а потому обязательным инкорпорированием представителей всех наций (включая евреев, что России и Германии было не свойственно) в командный состав;

2) желанием поддерживать единство имперской элиты по сословному, а не национальному признаку, а потому явные льготы региональной и порой вполне националистической аристократии. Куда проще, чем в соседних империях, в Австро-Венгрии было получить дворянство, предоставляемое почти автоматически за 25—30 лет беспорочной службы императору.

Несмотря на все успехи в развитии русской буржуазии и интеллигенции разночинского происхождения, офицерство в России даже к 1910-е гг. едва ли не на две трети состояло из дворян, хотя процесс его развития был неоднозначным.¹⁸ Отчасти это объясняется непопулярностью военной службы среди буржуазии и тем, что в ходе XVIII—XIX вв. русским правительством были приняты все возможные меры для зачисления в дворянство, в том числе потомственное, всех людей, серьезно проявивших себя на военной и гражданской службе.¹⁹ Процесс размывания дворянского офицерства и даже военной элиты выходцами из других сословий уже дал такие «результаты», как сын крестьянина М. В. Алексеев, или, как он сам себя именовал в августе 1917 г., «сын простого казака-крестьянина», Л. Г. Корнилов. В 1912 г. доля выходцев из непривилегированных сословий среди генералитета достигала пока только 2.69 %, однако среди обер-офицеров «податного сословия» было уже 27.99 %, причем в казачьих частях был еще более «демократический» состав офицерства. Это означало, что в будущем доля выходцев из крестьян, рабочих и др. вырастет и на верхних ступенях военной иерархии.²⁰ Генералитет самой крупной и одной из самых бюрократизированных армий мира — Русской императорской — насчитывал менее 1.4 тысячи человек, а такое количество ва-

кансий с трудом могло удовлетворить даже запросы выходцев только из придворных кругов и аристократии. Мемуары русских офицеров полны описанием тех манер и того уровня финансовых трат, которые обязан был иметь даже поручик.²¹ Аристократизирование офицерского корпуса, особенно гвардейского, приводило к тому, что жалование офицера престижной части фактически отсутствовало, оно исчезало, а представители знатнейших фамилий проматывали состояние в несколько лет.

Целостность мнения военных разных стран друг о друге поддерживалась общими концепциями построения образа и способом восприятия окружающей действительности. Е. Ю. Сергеев, исследуя структуру менталитета офицеров Генерального штаба великих держав перед Великой войной, пришел к выводу, что наиболее взаимно близки были именно германская и российская военные элиты,²² в том числе благодаря общим базовым установкам,²³ похожим функциям в рамках консервативных империй. Осознание и восприятие друг друга немцами и русскими концентрировалось на несколько демонстративном подчеркивании различий, но не на изначальной враждебности. При этом и те, и другие относились к оппоненту с разной долей снисходительности, вплоть до высокомерного презрения. Это не мешало активному изучению в России классики немецкой военной мысли, российская военная элита находилась под определенным влиянием военных специалистов из Германской империи.²⁴ Уже в ходе Великой войны эта близость подтвердилась в сравнении русских коллег с союзниками, так как австро-венгерское офицерство весьма серьезно отличалось от германского по социальному составу и профессиональной манере, поэтому отношения между ними складывались натянутые, а оценка союзника из второй «немецкоговорящей» империи не только в обществе,²⁵ но и в военной среде порой была еще более критической, нежели мнение о русской армии и ее офицерстве.²⁶ Безусловно, этому только помогало наличие в рядах австро-венгерского офицерства сравнительно большой доли аристократии, кичившейся своими титулами не только перед выходцами из буржуазии, но даже перед прусскими юнкерами, а также пестрый национальный состав, так как среди офицеров-австрийцев достаточно много было потомков онемеченных сла-

вян, что отражалось в их фамилиях, а венгры весьма остро реагировали на любые попытки ущемить их равенство с немцами.

Огромная схожесть консервативных монархий, вплоть до гербов,²⁷ общность тем, над которыми задумывалась их интеллигенция и элита, общие тренды в развитии экономики, социума и культуры, явная аналогичность угроз и задач порождали серьезные трудности в разжигании смертельной немецко-русской вражды, даже в Австрии.²⁸ Куда более склонны к согласию на бескомпромиссную войну с Россией были в Венгрии, где не забыли вторжения николаевской армии в 1849 г. Тем не менее, и в Будапеште было понимание общих угроз от дезинтеграции любой из империй, а приемы поощрения интеграции и методы борьбы с неожиданной для метрополии строптивостью «малых» народов демонстрировали изрядное сходство.²⁹

Часто подчеркиваемые экономические противоречия между интересами прусского юнкерского землевладельческого класса и российским сельскохозяйственным экспортом,³⁰ в которых кайзер якобы любой ценой поддерживал юнкеров,³¹ а также соперничество на Ближнем Востоке как раз накануне войны из-за конъюнктуры цен вновь стали менее острыми. При этом усиление проавстрийских русофобских настроений грозило пруссакам утратой доминирования, навязанного в 1866 г. «малогерманского пути».³² Более того, именно разногласия по вопросам взаимоотношений с Россией (по утверждению самого канцлера) привели к отставке Бисмарка в 1890 г.,³³ что ознаменовало начало новой, собственно «вильгельмовской» эпохи. Кайзер Вильгельм II, вплоть до поражения России на Дальнем Востоке, был уверен, что, «договорившись с царем», сможет решать судьбы мира, настолько мощным казался альянс огромной России и стремительно растущей германской экономической мощи. Оформление Антанты в 1907 г., ставшее следствием фиаско России в войне с союзной Англии Японией, очень быстро сказалось на российско-германских торговых связях: началась постепенная переориентация российской торговли на Великобританию и чуть менее на Францию, хотя Германия по-прежнему была для них недосыгаема.³⁴

В России издавна существовал авторитетный и вполне легальный немецкий «взгляд изнутри». Немецкоязычная пресса

имела особый взгляд на события, важный для всего немецкого населения России и быстро транслируемый за рубеж. Австрийцы уделяли ему мало внимания, почти не считая остзейцев соплеменниками, а вот в Германии полагали, что к нуждам балтийских немцев стоит прислушаться, тем более что это возможно без трудностей перевода. Традиционное недовольство засильем немцев на высших административных постах, наблюдавшееся у русских чиновников и военных высокого уровня, совершенно не находило отклика в верхах имперской администрации. Регулярное обострение отношений с Германией этого нисколько не изменило. Например, генерал Брусилов был поражен абсолютно немецким составом администрации, в том числе военной, даже в приграничном и важнейшем стратегически Привислинском генерал-губернаторстве,³⁵ трое главных экзаменаторов в Академии Генштаба в России носили фамилии Шарнхорст, Цингер и Штубендорф и т. д. и т. п.³⁶

Достаточно сложно оказалось заставить германское общественное мнение всерьез опасаться России и русских как противника, грозного не только своей численностью или неуязвимостью огромных пространств. Пангерманизм, оформившийся как мощное интеллектуальное,³⁷ а не юнкерско-буржуазное течение, должен был получить симметричного противника, и он был найден в лице полумифического панславизма, цитаделью которого могли стать и «стали» Российская империя и ее элита.³⁸ Вероятно, именно из-за этого (а не только из-за моды на националистические и расовые теории) столь широкий резонанс в пропаганде, прессе и умах немцев получил мотив так называемой «славянской угрозы». Попытки пангерманцев преувеличить опасность, исходящую от идеи покровительства России всем славянским народам, не выдерживали никакой критики, однако обывателям это было неясно.

Контраст между возрастающей мощью России, ее слабой организацией и устойчивостью должен был получить объяснение, поэтому нестабильный восточный сосед вдруг стал «базой панславизма», который и заставлял русские власти «бряцать оружием», а не заниматься внутренними проблемами.³⁹ На пропаганду, разъясняющую опасность славянских националистов для Германии и всего немецкого, было потрачено огромное ко-

личество денег и усилий, и до сих пор немецкие историки выясняют значение и влияние панславянских кружков в России накануне 1914 г., хотя подавляющее большинство населения страны даже не было знакомо с идеями славянского единства в силу неграмотности. Этого никак нельзя сказать о пангерманизме и немцах, притом что вес Пангерманского союза в политике по сравнению с разрозненными обществами славянской дружбы в Санкт-Петербурге и Москве был огромен. В. И. Ленин имел все основания писать в 1913 г. в «Правде» о том, что германских шовинистов просто пугают русскими, а русских шовинистов — германскими.⁴⁰ Кайзер летом 1912 г. распространялся о том доверии, которое он питает к царю, сосредотачивая огонь критики на «говорильне» в рейхстаге.

«Slawische Gefahr» стала жупелом в речах немецких «реалист-политиков» и отставных генералов. Весной 1913 г. открытое противопоставление «германства» и «славянства»⁴¹ впервые прозвучало в речах (самого канцлера Т. фон Бетман-Гольвега) в германском парламенте. Военные в статьях указывали на недопустимо слабые силы в приграничной Силезии, придавая дополнительный накал спорами вокруг увеличения кадровой армии.⁴² Австро-Венгрия получала все большее влияние на германскую внешнюю политику, так как именно она рассматривалась как первая жертва будущего натиска славян, а ее дипломаты уже тайно гарантировали Бетману, что в случае войны удастся сделать виноватой в ней Россию.⁴³ Защитникам Дунайской монархии удалось убедить Пангерманский союз и часть населения Германской империи, что будущая война будет схваткой двух миров — германского и славянского, который поддерживает исконный, но уже битый враг немцев, — галло-романский.⁴⁴ Основным доказательством и главным средством запугивания являлись данные демографии,⁴⁵ действительно свидетельствовавшие о стремительном росте славянских народов, хотя и количество немцев росло относительно других народов Западной и Центральной Европы довольно быстро. При этом умнейший политик Германии начала XX в. В. Ратенау, невзирая на пропагандистский угар и не разделяя националистических немецких взглядов, будучи евреем, писал, что германцы и особенно пруссаки вообще на три четверти славяне. Австрийцы

и вовсе считали людей, живущих к востоку от Эльбы, действительно сильно отличавшихся от баварцев и швабов, не совсем немцами.⁴⁶ Этот же мотив затем встречался в западной антигитлеровской пропаганде эпохи Второй мировой войны: наличием славянской крови будут объяснять агрессивность пруссаков по сравнению с немцами южной и западной Германии.⁴⁷

Отъявленная истерия в России относительно Боснийского кризиса, рассуждения о «дипломатической Цусиме», то есть о вынужденном согласии признать аннексию Боснии, особенно показательны в сравнении с тем, как Австро-Венгрии в принципе отказывалась признать себя виновной в одностороннем нарушении баланса. События вокруг Боснии в действительности представляли собой сделку великих держав, порожденную очередным витком политической нестабильности в Османской империи.⁴⁸ В ходе этих событий планируемый взаимовыгодный компромисс, с учетом позиции России действительно не состоялся, однако Австро-Венгрия не стала из-за этого отказываться от уже начатой акции, согласованной в том числе и с «владельцами» Боснии, то есть с турецким правительством. Последующее возмущение России оказалось лишь попыткой возложить вину за собственные промахи и неоправданные надежды на «неблагодарную Австрию», в том числе за счет провокаций панславистских выступлений. В порожденном за этим почти непрерывном кризисе на Балканах главным проигравшим оказалась, помимо Турции, именно Австро-Венгрия, однако эффектом оскорбленного самолюбия пользовалась в своих и других славянских странах интересах именно Россия, намеренная добиться-таки права на провод через Проливы своих военных судов.

Немалое недовольство нарушением столь долго сохраняемого *status quo* выказали и основные союзники обоих «двуглавых орлов». После краха надежд на «новый Бьёрк», во время «свидания» императоров России и Германии в Потсдаме, в ноябре 1910 г., стали очевидны черты нового, последнего перед войной этапа русско-германских взаимоотношений, в 1911—1914 гг.⁴⁹ Попытки деловых кругов достичь договоренности, гарантировавшей дальнейшее мирное сосуществование держав, столь связанных друг с другом экономически и идеологиче-

ски, были неудачны.⁵⁰ Немцы, так же как и впоследствии большевики, уверенно объясняли маневры и колебания в политике контрагента наличием двух борющихся партий, военной, или «панславистской», под руководством Николая Николаевича⁵¹ и мирной, под руководством получившего отставку в конце января 1914 г. В. Н. Коковцова и влиятельных финансистов.⁵² На этом этапе колебаний в позиции обоих монархов больше не наблюдалось, присутствовало только невмешательство в эскалацию конфликта. Попытки русо- и германофилов в обеих странах нейтрализовать ситуацию успеха не имели.⁵³ Германофилы П. Н. Дурново с его известной запиской февраля 1914 г. Николаю II о перспективах возможного русско-германского конфликта,⁵⁴ а также русский дипломат Р. Р. Розен и его меморандум лета 1912 г. о европейской политике России⁵⁵ уже не смогли как-нибудь повлиять на развитие ситуации.

Конфликт в СМИ обострился после статьи в «*Kölnische Zeitung*» под заголовком «Россия и Германия» от 2 марта 1914 г., где были подробно освещены основные пропагандистские установки, подготавливающие общественное мнение к неизбежной войне с Россией. Подчеркивались военная слабость Российской империи и одновременно крайне опасное (в том числе, для Англии, хотя в действительности для Австро-Венгрии) усиление ее влияния на Балканах, ставился вопрос об условиях нового русско-германского торгового договора.⁵⁶ В газетную кампанию вмешались (тайно и явно) военные, как отставные, так и кадровые (!), выступившие с экспертными разъяснениями о склонности русских к пустому теоретизированию, пугавшие демографическим взрывом в России и т. д.⁵⁷ Это не могло не оказать влияния на эмоционального германского кайзера.⁵⁸ Весной 1914 г. он отрекся от любых иллюзий старой дружбы: «Русско-пруссские отношения раз и навсегда мертвы. Мы стали врагами», что не помешало ему в конце июля 1914 г. попытаться использовать иллюзию старого сотрудничества и даже близкой дружбы в своих интересах в переписке с Николаем II. Неоднократно пугавший в 1911—1913 гг. рейхстаг наступлением отстраивавшегося русского Балтийского флота⁵⁹ Тирпиц в апреле 1914 г. инспирировал статью о неизбежности военно-морского столкновения с Россией.⁶⁰ Вслед за кайзером и его военным

окружением раздражение и озлобленность охватили широкие слои германской интеллигенции, журналистов и буржуазию. Всякая взвешенная оценка русской внешнеполитической позиции отсутствовала, основы для компромисса не было не по объективным или империалистическим соображениям, а в силу эмоций. «Berliner Tageblatt» в марте 1914 г. фактически выступила за превентивный удар по России. Несмотря на это, германские газеты без всякого напряжения объявили в начале августа 1914 г. Россию виновной в начале войны.⁶¹

Россия и русская пресса отвечали полной взаимностью. После длительной эволюции взглядов в начале XX в. Российская военная элита также убедилась в абсолютной неизбежности войны с Кайзеррейхом. Отныне все донесения русских военных агентов были посвящены поискам признаков подготавливаемой агрессии. Военный министр В. Сухомлинов дважды в начале 1914 г. выступил под очевидным псевдонимом в «Биржевых ведомостях» со статьей, тон и содержание которой не могли иметь ничего общего с позицией, возможной для официального лица и, тем более, для главы военного ведомства.⁶² На русском военном совете начала 1914 г. обсуждалась возможная военная операция против Османской империи, и Сухомлинов в ответ на то, что это вызовет войну с Австро-Венгрией и Германией, заявил, что к этому русская армия готова.⁶³

Польша как общая проблема

Сложный процесс образования русско-немецкого пограничья и обилие этнических и исторических особенностей осложнили для обеих сторон восприятие друг друга. Пограничные столбы по большей части отделяли не собственно Германию от России, а рассекали польские и украинские земли, и потому порой было сложно определить, где начинается одна страна и заканчивается другая. Более чем 100-летний опыт наличия общей границы и при этом сохранение весьма примитивных и грубых стереотипов восприятия друг друга наводят на мысль о парадоксе.⁶⁴ Он представляется еще более странным, если учесть непреклонную симметрию действий Пруссии и России по по-

этапной ликвидации остатков польской автономии. Были совместно подавлены все польские мятежи, с карт исчезли любые напоминания о бывших польских княжествах и государстве, — что в Познани, что в Варшаве, — методично пресекались попытки развития полноценной системы среднего и высшего образования на польском языке.

Русско-австрийское пограничье окончательно оформилось лишь в 1846 г. после аннексии Австрийской империей Краковской республики и было скреплено кровью совместно подавленного восстания в Венгрии в 1848—1849 гг. И здесь необходимо отметить схожую искусственность границ, просуществовавших немногим дольше, чем русско-прусские, зато куда большую поляризацию по обе их стороны. Усилиями австро-венгерской разведки Галиция должна была стать «украинским Пьемонтом», именно там был очаг украинского сепаратизма и создаваемой на ходу украинской письменности и историко-публицистической литературы, в то время как Россия отвечала игнорированием разницы между велико- и малороссами, а также усилением панславистской пропаганды на территории Австро-Венгрии, причем отнюдь не среди галицийских украинцев, которых априорно (и ошибочно) полагали не нуждающимися в дополнительной идеологической обработке в пользу воссоединения с остальными русскими землями. Сформировались два крыла местной интеллигенции, с которыми в годы Великой войны ожесточенно сводили счеты обе империи.⁶⁵

Понимание в каждой из трех империй рискованности объединения польских земель привело к устойчивому германофильству и русофильству в отдельных кругах политических и военных элит соответствующих стран.⁶⁶ А вот отношения между Австро-Венгрией и Россией даже общая польская проблема исправить не могла: обе многонациональные державы были повинны в провоцировании сепаратизма на территории потенциального противника. Австро-Венгрия была в этом куда более активна, так как была уверена (и не без оснований) в наибольшей из всех трех стран симпатии поляков именно к габсбургской монархии. Выразителем этой лояльности стал ради войны с Российской империей даже социалист Ю. Пилсудский, с территории Австро-Венгрии координировавший антироссий-

ские диверсии, а с началом войны формировавший польские легионы на австрийской службе.⁶⁷ Впоследствии, однако, выяснилось, что австрийские надежды верны в отношении главным образом польской шляхты и аристократии, занимавшей непропорционально высокие позиции в имперской бюрократии, да еще и требовавшей за это слишком многого, например безоговорочной поддержки в конфликте с галицийскими украинцами и русинами. Не следовало забывать и о том, что в польской политической элите существовало пророссийское крыло, отличавшееся не меньшим национальным запалом, нежели их конкуренты.⁶⁸ Что же касается истинной позиции населения как австрийской Галиции, так и русского Привислинского края (названия «Польша» во всех трех империях избегали), то она проявилась уже в ходе войны, оказавшись самостоятельной и не устраивавшей ни одну из сторон.⁶⁹

Следствием русско-германского единства взглядов, направленного против воссоединения Польши, являлся категорический отказ некоторых представителей германской политической элиты от проектов аннексий на Востоке.⁷⁰ Любые уступки по польскому вопросу, т. е. ослабление откровенно колонизаторской политики, особенно в культурной сфере,⁷¹ вызывали у соседней державы недоверие и подозрение. Особенно остро они воспринимались в Германии, где покорение славян, в особенности поляков, сам факт наличия значительных национальных меньшинств и были показателями того, что Германия все-таки империя,⁷² более того, недостаток колоний приводил к фактически колонизаторскому поведению по отношению к полякам на их этнической территории, что предопределило стиль действий на оккупированных землях Российской империи в ходе Великой войны.⁷³ Военные элиты обеих стран достаточно осторожно относились к полякам в своих армиях, и тем более в офицерском корпусе, что особенно было заметно в русской армии,⁷⁴ где служили многие польские дворяне, в то время как в германских войсках польские фамилии онемеченных аристократов, как правило, не мешали воспринимать их как пруссаков. Весьма воинственные речи Вильгельма II, любившего подчеркивать свои бранденбургско-прусские корни, тоже не вызывали ощущения должной последовательности ни у рус-

ских, ни у польских политиков,⁷⁵ хотя русская разведка с удовольствием констатировала неосторожные полонофобские высказывания кайзера.⁷⁶

Политическую же карьеру рассматривали лишь как средство легальной и эффективной борьбы за восстановление хотя бы автономной Польши. Разумеется, на определенном этапе добившиеся успеха польские парламентарии в любой из трех империй фактически становились проимперской партией в польской элите, зачастую оправдывая свою верность императору аристократическими традициями, но не отказывались от национальных целей. Так, в Германии пытался лоббировать интересы Польши граф Богдан Гуттен-Чапский, в России партию русофилов у поляков возглавлял Роман Дмовский,⁷⁷ в Австро-Венгрии самым влиятельным поляком был министр финансов Леон фон Билинский.

Польская шляхта, какие бы высокие посты ни открывались ей в любой из трех консервативных монархий, в целом неодобрительно относилась к попыткам сделать военную карьеру в императорских армиях, осуждая службу с оружием в руках любой из трех держав, повинных в грехе раздела Польши. В случае если не оставалось иного выбора, желавшие военной славы польские аристократы готовы были служить в саксонской армии, а не в прусской, во французской или американской, но не русской. И все же постепенно имперская интеграция и законы человеческой психологии брали свое: несмотря на взаимное недоверие, плохо скрываемую дискриминацию по национальному и/или религиозному признаку, несмотря на необходимость приспособляться к культурному облику титульной нации империи, все больше поляков соглашались служить одному из императоров-«совладельцев» Польши.

Различие между тремя частями Польши постепенно нарастало, ведь огромные усилия по сохранению польского культурного сообщества подрывала разная в трех империях стратегия администрирования и надзора за столь непростым в управлении национальным меньшинством. В Пруссии велась агрессивная политика онемечивания, а большое количество поляков и кашубов вынуждено было уезжать в поисках работы в индустриальные центры Рура, где быстро теряло национальную

идентичность. В Австро-Венгрии максимально гибкая языковая политика всегда дополнялась максимальной консервацией текущего политического и административного устройства, отражавшего в лице императора Франца-Иосифа реалии какого угодно столетия, кроме двадцатого. В России явно делали ставку на общие славянские корни, не оставляя попыток ползучей русификации и введения русского языка не только в официальный, но и повседневный оборот. Поэтому, например, в любом уезде Привислинского края местный администратор всегда был русским (по крайней мере считался таковым) и только его заместитель, проверенный на лояльность, брался из поляков. Эти различные традиции управления сказывались и в ходе Великой войны, когда русская военная администрация попыталась управлять Галицией по образцу бывшего Царства Польского, а немцы и австрийцы в свою очередь совершенно по-разному вели политику в Варшавском и Люблинском генерал-губернаторствах соответственно.⁷⁸

Зыбкость установившихся на целое столетие рубежей, при контрасте организации и менталитета властей по обе стороны границы, приводили к существованию особого феномена границы России, Германии и Австро-Венгрии, которая была скорее объединяющим началом, чем разделяющей чертой. Хотя внешне перемены были разительны: если прусские власти придавали большое значение развитию периферии, видя в этом инструмент интеграции и онемечивания населенной поляками сельской округи, то российские власти, напротив, принципиально не развивали инфраструктуру в приграничной полосе, не желая создавать условия для более тесного экономического взаимодействия разделенных между странами польских земель и уж тем более способствовать будущему германскому вторжению, создавая приемлемые пути сообщения за пределами цепи крепостей на речных рубежах. В Австро-Венгрии же королевство Галиция и Лодомерия, за исключением Кракова, и вовсе оставалось самой отсталой аграрной периферией, хотя в последние предвоенные годы его развитие заметно оживилось в связи с разработкой нефтяных источников, а огромный отток сельского населения за рубеж или в крупные города несколько приостановился.

Проекты воссоздания единства Польши под эгидой любой из держав были утопией, поскольку ни одна из них не могла обеспечить лояльность нового государства к стране-покровительнице. В ходе войны обеими сторонами в своих интересах были испробованы методы содействия национально-освободительному движению польского народа, однако из-за отсутствия целостной программы действий и обдуманного плана перекраивания польских земель они были безуспешны⁷⁹ и слишком односторонни.⁸⁰ Попытка Германии поставить поляков себе на службу с помощью воззвания,⁸¹ а затем и явно ничем не подкрепленной декларации о создании Польского королевства бесславно провалилась: вместо 800-тысячной польской армии на сборные пункты к весне 1917 г. явилось несколько сотен добровольцев. У многих германских офицеров сама идея увеличения сил Центральных держав за счет польских добровольцев встретила непонимание.⁸² Как только надежды на пополнение армий Центральных держав рассеялись, Гинденбург и Людендорф поспешили отмежеваться от любого своего участия в этой «авантюре»,⁸³ хотя М. Гофман, очевидно, знакомый с их истинным отношением к польскому проекту осенью 1916 г., писал в дневнике об их осмысленном согласии на эту акцию.⁸⁴ Следствием попытки осуществления «польского проекта» стал крах даже призрачных надежд на заключение сепаратного мира с Россией при правительстве Штюрмера.⁸⁵ При этом эффект от провозглашения независимости Польши был достаточно велик: началось (хоть и под контролем) постепенное строительство польской администрации, но совершенно вне зависимости от желания Германии использовать ее для своих целей.⁸⁶ После этого немцы обратили главные усилия на сотрудничество с литовскими националистами, натравливая их на поляков,⁸⁷ и начали контакты с украинскими, что до сих пор являлось прерогативой австро-венгерской разведки.⁸⁸ Это вызывало у правительства союзника Германии серьезные подозрения в попытке отделить Галицию от Австрии. Это не мешало тому, что впоследствии офицерский корпус польской армии был «проникнут правыми настроениями», а «значительная часть... имела явно монархические тенденции»,⁸⁹ т. е. политически нарождающаяся польская военная элита была вполне солидарна с германской. Гин-

денбург и Людендорф, поддержавшие Бетмана в конце 1916 г. с его проектом провозглашения независимости Польши, теперь были возмущены этой акцией и всю ответственность за «создание этого уroda» переложили на бывшего канцлера и прежнего австро-венгерского министра иностранных дел Буриана.⁹⁰ Долголетняя убежденность и Германии, и России в том, что Польша должна быть разделена и далее, не оставила немцам шансов на взаимное доверие даже с Ю. Пилсудским, воевавшим на стороне Центральных держав с первых дней войны, — в 1917 г. он оказался в германской тюрьме за отказ приносить присягу на верность монархам своих союзников. Австрийцам удалось сохранить определенное влияние на польские войска, возглавленные затем Й. Халлером, однако только до тех пор, пока развал России не позволил полякам обратить оружие против остальных угнетателей.

**«Русский паровой каток»,
германская сталь и австрийское коварство:
оценки перспектив военного конфликта**

Для эволюции стратегических взглядов и военного планирования в начале XX в. наступил новый этап, как никогда до этого благоприятный для мифотворчества, причем мифы наиболее активно формировались в профессиональной среде, казалось бы, владеющей информацией более, чем какой-либо иной слой. Этому есть несколько объективных причин. Рост влияния прессы и новостных агентств, появление новых видов фиксации и передачи информации провоцировали иллюзию информированности и изученности даже без опыта непосредственного контакта, тем более что вероятного противника и соседа изучали поистине добросовестно. Конечно, представителей военной и дипломатической элит, специализировавшихся на том или ином внешнеполитическом направлении, готовили особо, с помощью командировок и стажировок в страну-контрагента, однако это далеко не всегда исправляло ситуацию. СМИ давали настолько большой объем информации, что профессиональные оценки порой терялись на фоне публицистики, приобретающей

огромное значение и формировавшей среду «знатоков» и «экспертов».

Вполне естественное для европейских монархий положение вещей, при котором элита играет огромную роль в принятии основных решений и определении политики государства, порою «затмевая» монарха, было совершенно чуждо для России и всегда осознавалось как слабость императора, что в конечном счете сказалось на устойчивости монархии и Российской империи в целом. Если в России император явно уступал в дарованиях и/или воле своим приближенным, как это было в царствование Николая II, то было принято скорее критиковать монарха (даже если он и не так уж слаб), нежели отдавать должное крупным государственным деятелям эпохи. Подобный феномен, конечно, вполне объясним с точки зрения русского менталитета, но далеко не очевиден для западного наблюдателя. Так, автор знаменитого для предвоенной Германии труда о будущей войне, генерал Бернгарди спокойно констатировал, что после такого важного события, как убийство Столыпина, российская элита не склонна к войне в связи с грозными признаками растущей нестабильности.⁹¹ О позиции или настроениях почти всемогущего по «Основным законам» Николая II не было сказано ни слова. Более того, Бернгарди утверждал накануне войны, что в России «армия ненадежна», «наступательной войны в России не хотят», а «образованные части народа, как и в русско-японскую войну, за революцию».⁹²

Особенности восприятия России военными соседних империй во многом объясняются тем, что германская военная элита, имевшая огромное значение в государстве благодаря скорее престижу военной профессии вообще, нежели влиянию военных в правительстве, рейхстаге или экономике,⁹³ автоматически переносила свое положение на русских⁹⁴ коллег. Внешние признаки: наличие огромной армии, череда почти непрерывных войн в течение всей новой истории России, престижность военной карьеры и полувойенная по своей сути и составу царская администрация,⁹⁵ сохранение «Табели о рангах» как таковой, безусловная лояльность армии к императору и его семье — свидетельствовали о том, что военные просто обязаны быть стержнем государственных решений в той империи, которая на них и

держится. Однако, несмотря на опыт революции 1905 г. и становление несколько «ходульного» российского парламентаризма, отношения русского императора и военной элиты, бесспорно, оставались на платформе декларативной поддержки самодержавия, но не более. Основанием тому являлись лояльность и даже беспрекословное (по идейным соображениям) подчинение монарху и его решениям. Подлинно трагическая по последствиям в самоощущении офицерского корпуса русско-японская война этого положения фактически не изменила. С другой стороны, конфликт с частью чиновничества, а затем — и с парламентариями был налицо, что только укрепляло согласие с позицией Николая II в государственных вопросах, вполне известной внутри страны и за ее пределами. Скорее всего, именно безусловное согласие офицерства и генералитета с императором и выдавалось за их огромное влияние на него и его политику.

Высокий статус профессионального военного в Германской империи не позволял офицеру так легко отказываться от военной карьеры и выходить в отставку, как это было принято у русской аристократии, даже в случае очевидных творческих дарований и желания испытать себя на этом поприще. В Австро-Венгрии даже в среде офицерского корпуса в отношении военных перспектив монархии царил плохо скрываемый скепсис, хотя он сопровождался решимостью неприятно удивить основного соперника или продемонстрировать превосходство над теми, кого не считали достойным противником — перед Италией и/или Сербией. Определенный пессимизм, недоверие к лояльности солдатской массы и уязвленное самолюбие сближали австро-венгерское и русское офицерство, травмированное русско-японской войной и в еще большей степени революцией 1905—1907 гг. Зачастую в австро-венгерской элите уповали главным образом на ловкие маневры дипломатов венской школы, которым действительно удалось приобрести немалую агентуру и влияние в дипломатическом корпусе, успешно интригуя в Константинополе, Париже и даже в Риме.⁹⁶ Несколько успокаивало чисто инерционное неверие в скорые глобальные перемены, а также уверенность в том, что развал громадной монархии не выгоден ни Берлину, ни Петербургу, ни Лондону.

Германскому офицерству был свойственен куда больший оптимизм в связи с отсутствием негативного военного опыта, каковой имелся у австро-венгерского еще со времен Бисмарка и тем более у русского офицерства после русско-японской войны. В германской армии была выражена склонность к экспансии — из-за кадрового давления и скромной территории метрополии; несколько ниже был общекультурный уровень в силу более высокой концентрации на профессиональных вопросах, в то время как русское офицерство исторически несло огромную светскую и общественную нагрузку, а австрийское во многом ориентировалось на салонную культуру расцвета XIX столетия. В Германии же начала XX в. общественное влияние в большей степени было уделом буржуазии и университетской профессуры.⁹⁷

Российская империя, а также Германия и Австро-Венгрия оставались на уровне элит консервативными авторитарными монархиями, хотя по ряду показателей обе страны объективно уже не соответствовали «идеальному типу» такого государственного устройства, сколько бы ни указывали на существенные пережитки «феодализма» ученые-марксисты. В особенности это касается состояния экономики, уровня влияния буржуазии, господствующих настроений среди верхов интеллигенции. Сходство Вильгельма Гогенцоллерна и Николая Романова при всей разности их характеров было таково, что они имели даже схожих по типу врагов среди собственных подданных.⁹⁸ Оба накануне Великой войны ощущали, что наконец вступают в пору заслуженной зрелости, едва ли не в зенит могущества: Вильгельм отпраздновал 25-летний юбилей правления, Николай — 300-летие династии, а вскоре и 20-летие царствования. Человеком совершенно иного склада и, безусловно, иного поколения был 84-летний (в 1914 г.) император Франц-Иосиф, являвшийся живым символом единства своей державы, но при этом уже не способный по физическим причинам оказывать столь же сильное личное влияние на ход государственных дел, что и прежде. Австро-Венгрия оставалась консервативной монархией в еще более декоративной степени, причем основанием для такого консервативного фасада было твердое убеждение, что единство страны не выдержит первого же серьезного

дисбаланса в расстановке политических сил, который неизбежен сразу после смены монарха. Одним из важнейших факторов всех прогнозов являлась личность очередного наследника Франца-Иосифа эрцгерцога Франца-Фердинанда, который, будучи младше Вильгельма, но старше Николая, не скрывал желания успеть сделать в свое правление как можно больше, тем более что ему доведется начать его уже на шестом десятке лет.

Последнее должно было особенно сказываться на настроениях внутри армии двуединой монархии. Необходимость неукоснительного соблюдения равенства между двумя частями империи, доведенная австрийским бюрократизмом до абсурда, означала, что должного единства в воззрениях внутри офицерства и генералитета нет вовсе. Общим оставалось лишь стремление сохранить хрупкий баланс внутри страны, но столь же общей была и тревога от осознания тщетности этих надежд. Перспектива будущей реорганизации воспринималась весьма по-разному: от желания продиктовать ее условия до стремления оттянуть любой ценой. Упорное нежелание эрцгерцога поддержать радикальные проекты превентивной войны стоило ему многих врагов в среде военных, в том числе в их стане оказался до того поддерживавший его Конрад фон Гётцендорф, быстро вернувшийся на вершину военной власти после кратковременной опалы. Недоволен был, скорее по психологическим причинам, ретивым наследником сам Франц-Иосиф: в 84 года ему было трудно смириться с нетерпеливым желанием нарушить равновесие, сохранению которого он посвятил всю свою жизнь и потому был уверен, что оно будет продолжаться еще неопределенно долго. Именно поэтому, если в Австрии и в некоторых славянских регионах убийство Франца-Фердинанда было воспринято с сожалением или по меньшей мере сочувствием, в Венгрии, ожидавшей от эрцгерцога только попыток снизить статус Транслейтании, с трудом скрывали злорадство даже официальные лица. Австро-венгерское офицерство настороженно относилось к России, видя в ней «тюрьму народов» и опасаясь подозрений в панславизме в случае любых симпатий. К Германии же испытывала симпатии лишь небольшая часть австрийского офицерства, обладавшая пангерманскими воззрениями, зато (при условии уважения пруссаков к своим нацио-

нальным чувствам) готова была на контакт венгерская военная элита, которой импонировало пренебрежение «северных» немцев к «южным».

Довоенные иллюзии познанны, недостаточность хорошо отшлифованных и проверенных стереотипов⁹⁹ для адекватных оценок и прогностики немедленно сказались, так как при недостаточности ресурсов Германии и применяемой весьма рискованной стратегии приходилось намеренно учитывать даже «косвенные» факторы (стиль принятия решений противником, настроения и информированность населения в приграничной полосе, реакция на трудности снабжения вражеских солдат и т. д.), а не только число батальонов и орудий. С другой стороны, тотальный характер Великой войны быстро продемонстрировал, что воюют не армии, относительно неплохо изученные стараниями разведки, а страны и народы, образ которых складывался порой на основе газетных вырезок, а потому оказался беден достоверными подробностями и мало отвечал реальности. Расписаться в своем дилетантизме или непонимании обстановки военная элита (в любой стране) не могла ни публично, ни даже кулуарно — это было несовместимо с менталитетом профессионального военного, с устойчивостью и боеспособностью государства и армии, подрывало веру в себя командования и дискредитировало попытки стратегического планирования, поэтому изъяны и пробелы образа врага должны были быть заполнены мифотворчеством и переработкой имеющихся стереотипов, а случае, когда это было невозможно, прямой дезинформацией, в т. ч. едва ли не самих себя. При конфликтах между различными ведомствами такая заведомо ложная информация становилась еще и фактором противостояния, что особенно заметно на примере борьбы дипломатов и военных не только в эпоху Великой войны и далеко не только в консервативных монархиях.

Основой для взглядов германских и австро-венгерских военачальников на Россию являлись соображения стратегического характера, формировавшиеся не без влияния появившейся в те годы геополитики, исходя из политической географии начала XX столетия.¹⁰⁰ Образованный офицер Генштаба мог иметь любое личное отношение к русским или русской культуре, однако

Российскую империю он воспринимал через призму военных оценок и расчетов, по крайней мере в первую очередь. Для подавляющего большинства высокопоставленных военных личное отношение и образ определяют именно профессиональные взгляды, а не наоборот, как это принято у творческой интеллигенции. Германский образ России начала XX в. и у военных, и у штатских был построен на восприятии ее в первую очередь как огромной, а потому очень опасной державы,¹⁰¹ на этом сыграл Александр III, пугая молодого Вильгельма II вторжением казаков, о которых в Европе всегда ходили самые невероятные слухи. Францу-Иосифу дополнительные угрозы были не нужны: ему уже довелось пережить войну 1849 г., спасшую для него трон Венгрии и навсегда продемонстрировавшую, что такое русская армия. Страх перед размерами России и ее огромным населением являлся даже более важной составляющей ее восприятия, нежели сознание собственного превосходства в уровне техники и культуры. «Русский паровой каток» настолько пугал германское командование, что в дни битвы на Марне сентября 1914 г. слухи о русском экспедиционном корпусе ходили даже в штабах германских армий Западного фронта, где рассматривали сигналы о высадке русских в Бельгии.¹⁰²

При традиционно слабом и предвзятом понятии у большинства европейцев о России и русских в Германии существовали так называемые специалисты и «знатоки России», к которым относились бывшие военные атташе при русской армии и сопровождающие Вильгельма II на его встречах с Николаем II, а за неимением лучшего и университетская профессура.¹⁰³ Эти «специалисты» в 1914 г. грубо ошиблись в своих оценках внешнеполитической позиции и потенциала Российской империи,¹⁰⁴ настроения политической элиты, которую, они, по собственным признаниям, всегда понимали слабо.¹⁰⁵ Это тем более понятно, если учесть, что и с ближайшими союзниками — австрийцами — у немцев случались постоянные размолвки из-за недопонимания.¹⁰⁶

При последовательном рассмотрении вероятных держав-противниц и их военных систем врагом № 1 в плане создания угрозы как германской, так и австро-венгерской территории и мирному населению, следовало признать Россию, на будущий

«паровой каток» которой так уповали страны Антанты.¹⁰⁷ Безусловного единства по этому вопросу не было: в зависимости от места службы и специализации в годы учебы в Академии германские генштабисты врагом № 1 могли считать и Францию, а офицеры флота, безусловно, исключительно Великобританию, австро-венгерские офицеры годами готовились к войне с Италией, а также к масштабным военным экспедициям на Балканах.

Наиболее справедливым и общим чувством среди интеллектуалов Центральных держав, в том числе военных, с началом войны стало ощущение полного невежества немецких образованных кругов в российских вопросах. Германия в очередной раз оказалась не готова к той России, которую она увидит и с которой столкнется в смертельной для судеб династий схватке. При этом нельзя сказать, что это являлось следствием легкомысленного отношения к русским как потенциальным противникам или недостаточной организации оперативно-тактических мероприятий при подготовке к войне. Немцы куда более ответственно, чем русские или французы, отнеслись к сбору информации самого различного характера, которая могла представлять интерес при планировании кампании против России. Если русские офицеры и штабы долгое время страдали от недостатка карт нужного (т. е. очень крупного — 1—2 км) масштаба,¹⁰⁸ пользуясь даже в официальной документации немецкими, то немцы, зачастую благодаря немцам-колонистам, ставшим добровольными и внимательными информаторами, одинаково хорошо были осведомлены о подробностях занимаемой местности, будь она в Эльзасе, Курляндии или Буковине. В Австро-Венгрии полагали, что имеют особый опыт взаимодействия со славянами (что было отчасти верно), а потому недоумения или стремления вникнуть в нюансы действий русской верхушки не проявляли, хотя и не были столь подвержены примитивным стереотипам, как «пруссаки». С одной стороны, достаточное количество славян позволяло при необходимости сравнительно легко подготовить сносно владеющих русским языком специалистов, сказывались и крепкие связи австрийских спецслужб с польским и украинским подпольем. С другой — в связи с ожесточенным нежеланием допускать даже мысль о постепен-

ном преобразовании австро-венгерского дуализма в федерацию со славянским участием от изучения языка меньшинств упорно отказывались, так что генералитет и офицерство не желали понимать даже вверенные им войска, не то что находить общий язык с потенциальным противником.

Дополнительным фактором, который позволял германскому (куда реже австро-венгерскому) Генштабу отслеживать тенденции в российской армии, было большое число прибалтийских немцев в России, многие из которых, постоянно проживая в Лифляндии или Курляндии, военную службу проходили в Германии как германские подданные. Впоследствии они становились профессиональными и добровольными агентами немецкой разведки. Особый статус немецкого остзейского дворянства в рамках Российской империи гарантировал ему господство в администрации прибалтийских губерний, а также замкнутость и консервацию сословия, которое очень старательно защищалось от проникновения представителей дворянских родов из других частей империи, считая это — не без оснований! — первым шагом русификации. Конфликты между немцами-дворянами и имперской администрацией были вызваны не только наступлением правительства на права сословных административных органов, но и тем, что в 1905 г. русская администрация оказалась бессильна помочь немцам против погромов их имений местными крестьянами-латышами и эстонцами.¹⁰⁹ По результатам революции 1905—1907 гг., остзейские немцы сделали вывод о необходимости переориентации на Германию. Российское правительство, особенно во главе с ярым националистом Столыпиным, было заинтересовано в спокойствии более, чем в сохранении всех привилегий лояльных к нему до этого времени остзейских дворян. Вскоре в их адрес началось последовательное наступление, встретившее ожесточенный протест.¹¹⁰ Следствием нарастающей оппозиции немцев к русскому императорскому правительству стал тот факт, что потомки балтийских немцев, переехавших в конце XIX в. в Германию, составили наиболее русофобское течение среди интеллигенции, занимавшейся изучением России.¹¹¹ Их более либеральные коллеги, Г. Дельбрюк, Ф. Майнеке и М. Ленц, поддерживали антирусские настроения по ра-

циональным мотивам, так как не видели иного пути развития для Германии, кроме экспансионистского. Как внутри Кайзеррейха, так и за его пределами не без экзальтации отнеслись к знаменитому лозунгу о «поиске места под солнцем», которое означало новый виток в конкуренции за право оставаться великой державой, а то и появление претендентов на статус сверхдержавы.¹¹²

В России и до войны не без тревоги воспринимали попытки в Германии рассматривать территории на западе империи как поле будущей усиленной колонизации. Несмотря на не слишком высокий престиж армии после русско-японской войны, все же к возможной войне против соседей относились без особенного страха. Более того, с каждым годом нарастало убеждение, что былых ошибок повторено не будет, на этот раз за противника возьмутся всерьез сразу же, а численность российской армии можно довести до таких масштабов, что это парировать любые усилия Германии и Австро-Венгрии. Такие гарантии давал, например, Николай II британскому послу Бьюкенену, обращавшему накануне 1914 г. внимание русского монарха на новую германскую программу наращивания армии. Хотя к германской военной машине и Генштабу особенно в профессиональных военных кругах относились с известным почтением, тем не менее с изрядной долей русской халатности полагали, что против русского натиска никакие ухищрения «немчуры» не помогут. Австро-венгерская армия, не выигрывавшая ни одной войны после 1849 г. и ни одного сражения на суше (не считая экспедиции в Боснию в 1878 г.) с 1866 года, удостоивалась еще меньшего внимания. Именно Дунайскую монархию после Балканских войн в России хотели бы видеть следующим «больным человеком Европы», в разделе которого между дружественными славянскими государствами можно и нужно было бы поучаствовать, если Вена осмелится и впредь провоцировать Петербург, рискуя остатками его монархической солидарности. Представления о ходе войны против двух соседних империй были отражены в планах «А» и «Г», которые, как и планы многих других держав, содержали немало противоречивых устремлений и недооценивали почти очевидные проблемы как объективного, так и субъективного характера.

Мифы и реальность военного планирования трех империй

Как ни странно, исследование стратегии великих держав в Великой войне прошло достаточно долгий путь к подлинно научному анализу. Поначалу этот аспект оставался уделом политической публицистики, отличавшейся всеми характерными чертами дискуссии на тему «Кто виноват?», а также менее откровенно стремившейся к тому же образцу чисто военных исследований, где авторы тщились доказать или опровергнуть возможность достижения победы чисто военным путем.¹¹³ Это не исключает важного порой вклада подобных трудов в развитие исследований, однако и не делает их собственно историческими работами. Такая ситуация не является спецификой Русского или любого другого фронта Великой войны, хотя все попытки преодолеть однобокие воззрения рано или поздно обнаруживали глубокую зависимость авторов от особенностей их национальной традиции. Так, блестящее исследование Б. Лиддел-Гарта «Стратегия непрямых действий» при всех попытках продемонстрировать более широкий подход к вопросу остается все же (по меньшей мере в анализе событий Великой войны) чисто британским взглядом на проблему: в рассуждениях офицера армии Его Величества чувствуется призма Западного фронта и поставленных им вопросов, что вполне естественно для книги авторства сражавшегося на Сомме солдата. В дальнейшем исследование не только стратегии, но и более конкретно коалиционной стратегии превратилось в одно из важнейших направлений в военно-исторических штудиях, дав к началу XXI в. значительные и, что примечательно, нетривиальные результаты.¹¹⁴ В России преодоление в анализе стратегии Великой войны необходимых по политическим соображениям мифов и вовсе началось сравнительно недавно.¹¹⁵

Господство среди правящей монархической элиты модного расово-националистического мнения о германской семье народов, «верности Нибелунгов» и нордическом братстве, автором которого был англичанин Чемберлен,¹¹⁶ объясняет страшное разочарование и даже обиду, с которыми Германия встретила вступление Великобритании в войну на стороне ее врагов,

т. е. «галло-славян».¹¹⁷ Конечно, из-за дипломатических эскапад Вильгельма II¹¹⁸ никаких иллюзий относительно союза с Англией немцы не строили, но «блестящую изоляцию» братья по крови должны были им обеспечить, по крайней мере до того, как разгром Франции станет фактом.¹¹⁹ Многие немцы и, в первую очередь, популярные политические публицисты, просто не захотели поверить в то, что против них воюют не расы, а интересы.¹²⁰ С развитием мирового конфликта открывать эту истину было все опаснее, так как она перечеркивала с таким трудом выстроенную версию «галло-славянской» опасности.¹²¹

До войны было выпущено немало географических и экономических обзоров Российской империи, которые носили плохо скрываемый военный характер, даже если были предназначены для массового читателя. Особенно подробно рассматривались театры возможных боевых действий как на суше, так и на море.¹²² В свою очередь, в довоенных русских изданиях того же рода открыто заявлялось, например, о том, что реки в Померании могут послужить препятствием для русских войск во время войны с Германией, т. е. о войне между Вторым рейхом и Российской империей писалось как о чем-то само собой разумеющемся.¹²³ В ходе войны интерес ко всем сторонам жизни России нисколько не угас, огромное (почти 1.5 млн) количество русских пленных в Германии стало новой возможностью для изучения неизвестного соседа. До войны в Германии было настолько мало специалистов по России, знавших русский язык, что укомплектовать переводчиками разведывательные отделения корпусов удалось только зимой 1915—1916 гг., а дивизии — летом 1916 г.¹²⁴ Австро-венгерские штабы активно использовали навыки поляков и русинов, встречавшихся среди младших офицеров, реже чехов, поляков и хорватов из офицеров Генштаба.

Разумеется, на любом этапе подготовки к будущему столкновению Германии и Австро-Венгрии с Россией среди военных, особенно германских, находились те, кто считал необходимым атаковать Россию «пока не поздно».¹²⁵ В 1880—1890-х гг. эти идеи высказывал предшественник Шлиффена и затем опальный генерал-фельдмаршал А. фон Вальдерзее, рассчитывавший на невмешательство Великобритании и недостаточно окрепшую Францию. После русско-японской войны с вы-

водом об оптимальном на настоящий момент соотношении сил с крайне ослабленной Россией выступил ряд офицеров Генштаба, воочию наблюдавших недостатки русской армии и признаки революционного брожения, в частности М. Гофман и А. фон Тэр.¹²⁶ Не могли не учитывать в расчетах и ослабление русского флота и отставание России в дредноутной гонке в Адмиралштабе, где были обязаны ориентироваться на максимальную концентрацию сил германского флота против заведомо превосходившего его британского, а потому не надеялись на выделение значительной эскадры для наступательных действий на Балтике.

Вплоть до начала боевых действий идея превентивной войны против России, которая могла впоследствии¹²⁷ опасно усилиться вплоть до неодолимости, была не слишком популярна среди большей части офицерства и генералитета,¹²⁸ так как рассматривалась только в связи с планом Шлиффена, посвященным кампании во Франции. Уже выйдя в отставку, автор плана, оценивая геополитическую обстановку в Европе, писал: «Россия, в расцвете своей силы и мощи, умела противостоять всем соблазнам союзников, увлекавших ее к нападению. Нам кажется сомнительным, чтобы теперь, когда сущность современной войны стала ей лучше известна, такое нападение показалось бы ей привлекательным».¹²⁹

Германия особенно внимательно¹³⁰ наблюдала за боевыми действиями во время русско-японской войны, старалась максимально учесть ее уроки,¹³¹ а германская разведка была лучше других осведомлена о состоянии дел в русской армии и тех переменах, что происходили в 1905—1912 гг. Российская армия оказалась в фокусе изучения в том числе потому, что из всех великих держав только Россия имела опыт масштабной войны в десятилетие перед Великой войной. Граф Шлиффен, уходя в отставку в конце 1905 г., должен был позаботиться об исполнении своего плана кампании, за судьбу которого он опасался. Следовало исключить любые колебания, в том числе между двумя ТВД, весьма и весьма возможные, как показал диалог между кайзером и Мольтке-младшим в дни мобилизации 1914 г., когда Вильгельм II, внезапно уверовав в сохранение Францией нейтралитета в уже объявленной России войне,

к ужасу присутствовавших военных потребовал начать развертывание главных сил не на западе, а на востоке.

Уроки русско-японской войны, несмотря на пристальное наблюдение со стороны соответствующего «русского» отдела германского Большого Генерального штаба,¹³² подверглись в Германии и других великих державах одностороннему анализу,¹³³ хотя пессимизм в генштабистских кругах Германии относительно скоротечной войны начал нарастать.¹³⁴ При этом консервативность и неторопливость в радикальных переменах высшего командования вызвали сомнения и опасения у молодых офицеров. С тревогой германские власти ожидали и дестабилизирующего эффекта первой русской революции 1905—1907 гг.¹³⁵ Авторитета России война 1904—1905 гг. не прибавила, породив впоследствии среди германского генералитета массу сожалений об упущенной возможности превентивного удара как по Франции, так и по России.

После Мукдена и Цусимы германский Генеральный штаб до начала 1911 г. не настаивал на наращивании вооруженных сил рейха, полагая их из-за очевидной неготовности России к европейской войне достаточными.¹³⁶ Это привело к тяжелому политическому кризису и громким скандалам в военных кругах — ведь на волне перманентного кризиса в международных отношениях в 1911—1914 гг. Германская империя внезапно ощутила себя едва ли не беззащитной перед крепнущей Антантой. К этому были определенные основания: Франция вышла, казалось, на пик своих возможностей по наращиванию вооруженных сил, явно оправлялись от поражений русские армия и флот,¹³⁷ демонстрировала готовность поддерживать максимальный темп гонки вооружений на море — по принципу «на каждый киль наших два» — Великобритания.

Ослабление военной мощи России в конце 1905 г. было неоспоримо, хотя его масштабы и продолжительность предсказать было сложно. В итоге Россия восстановилась быстрее, чем рассчитывали и надеялись в Германии, но план Шлиффена образца 1905—1906 гг. должен был быть рассчитан на начало войны в любой момент, а вовсе не обязательно через 10 лет.¹³⁸ Таким образом, очевидные преимущества Запада, до этого оттягиваемые угрозой с Востока, склонили чашу весов на сторо-

ну шлиффеновского замаха через Бельгию, оставив в стороне проекты Мольтке-старшего о развертывании против России. Этот эффект только усилился благодаря некоторой русофобии Мольтке-младшего, недооценивавшего Россию, как и все ее недоброжелатели. В итоге развертывание по плану Шлиффена против России кадровых войск количественно осталось почти неизменным,¹³⁹ а массового привлечения ландвера и ландштурма в полевую армию в 1914 г. поначалу не предусматривалось, ведь эти части были плохо оснащены вплоть до 1911—1913 гг. и сильно недооценивались. Доля выделенных для фронта на Востоке сил по сравнению с шлиффеновскими временами даже несколько уменьшились, несмотря на растущую мощь оправлявшейся от унижения на Дальнем Востоке России. Характерно, что, будучи пруссаками, и Шлиффен, и Мольтке-младший были вполне уверены в готовности России быстро наладить отношения вплоть до «боевого братства», как только разгром Франции покончит с любыми другими вариантами коалиции для царя.

Внимание к России привлекало то обстоятельство, что именно сосед с Востока, с точки зрения Германии, стремившейся подчинить своей логике и судьбу союзника, играл роль спускового крючка в будущей схватке великих держав. Это несколько не отменяет того факта, что только на Западе, но не на Востоке представлялась единственно приемлемая возможность блицкрига. Эта истина, столь очевидная впоследствии, тем не менее вызывала довольно ожесточенные споры не только до, но и после Великой войны, когда рассматривались возможные последствия развертывания по Шлиффену наоборот, т. е. основные силы против России.¹⁴⁰ В связи с этим, германский Генштаб, а за ним и коллеги из Австро-Венгрии пристально следили за реформированием русской армии и тщательно анализировали ее достоинства и недостатки. Однако, так как до 1906 г. разведка во многом была основана на данных приграничных станций, персонал которых комплектовался офицерами ландвера, к началу Великой войны многие информационные лакуны на русском направлении были не заполнены. Работа в России по налаживанию разведывательной сети затруднялась особенностями страны и ее населения.¹⁴¹

Уже в первые дни войны стало очевидно, что решительность, с которой Шлиффен при планировании войны на два фронта допускал оставление Восточной Пруссии и отход за Вислу до разрешения ситуации на Западе, не разделяется даже большинством генералитета. Оставленные прикрывать восточную границу части 8-й армии и Ландверный корпус Войрша считались по сравнению с бесчисленными (в этом по доброй европейской традиции не сомневались) русскими ордами — «половиной Азии» — недостаточными, что вызывало нервозность и полуапокалиптические ожидания войны за само существование Германии и немецкого народа.¹⁴² Характерно, что из 8 армий, образованных с началом войны, только одна, 8-я ген. фон Приттвица унд Гаффрона, была сконцентрирована против русских, остальные 7 были на Западном фронте.¹⁴³ При страхе перед «паровым катком» это весьма показательно, однако так же, как и на Западном фронте, командующим этой единственной и потому важнейшей армией был назначен отнюдь не великий стратег.¹⁴⁴ Согласованного плана действий с союзницей не существовало, хотя расстановка сил на Востоке была известна уже 40 лет, в том числе потому, что стороны не хотели утечки информации и предчувствовали споры.

В Австро-Венгрии поражение России в войне с Японией вызвало известное облегчение, однако это имело в конечном итоге скорее отрицательные для нее последствия. Во-первых, планы австрийского Генштаба на случай войны с Россией стали более наступательными и амбициозными,¹⁴⁵ хотя нехватка сил никак не отменяла зависимости от широкомасштабной германской поддержки (которую та и не думала оказывать). Во-вторых, уверенность в успешном противостоянии русской угрозе еще более осложнила диалог между Веной и Берлином, так как в Австро-Венгрии не видели необходимости для уступок, а намерены были скорее добиться передачи под свое командование всех союзных войск на Русском фронте. Количество выделяемых против России сил осталось значительным, однако оно не имело характера «шлиффеновской» асимметрии между театрами военных действий, а потому против Сербии и Черногории, армия которой соответствовала критериям ополчения, Конрад выделил силы, для такого противника явно чрезмерные, а для

блицкрига (как выяснилось) — недостаточные. И, наконец, ослабление России было использовано Австро-Венгрией для аннексии Боснии, то есть цели конъюнктурной и в итоге принесшей проблем значительно больше, нежели репутационных плюсов. Вновь присоединенная территория, даже с учетом вполне феодальной лояльности босняков императору, не вписывалась в баланс между двумя половинами империи, увеличивала антиавстрийские настроения среди славян как внутри, так и за рубежом, а ее аннексия, пусть и почти формальная, являлась явным унижением России, делавшим невозможным компромисс на основе прежней идеи *status quo*. Босния требовала крупных затрат на свою интеграцию в империю и срочных инвестиций по хотя бы частичному выравниванию уровня развития с другими регионами державы. Последствия же для равновесия сил на Балканах были и вовсе катастрофическими.

Конрад фон Гётцендорф, определявший развитие австро-венгерской стратегии в течение десятилетия, с 1906 г., был настроен вести против России активные действия, выходящие за рамки сдерживания. Он полагал, что сможет захватить русскую часть Польши за счет удара между Бугом и Вислой, встречной операции германских войск из Восточной Пруссии в направлении на Седлец, провоцирования тотального польского восстания, а также преимущества во времени, даваемого сроками мобилизации. Эта комбинация выглядела вполне логичной, но не учитывала ни позиции Германии, ни хода событий в русской армии. Никогда не доверявший Италии как союзнику про Тройственному альянсу Конрад тем не менее был готов поверить в ее нейтралитет в лучшем случае, но тщетно уговаривал своих германских коллег не рассчитывать также на итальянское содействие против Франции, даже обещанное начальником Генштаба Италии генералом Поллио.¹⁴⁶ Глава австрийского Генштаба был убежден в возможности быстрого и сокрушительного разгрома Сербии, во враждебной позиции Румынии по отношению к России, хотя не рассчитывал на ее вступление в войну на стороне Дунайской монархии, с венгерской частью которой у румын были столь острые разногласия. Нет смысла подробно останавливаться на истории австро-германских предвоенных дискуссий относительно масштабов участия и рас-

пределения обязанностей, однако факт остается фактом: ни о какой поистине единой союзной стратегии против предполагаемого русского вторжения говорить не приходится. Ситуация несколько улучшилась за счет постепенного налаживания личных контактов Мольтке и Конрада, но необходимость пунктуального учета формального равенства двух держав исключала выбор какого-либо конкретного варианта.¹⁴⁷ Обе стороны действовали параллельно, убеждая себя в том, что они едва ли не альтруистически заботятся о союзнике, насколько это вообще возможно в их (то есть только одной страны) сложном военном положении. Показательно, что о формировании командования фронтов (или групп армий) ни одна сторона не задумывалась, оставаясь на уровне отдельных армий, что крайне вредило согласованию действий и провоцировало конфликты иерархии.

Таким образом, оценки боеспособности русских вооруженных сил явились важным фактором нагнетания обстановки внутри германского офицерства, стали причиной повышения кадрового давления. Тем не менее, внимательно наблюдая за военными реформами в России и за ее экономическим развитием,¹⁴⁸ часть германских военных настаивала на немедленной атаке Франции, особенно во время кризисов 1905 и 1909 гг., однако кайзер к тому времени перестал быть сторонником превентивной войны, если когда-то и был таковым.¹⁴⁹ Зато эта концепция полностью удовлетворяла Бетмана, который при всей своей сдержанности в экспансионистских планах считался русофобом. С началом войны ситуация решительно изменилась: теперь «превентивная война» стала отражением мифа об оборонительном для Германии характере войны, спроецированным на политические реалии. Довоенное чувство общности взглядов между офицерством двух консервативных монархий должно было смениться соревнованием и напряженным поиском принципиальных различий и/или профессиональных преимуществ над противником.

В русской армии крайне бедственное положение младшего офицерства¹⁵⁰ и сомнительные шансы на сколько-нибудь хорошую карьеру привели к резкому падению престижа армейской службы среди интеллигенции и дворянства. Это привело к тому, что, несмотря на богатые традиции и благотворное влия-

ние реформ 1905—1914 гг. на положение младшего командного состава, большое количество офицерских мест в армии оставалось вакантным. Некомплект достигал нескольких тысяч офицеров!¹⁵¹ Ликвидировать эту ситуацию без чрезвычайных мер было невозможно, годовой прирост офицеров из всех источников (выпуск из училищ, производство из унтер-офицеров за особые заслуги и одногодичников и т. д.) составлял около 3—3.5 тысяч и едва покрывал убыль офицерского состава (в год около 2.7—3 тысяч человек).¹⁵² В России большие надежды возлагали на дальнейшие меры по улучшению довольствия офицерского корпуса и вообще на Большую программу развития армии и флота, едва-едва рассмотренную Думой, а пока германский Генштаб вполне учитывал не только потенциальные мобилизационные возможности огромной России, но и очевидные недостатки в количестве и качестве офицерского корпуса ее армии.

Германская империя не могла предъявить осмысленных территориальных претензий ни к одной стране Европы, кроме, может быть, своей союзницы Австро-Венгрии.¹⁵³ Широко известные проекты Пангерманского союза по аннексии прибалтийских земель и их присоединения к Кайзеррейху до войны и на протяжении большей ее части оставались заведомо утопическими мечтами,¹⁵⁴ которые германские правящие круги не воспринимали всерьез вплоть до Февральской революции в России, а в периоды потепления русско-германских взаимоотношений относились к ним даже резко отрицательно. Германия с огромной тревогой следила за тем, как Россия выходит из тяжелого положения, в котором она оказалась по итогам Портсмутского мира, удачно нормализовав отношения в 1910 г. даже с Японией и освободив тем самым 300 тысяч солдат для европейской войны.¹⁵⁵ Среди части придворных, дипломатов и отставных военных Россия представлялась почти орудием грядущего Апокалипсиса, скорого и неизбежного. Именно это явилось основанием для последовавшего за объявлением войны почти всеобщего твердого убеждения в том, что именно Германия — обороняющаяся сторона. С этой точки зрения, можно считать дипломатическую переписку Вильгельма II с Николаем II 29—31 июля 1914 г. продуманной и удачно завершившей-

ся провокацией, так как вина России в объявлении открытой всеобщей мобилизации неопровержима, а все остальное рассматривалось как адекватные меры ответа.¹⁵⁶ И сегодня, спустя 100 лет с лишним лет, в мировой историографии продолжают дискуссии о соотношении субъективных, объективных и случайных факторов по ходу эскалации международного кризиса в Великую войну.¹⁵⁷

Мощным катализатором будущего противостояния стали Балканские войны, которые, к явной растерянности великих держав, завершились разгромом Османской империи коалицией преимущественно славянских стран, немедленно приступивших к переделу наследства. Тот факт, что Россия не меньше Германии была обескуражена исходом событий и славянам официально не способствовала, никак не убавил впечатления от славянского рывка к контролю над Балканами. В Германии и Австро-Венгрии началась паника,¹⁵⁸ немцы и венгры сплотились против славянской опасности. Германские военные, считавшиеся главными учителями новой турецкой армии, были неожиданно для себя поставлены на грань всеобщего сомнения в их профессионализме. Тогда же, 8 декабря 1912 г., состоялся военный совет, который, по мнению Ф. Фишера и историков его школы,¹⁵⁹ стал поворотным моментом в предыстории Первой мировой войны. На совете, где канцлер Германской империи даже не присутствовал, кайзер дал волю своему гневу и красноречию, сделав несколько жестких милитаристских заявлений.¹⁶⁰ Они впоследствии и легли в основу версии о виновности правящей верхушки Германии в эскалации конфликта. В декабре 1912 г. кайзер санкционировал в прессе начало пропагандистской кампании против России и славян вообще. Однако к концу месяца для военного окружения Вильгельма стало очевидно, что поток статей был инспирирован ради большей поддержки новым программам по усилению армии и флота, а не ради подготовки общественного мнения к войне с Россией.¹⁶¹ К разочарованию и возмущению Тирпица, очередной раз поверившего в серьезный тон радикальных высказываний Вильгельма,¹⁶² уже в начале января 1913 г. кайзер вновь поменял тон своих высказываний на примирительный и фактически отказался от планов превентивного удара по Франции.¹⁶³ Таким

образом, сколь решительными ни выглядели бы речи кайзера на упомянутом совете (согласие с ним его подчиненных вполне понятно — от этого зависела их карьера), безусловной заинтересованности Германии в войне это не доказывает.

Реальная (в противовес трескучим фразам) сдержанность и склонность кайзера к дипломатическому пути решения вопроса вызвали на него град критики со стороны пангерманцев и поток граничащей с оскорблением величества пропагандистской литературы, призывавшей кайзера к немедленному началу боевых действий для защиты «германства». Пангерманский союз фактически перешел в оппозицию к правящему режиму, а военные, вне зависимости от их собственного мнения, оставались в первую очередь, исполнителями приказов кайзера.¹⁶⁴ Последнее потепление в русско-германских отношениях зимой 1914 г. закончилось быстро, несмотря на вмешательство советника канцлера Бетман-Гольвега Курта Рицлера, выступившего под псевдонимом в прессе с очень умеренной и даже оптимистичной статьей о будущем развитии контактов с Россией.

Сильное раздражение российской верхушки по поводу миссии Лимана фон Сандерса справедливо вызвало некоторое недоумение в Германии,¹⁶⁵ не ожидавшей столь острой реакции на достаточно типичное явление — немецкого военного советника высокого ранга в турецкой армии, пусть и на важнейшем посту. Так как Османская империя еще не оправилась от поражений Балканских войн, желание младотурок надежно обезопасить Константинополь, связав его с авторитетом нуждающейся в мире Германской империи, было естественно. Однако недооценка психологического восприятия в России всего, что связано с Проливами, стоила Германии надежд на улучшение взаимоотношений с Россией, наметившееся было в 1910 г., после соглашений в Потсдаме.¹⁶⁶

Мнение военных о возможных противниках, в том числе о России, казалось, должно было наиболее оперативно эволюционировать из-за секретной информации, постоянно поступающей из спецслужб, к которой другие слои общества не имели доступа. Однако, отдавая должное роли разведанных и разведывательных служб в перипетиях войны 1914—1918 гг. и в подготовке к ней,¹⁶⁷ необходимо все-таки отметить, что мно-

гие факты, замыслы и планы строго секретного содержания из-за затянувшегося мира и общего высокого уровня глобализации могли легко стать достоянием широкой общественности, если бы она внимательно отслеживала соответствующие информационные потоки.¹⁶⁸ План Шлиффена был почти полностью опубликован в одном из специальных периодических изданий еще в 1905 г., и после того, как генерал Вильсон сообщил полный «order of battle» уже в 1911 г., в некоторой степени французский Генштаб на это отреагировал, составив в итоге «план 17».¹⁶⁹ На деле же были восприняты только общие стратегические посылы германского замысла кампании, вполне понятные и без утечки информации, а вот важнейшие детали и общая динамика будущих оперативных действий были упущены, что и поставило Францию на грань катастрофы в начале сентября 1914 г.

Таким же образом и в Центральных державах имели возможность из полемики в газетах, хроники событий¹⁷⁰ и из-за откровенно дилетантских утечек информации¹⁷¹ в ходе пропагандистских кампаний и дискуссий по вопросам вооружения составить себе подробное представление о схеме сосредоточения русских армий в случае войны и ближайших оперативных целях противника. Русское Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ) в 1908 г. было вынуждено особым циркуляром запретить военным, публикующимся в прессе, указывать свой чин и должность в статьях. Тем не менее, не склонный к самокритике и критике германской армии в целом генерал Гофман в своих мемуарах признавался, что после того, как в план русского развертывания, до этого в 1902 г. купленный у одного из русских военных, были внесены в 1911 г. очередные изменения, немецкий Генеральный штаб имел слабое представление о мобилизации и переброске войск всех военных округов Российской империи, кроме приграничных Виленского и Варшавского. М. Гофман, которому перед войной было поручено воспроизвести план русских действий против Германии в случае конфликта, со своей задачей не справился. Благодаря действиям подполковника Николаи в 1910 г. удалось только окончательно установить довольно очевидный факт образования с началом войны 2 русских армий на неманском и наревском направлени-

ях. Куда будут направлены главные силы русской армии, германские стратеги не знали не только до войны, но и в середине сентября 1914 г.¹⁷² Об использовании резерва русской армии они могли только теряться в догадках. Германская контрразведка также вела себя порой беспечно, а русские офицеры всего за несколько лет до войны на глазах у коллег из кайзеровской империи занимались съемкой местности и разведкой в приграничных областях, что воспринималось лишь как учебное задание.¹⁷³ С другой стороны, командированный в 1905 г. в Россию В. Николаи не скрывал свое звание офицера Генерального штаба, и никто не препятствовал ему в поездках, хотя окружающие были убеждены, что он занимается сбором разведанных.¹⁷⁴ Чувство общности между офицерами Генштаба обеих стран было таково, что германский военный атташе в Париже просил своего русского коллегу воздействовать своими оценками французских армейских маневров не только на Петербург, но и на Берлин через связи высших кругов обеих империй.¹⁷⁵

Подобное невнимание к разведанным тем более удивительно, что русские разведчики порой работали просто блестяще,¹⁷⁶ что вызывало справедливое негодование и уважение их германских и австрийских контрагентов. Пиком успехов стало виртуозное копирование секретных документов прямо во время присутствия на маневрах армии вероятного противника. Впоследствии, обнаруживая среди трофеев и на убитых русских офицерах точные сведения о германских и австрийских крепостях, а также иную сверхсекретную информацию, военные Централных держав нередко задумывались о роковых последствиях несколько большей военной удачи русской армии. Однако последняя не имела ни возможности, ни даже необходимого профессионализма в подходе к делу, чтобы вполне воспользоваться разведывательной информацией, а также сделать порой достаточно очевидные выводы. В русских штабах и разведывательных отделениях армий и фронтов царили хронический недоучет или игнорирование огромного количества информации. Ее было тем проще обработать, что языковая проблема перед большинством офицеров Генштаба и генералов попросту не стояла, ведь немецкий язык был для многих из них или вторым родным, или основным иностранным.

Как известно, замысел и апробирование будущего Танненберга были осуществлены германскими офицерами штаба еще на выпускных экзаменах Академии в 1898 г.,¹⁷⁷ а затем неоднократно воспроизводились с тем, чтобы с удивительной точностью, несмотря ни на что, состояться в августе-сентябре 1914 г.¹⁷⁸ Если бы русские генералы уделили хотя бы минимум внимания анализу довоенных учений немцев в Восточной Пруссии¹⁷⁹ и строительству укреплений Летцена, а не Кенигсберга, то результат Восточно-Прусской операции в итоге должен был быть строго обратным. Можно поразиться и тому, как Ренненкампф, имевший массу знакомых в германской армии и неплохо разбирающийся в их военной теории, мог в августе 1914 г. всерьез полагать, что основные силы германской 8-й армии будут отступать так, чтобы обороняться в блокированной врагом крепости (то есть в Кёнигсберге). Любой, кто имел представление о германских выводах из кампании 1870—1871 гг., кто знал, какими хрестоматийными примерами для любого германского офицера, включая 18-летних лейтенантов, являются Седан и Мец, должен был со всей уверенностью полагать, что основные силы полевой армии никогда не позволят запереть себя в укреплениях, предпочтя этому отступление ради свободы маневра. Характерно, что вполне очевидное узловое значение Летцена как пункта, контролировавшего кратчайший путь через Мазурские озера между неманским и наревским направлениями, где были развернуты 1-я и 2-я русские армии, так и не было осознано русскими даже в реальной военной обстановке конца августа 1914 г. Тогда Летцен, вплоть до отступления армии Ренненкампфа после разгрома армии Самсонова, оборонялся незначительными силами местного германского ополчения, а вчетверо превосходящие его осаждавшие русские силы так и не предприняли ни одного серьезного штурма.¹⁸⁰ В качестве аналога можно привести Осовец, небольшую крепость на Нареве, выдержавшую значительно большую нагрузку на важнейшем с оперативной точки зрения участке, в первую очередь из-за грубой недооценки его потенциала германскими генштабистами. Впоследствии, в том числе 100 лет спустя, Осовец был сделан примером культовой обороны от «германских полчищ»,¹⁸¹ которых рядом с ним никогда не было, хотя

технические средства — тяжелая артиллерия, саперы — после первой неудачи немцев были выделены более чем достаточные. Австро-Венгрии же прямо накануне войны (в мае 1913 г.) потрясло дело полковника Редля,¹⁸² ставшее затем основой для самых нелепых домыслов — ведь после того, как выяснилось, что русским агентом много лет являлся едва ли не главный человек в разведке двуединой монархии, казалось, что невозможного для противника нет вовсе.

Ставшая популярной в Германии накануне Великой войны работа балтийского немца П. Рорбаха «Война и германская политика», в 1915 г. изданная в России,¹⁸³ уже во введении утверждала, явно не желая признавать очевидных фактов, что «сыновей 1915 г. можно заранее назвать сыновьями победы»,¹⁸⁴ «единственное, что может принудить к миру — голод неимущих, но запасы истощиться не могут».¹⁸⁵ Особенно автор нападал на Россию, так как русские, по его мнению, ненавидят Германию, и даже 3-летний срок военной службы во Франции введен по требованию России!¹⁸⁶ Анализируя слабости и перспективы восточного соседа, П. Рорбах приходит к выводу, подозрительно похожему на позицию древнегреческого историка Ксенофонта относительно огромной империи Ахеменидов: «Только тот, кто не знает России, может ее бояться!»¹⁸⁷

Однако на фоне предвоенной истерии и фобий, как в Германии, так и в России, Главное артиллерийское управление России продолжало закупать шрапнель новейших образцов в Германии и постоянно командировало на заводы в Рейнланде своих специалистов для последующего налаживания производства, а Крупп сам предлагал свою новейшую продукцию, особенно мортиры, аналогов которым в России не производилось, российскому военному ведомству. Объявление войны застало русских военных эмиссаров в Германии на финальной стадии закупки вооружений.¹⁸⁸ Генералу фон Франсуа весьма пригодились в дни битвы при Танненберге автомобили немецких и французских марок, заказанные русскими военными и чиновниками, уже оплаченные и не доехавшие до пограничного Эйткунена совсем немного.¹⁸⁹ Летом 1914 г. в странах наиболее вероятного противника и в Швейцарии на лечении и на отдыхе находились десятки русских сановников и генералов, которые

были задержаны с началом войны.¹⁹⁰ Таким образом, едва не оказались в плену будущие командующие армиями Брусилов и Флуг, и это притом, что возмутительные сцены антирусской истерии Брусилов наблюдал еще в мае 1914 г., однако Кайзеррейх покинуть не торопился. Вовсе не собирались спешно уезжать после Сараевского убийства и те подданные Российской империи, которые на территории Австро-Венгрии вполне успешно наладили контроль над ходом революционной работы на родине, в том числе В. И. Ленин. Определенная неприязнь к России в габсбургской монархии тем не менее не выходила на уровень эмоциональной страсти или легкомысленной уверенности в перспективах прямого военного столкновения. Обе части империи были готовы всемерно содействовать кризису столь же многонационального соседа, но отнюдь не ценой смертельной схватки, победа в которой была чревата только одним — нарушением баланса внутри Австро-Венгрии, ценнее которого для ее элиты не было ничего.

В Германии восприятие России как врага было тем более сложным,¹⁹¹ что, в отличие от случая с Францией, оно не имело недавней продолжительной традиции противостояния, которая могла быть без помех пролонгировала вне зависимости от набора политических случайностей и решений июня-июля 1914 г. Антирусский истерия последних предвоенных месяцев в глазах прусского и в меньшей степени германского офицерства так и не заслонила столетнюю дружбу между Пруссией и Россией, которая была скреплена на полях сражений 1806—1807 и 1813—1814 гг. и Тауроггенской конвенцией 1812 г., положившей начало войне за освобождение Германии от Наполеона.¹⁹² Свообразным эпилогом 100-летней дружбы стала сцена объявления войны 1 августа 1914 г.: потрясение разразившейся трагедией, слезы, забытые в растерянности документы, отъезд накануне погрома в посольстве графа Пурталеса, имевшего массу друзей в России.¹⁹³

Глава 2

БИТВА СТАРЫХ АРМИЙ

Навстречу быстрой победе, август 1914—зима 1915 г.

Начавшееся после 100-летнего мира противостояние трех империй центра и востока Европы, казалось бы, должно было перевернуть восприятие друг друга Россией и немецкими государствами едва ли не на 180°. Однако было бы несправедливо однозначно утверждать, что образ России в Германии радикально изменился в связи с началом Великой войны в августе 1914 г., так как прочная репутация опасного для Германской империи государства у России сложилась и до Июльского кризиса, и даже до «газетной войны» весны 1914 г. между двумя державами. В результате сложившейся коалиционной ситуации в Европе начало войны с Российской империей германское общество должно было воспринимать скорее как естественный ход событий и логичное продолжение многолетней тенденции скатывания к противостоянию.¹ Тем не менее, объявление войны сопровождалось таким поведением среди немецкой элиты, которое однозначно показывало поверхностность всех грозных заявлений и официальной риторики — тон переписки Вильгельма II с Николаем II, последующая искренне родственная² обида, шок многих представителей обеих стран, которых война застала на территории государства, внезапно ставшего вражеским.³ Особую реакцию демонстрировали немецкие фамилии,⁴ служившие и русскому, и германскому государям, для которых война могла стать истинно гражданской, так как пришлось бы воевать если не с ближайшими родственниками, то хотя бы с людьми родной крови. Эта драма породила огромное количество домислов в духе теории

заговора, оказавшихся наиболее устойчивыми в чувствовавшей себя «окруженной» Германии и в погрузившейся в десятилетия социальных экспериментов России, хотя аналоги таких версий складывались и в других великих державах. Конечно, можно и 100 лет спустя дискутировать о «виновности» в войне, примерно с тем же результатом, что и ранее. Разоблачения и обвинения как прием не теряют актуальности, а «доказательств» можно найти вполне достаточно, если заранее знать «виновных».⁵

Для монархов и их ближайшего окружения начавшаяся война стала семейной драмой, возможность которой рассматривалась и ранее, но никогда в должной мере не осознавалась.⁶ В своей речи 3 августа 1914 г. кайзер подчеркнул вынужденность и тяжесть принятия решения о войне с соседней страной, с которой было одержано столько общих побед, но которая, однако, нарушила верно хранимую Германией дружбу и поддержала террористов.⁷ Даже обстановка вокруг Вильгельма II и Николая II была слишком похожей, начиная от «византинизма»⁸ приближенных и до сомнительной репутации некоторых друзей семьи, отягощенной скандалами, на которые оба монарха реагировали очень остро.

Пристальное внимание обеих военных элит, российской и немецкой, друг к другу до войны, обусловленное якобы только служебной необходимостью,⁹ сменилось полной и несколько искусственной информационной блокадой и демонстративным (хотя и временным) нежеланием что-либо знать о противнике, кроме чисто военных вопросов. Даже на бытовом уровне это выглядело несколько абсурдно, так как огромный товарооборот между странами, взаимозависимость экономик, немецкие фамилии и одинаковые цейссовские бинокли по обе стороны окопов¹⁰ приводили к ощущению бессмысленности разрыва. Чем выше был чин и статус человека в российской армии, тем упорнее он старался забыть о своих довоенных связях, воспоминаниях и мыслях по отношению к Германии или Австро-Венгрии. Это было неестественно для офицерского корпуса, который привык живо интересоваться иностранными армиями. В силу скоротечности событий конца июля 1914 г. офицеры вряд ли должным образом отрефлексируют глубинные причины внезапного начала войны и уж тем более нашли глобальные объяснения происходящему, не укладывающемуся в рамки повсе-

дневных представлений. Для германского, австро-венгерского и русского офицера война против той или иной державы не являлась катастрофой и была не столько возможностью карьерного роста, сколько эвентуальным событием, которое и состоялось в начале августа 1914 г. Готовность к конфликту в силу профессии затрудняла анализ его причин и тем более критику действий правящей элиты. Более подходящим выходом, чем анализ действий политиков и дипломатов, для менталитета офицера консервативной монархии первоначально было рассмотрение войны как широкомасштабных маневров против ожидаемого и давно известного противника и поддержание секретности, т. е. добровольная информационная блокада.

Первые месяцы Великой войны стали самыми кровопролитными за весь конфликт на всех его фронтах.¹¹ Хотя об уровне огневой мощи, достигнутой к 1918 г., в первую кампанию и мечтать не могли, порыв в атаку — в этой войне «до Рождества» — был таков, а тактика столь неадекватна применяемому вооружению, что очень многое в восприятии друг друга воюющими армиями было предreshено еще тогда, в 1914-м, хотя проверка устойчивости сложившихся стереотипов и болезненное приобретение опыта затянулись на несколько лет.

Важнейшее психологическое воздействие на армии трех империй оказали первые же масштабные битвы на Востоке — в Восточной Пруссии, то есть Танненберг, и Галицийская. Результатом их (помимо сотен тысяч убитых, раненых и пленных) стало априорное убеждение в том, что германская армия явно превосходит русскую, а русская — австро-венгерскую. Разумеется, можно привести немало конкретных примеров, опровергающих или по меньшей мере уточняющих этот «рейтинг», однако для перипетий военного конфликта зачастую важна не реалистичность мнения, а его устойчивость, его воздействие на боевой дух, как негативное, так и позитивное. К беспощадной схватке готовили с первых дней войны, и более всех — в германской армии. Первый же приказ по 8-й армии, единственной тогда на Русском фронте, от 7 августа 1914 г. заявлял германским солдатам, что «бои пойдут за само существование германского Отечества». С таким же ощущением шло в бой и австро-венгерское офицерство в Галиции, что вряд ли можно

сказать о солдатах двуединой монархии. В русской армии сознанием роковых последствий возможного поражения не были проникнуты ни низы, ни верхи. Низы плохо представляли себе расстановку сил и причины войны, верхи были убеждены в невозможности поражения или по меньшей мере тяжелых последствий его для статуса России как великой державы.

Вопрос о потерях в сражениях в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г., которые было бы корректно объединить в одно, не отделяя Танненберг от последующего вытеснения армии Ренненкампафа за Мазурские озера к Неману, до сих пор

остаётся открытым. Официальные цифры серьёзно расходятся с данными противоположной стороны. Вызвано это теми же причинами, что и в оценке соотношения сил. Спецификой же этого сражения является грубая недооценка сил и потеря германской армии, вызванная тем, что в нём приняло участие значительное количество тех, кого в официальных отчетах не учитывали. Чуть ли не в каждом соединении штаты были не только доведены до максимума, но и существенно превышены за счет добровольцев. В ландверных и ландштурменных (то есть ополченческих) частях, не имевших должного оснащения, но и менее скованных рамками строгого боевого расписания, это было особенно масштабным явлением. Потери же таких «в списках не значившихся» установить почти невозможно, да и их старались не афишировать, а то и вписать в графу «жертвы среди гражданского населения». Сказывается и попытка двойного, а то и тройного учета количества пленных, ведь, как и всегда в таких случаях, между соединениями шло упорное соревнование за объем трофеев. Не пожелало германское командование «заметить» и то, что даже в этот, первый раз большого «котла», когда прорыв из него проходил куда хаотичнее и менее жестоко, чем впоследствии, все же из окружения вышли весьма многие офицеры и солдаты, общее количество которых оценивается порой в 20 тысяч человек. Германская сторона заявляла о захвате в плен под Танненбергом 93 тысяч человек, впадая (и даже намеренно) в грех двойного учета и приблизительности. Разумеется, с российской стороны делались попытки любой ценой уменьшить масштабы катастрофы, а потому, хотя уничтожено было фактически три армейских корпуса — 13-й, 15-й и 23-й, — расформировали из них официально только один — 13-й, а вот остальные два (не говоря уже о разгромленном 6-м и понесшем тяжелые потери 1-м корпусам) считались неуничтоженными. Таким образом, в очередной раз и даже несмотря на 100-летний период изучения, приходится нащупывать истинные детали где-то посередине. Самоотверженная работа, восстановление порой мозаичных картин соотношения сил, потерь и пополнений продолжаются и по сей день.¹²

Относительно результата Танненберга, оценить который оказалось чрезвычайно сложно из-за последующих наслоений

политических мифов, можно отметить следующее. Громкий успех — «таких поражений русская армия не терпела со времен ее создания Петром Великим» (хотя во времена Петра Великого численность всех вооруженных сил России едва превосходила таковую у 2-й армии Самсонова) — был использован германской пропагандой по максимуму, в том числе потому, что вскоре он очень понадобился, чтобы затушевать законное недоумение насчет так и не взятого Парижа. Оперативный результат был налицо: 2-я армия была разбита и на некоторое время оказалась не способной к возобновлению наступления, с юга Восточной и Западной Пруссии опасаться еще минимум месяц было нечего. Было очевидно, что, как бы ни сложились бои против армии Ренненкампа, беспокоиться о судьбе Кёнигсберга пока не придется, а русских, скорее всего, вскоре заставят отступить. Куда важнее было то, что немалое количество русских резервов было направлено не в Галицию, где в те же дни стало очевидным крупное поражение австро-венгерских армий, а на формирование под Гродно новой, 10-й армии, призванной обеспечить на будущее связь между 1-й армией и 2-й.

Стратегический же результат победы для Германии был нулевым, а строго говоря, и отрицательным. Разгром 2-й армии не решал задачу обороны Восточной Пруссии на будущее, а лишь откладывал следующий натиск. Защитить восток Германской империи теми силами, что были выделены изначально, и даже наскоро собранными резервными и крепостными войсками не удалось, ведь еще по ходу сражения при Танненберге в 8-ю армию была отправлена одна дивизия ландвера из несостоявшейся Северной армии для отражения ожидавшегося (и совершенно напрасно) английского десанта в Шлезвиг-Гольштейне, а затем стали снимать войска и с приоритетного Западного фронта. Причем делалось это не в критические дни 21—24 августа, а уже через 4—6 дней, то есть 27—28 августа, когда было ясно по меньшей мере, что отхода за Вислу не то, что поспешного, а вовсе не будет, то есть острой необходимости в этом и не было. Хотя в итоге в 8-ю армию было отправлено лишь 2, а не 3 корпуса и одна кавалерийская дивизия, которые не имели шансов успеть к генеральному сражению с армией Самсонова и, естественно, не успели, приняв участие лишь во втором акте

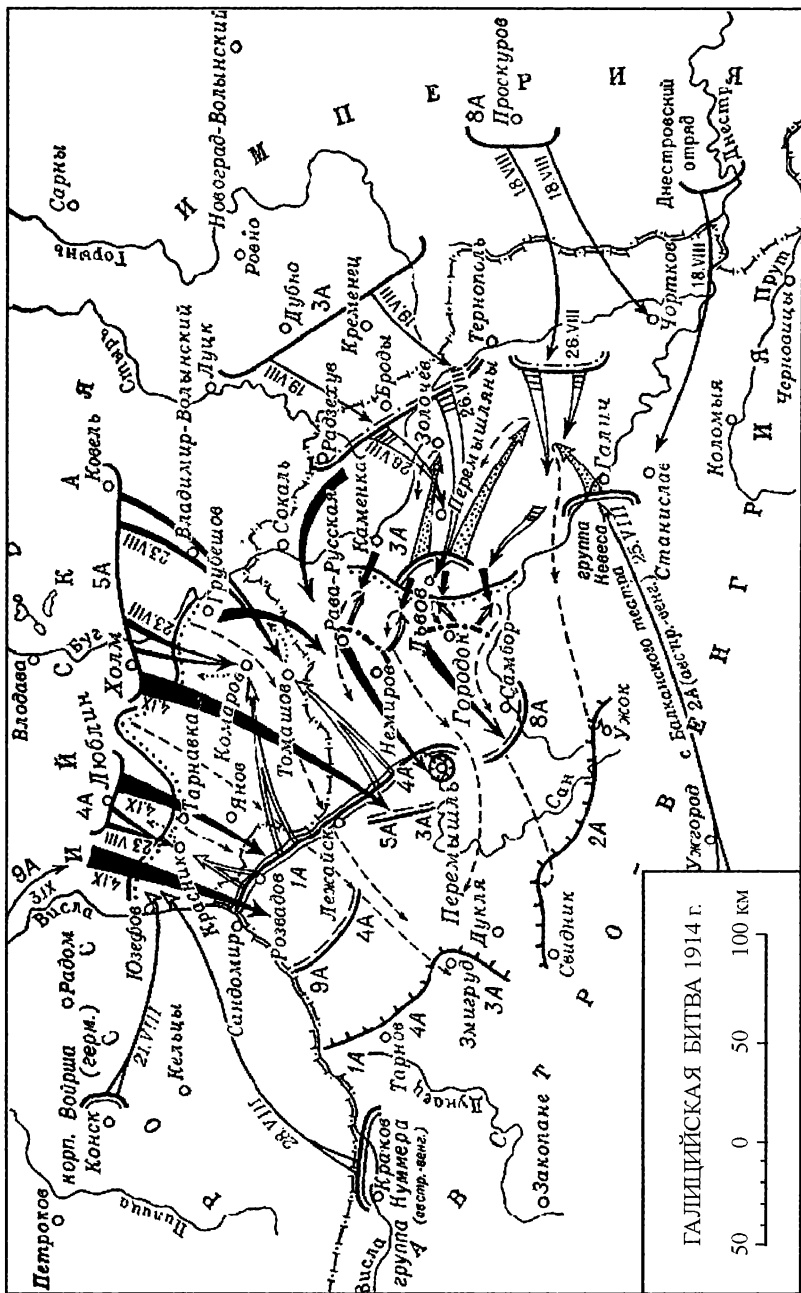
схватки — битве на Мазурских озерах, можно констатировать, что свою задачу в рамках плана Шлиффена германские войска не выполнили не только на Западе, но и на Востоке. Проходившее в роковые дни отступления на Марне (8—12 сентября) освобождение Восточной Пруссии никак не окупало допущенных ошибок. Еще одного Танненберга не состоялось, хотя глубокий охват с юга удался, армия Ренненкампа, пусть и в беспорядке, и поспешно, бросая огромные запасы военного имущества, но смогла отступить далеко на восток, за что встревоженный Верховный Главнокомандующий даже поблагодарил командующего 1-й армией. На фоне громадных потерь и явных признаков потери управления войсками это было более чем показательно и рельефно отражало всю степень неуверенности, испытываемую в русских штабах после недавнего оглушительного краха 2-й армии Самсонова.

На обстановку на Русском фронте в целом ни Танненберг, ни даже последовавшее за ним в первой половине сентября отеснение армии Ренненкампа за Неман не повлияли: австро-венгерские армии продолжали нести тяжелые поражения в Галиции, а фронт на востоке по-прежнему не отправлял подкрепления на запад, а требовал все новых. Сохранение Восточной Пруссии, конечно, оказывало существенное влияние на перераспределение резервов русской армии, однако никаких реальных перспектив взаимодействия с австро-венгерскими войсками не осталось: об ударе германских войск на Седлец нечего было и думать, да и встречать там было бы некого, ведь исходные позиции для встречного вторжения в Польшу из Галиции армии двуединой монархии потеряли. Тем самым оставалось только смириться с тем, что «польский выступ» останется под контролем России, по меньшей мере до прибытия крупных германских подкреплений с Запада (а когда это случится, к середине сентября 1914 г. было совершенно неясно) и уж точно до тех пор, пока не оправится от разгрома австро-венгерская армия (а в середине сентября строить прогнозы на этот счет также было делом неблагодарным). Это было тем более важным результатом, что до Великой войны многие военные специалисты в России предлагали отказаться от удержания не только завислинских губерний Польши, но и всего бывше-

го Царства Польского, предлагая отвести войска за Западный Буг, что привело к частичному упразднению крепостей, теперь спешно восстанавливаемых. Сохранение Восточной Пруссии за Германией, а центральной Польши, а теперь еще и Галиции — за Россией, отступление австро-венгерских войск за Карпаты означало как минимум боевую ничью, а в действительности тяжелую неудачу для Центральных держав, ведь время работало против них.

Несомненен был лишь психологический эффект: произошел определенный моральный надлом в русском командовании, появилась неуверенность, а на смену легкомысленности пришла меланхолия. Германский же генералитет демонстрировал обратные, хотя столь же неуместные явления — крайнюю самоуверенность, авантурные расчеты, патологическую недооценку противника. Вероятно, на действиях русской армии этот психологический шлейф в течение 3 лет сказался куда болезненнее, постоянно усиливаясь вызванными в том числе им же последующими поражениями, но и германскому командованию пришлось пережить немало горьких минут и разочарований из-за явно некорректно поставленных задач и сроков. Порой это едва не приводило к тяжелым поражениям, вызванным неоправданным авантюризмом — как под Лодзью в ноябре 1914 г. или под Свенцями в сентябре 1915 г. Нет сомнений в том, что особую горечь испытывало и австро-венгерское командование, не уставшее винить союзника в том, что, бросив двуединую монархию чуть ли не в одиночку останавливать «паровой каток» под лозунгом быстрой победы на Западе, он и там своего не добился и спас только свои границы, а вот австро-венгерской армии пришлось расплатиться за неравенство сил сполна.

Для военных историков особый интерес, граничащий с просмотром захватывающей авантурной драмы, представляют собой действия и решения австро-венгерской Ставки во главе с Конрадом фон Гётцендорфом. Этот пламенный патриот двуединой монархии, «ястреб из ястребов»,¹³ наконец получил возможность реализовать плоды усилий всей своей жизни, но не против Италии, как он того хотел, и даже не столько против Сербии, как он настаивал, а против России, что было вызовом, на который не всякий осмелился бы ответить. Главным

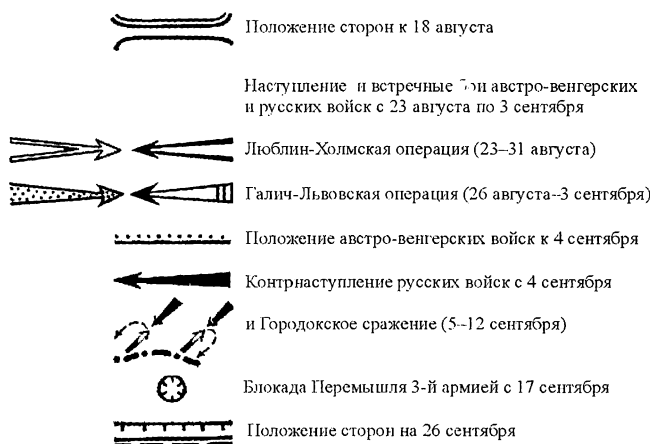

ГАЛИЦЬСЬКА БИТВА 1914 г.

50 0 50 100 KM

поводом к ожесточенной критике Конрада был выстроенный им «маятник» переброски войск 2-й австро-венгерской армии, которая словно застряла между Русским и Сербским фронтам, в итоге не обеспечив победу на последнем и не спасая от поражения на первом из них. Австро-венгерский начальник штаба попытался сыграть на опережение, отважно сделав ставку на вторжение в южную Польшу, пока русские войска будут вступать в Восточную Галицию. Его расчеты были бы вполне оправданы, если бы развертывание русских армий осталось в рамках планов конца 1900-х гг., когда никакой 8-й армии еще не предполагали, имея в виду лишь Проскуровскую группу, но в августе 1914 г. соотношение сил оказалось иным. Это было следствием и симметричной ошибки русских стратегов, переоценивших силы австрийцев в Восточной Галиции на основе полученных разведкой от Редля данных, а потому выделивших слишком много сил на этот участок, хотя масса австро-венгерских войск развертывалась за рубежом Сана.

Хотя австро-венгерским войскам удалось нанести ряд чувствительных поражений русским 4-й и 5-й армиям, так что Конрад даже вознамерился рассечь Юго-Западный фронт, отправив группу Иосифа-Фердинанда на северо-восток, быстрое наступление 3-й и 8-й армий положило всем его авантюрам ко-

нец. Решение не тратить силы на упорную оборону далеко на восточной границе дало шанс сконцентрироваться на Сане, но лишало выигрыша во времени. Благодаря героическим действиям 19-го русского корпуса генерала Горбатовского, быстрый разгром не удался, а вскоре выяснилось, что силы южной группы, то есть 8-й русской армии, таковы, что остановить их даже на весьма подходящих для обороны речных рубежах в Восточной Галиции (многие реки там текут почти ровно с севера на юг) не удастся. После битв на р. Гнилая и Золотая Липа армии Брусилова и Рузского двинулись к Львову, сдавать который Конрад был не намерен. Он рискнул еще раз, почти на виду у противника развернув центр тяжести своего фронта с северного направления на восточное и даже имея в виду встречное наступление за счет прибывшей наконец 2-й армии. Но метаться меж двух огней получалось далеко не всегда. Встревоженная первыми поражениями русская Ставка отправила важнейшие резервы в Варшаву, где была быстро сформирована 9-я армия, придавшая мощный импульс контрнаступлению пришедших в себя после тяжелых дней под Красником и Краснаставом 4-й и 5-й армий. Конрад мог с полным правом записать себе в заслугу то, что он отвлек на себя те резервы, которые должны были бы отправиться если не к Самсонову, то уж точно к Ренненкампфу, в том числе и Гвардейский корпус. Но ответная «любезность» германской Ставки запоздала или не состоялась. Пока германская 8-я армия громила 1-ю русскую на Мазурских озерах, отогнав ее за Неман, но не имея возможности закрепиться, а уж тем более осаждать крепость Ковно, превосходящие силы пяти русских армий разгромили основную часть вооруженных сил Дунайской монархии, которую не спасли ни многочисленные естественные преграды, ни укрепленные Городокские позиции. К 21 сентября Галицийская битва была окончательно проиграна, австро-венгерские войска поспешно отходили на запад и юго-запад, теряя десятки тысяч человек пленными и оставшими от своих частей. Львов был с триумфом взят русскими еще 3 сентября, теперь же в осаде оказалась крупнейшая крепость в Галиции, достаточно современный по своей конструкции Перемышль. Судьба быстро захваченных немцами на западе французских и бельгийских

крепостей, да и (до этого) Порт-Артура не давала никаких оснований надеяться, что Перемышль сможет обойтись без помощи извне. В армии двуединой монархии с конца августа началась серия отставок, которая привела к значительному усилению влияния Конрада на принятие, а главное реализацию армиями решений Главнокомандования, позиции же эрцгерцогов и пышной довоенной (и, собственно, «не-военной») элиты стали ослабевать.

С конца сентября началась главная фаза формирования единого Русского фронта: его отдельные участки в Галиции, Восточной Пруссии и в южной Польше стали сливаться воедино. Решающими месяцами в этом процессе стали октябрь и ноябрь 1914 г., то есть в отечественной традиции Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции, а также повторное вторжение в Восточную Пруссию и контрнаступление австро-венгерской армии в Галиции. Не вдаваясь в подробности неоднократно и почти исчерпывающе описанных боев октября 1914 г.,¹⁴ приходится констатировать их неутешительные для всех трех империй итоги. При этом, как это часто бывает в военно-исторической литературе, все три империи нашли способ представить их как свою победу или по меньшей мере заявить о серьезной неудаче противника.

Отечественная точка зрения полагает Варшавско-Ивангородскую операцию безусловной победой русского оружия. В качестве доказательства демонстрируется линия фронта в разгар боев под Варшавой и к концу операции, точнее того отрезка кампании, который был сочтен этой операцией. Этот аргумент может быть легко опровергнут, если слегка сместить хронологические рамки. В этом случае окажется, что в ходе боев русские войска, с некоторым трудом преодолев кризис на подступах Варшавы, сумели с помощью значительного численного превосходства отбросить войска 9-й германской и 1-й австро-венгерской армий примерно на исходные позиции, в лучшем случае вернувшись к положению на момент начала активного наступления Центральных держав в южной Польше. За это пришлось заплатить ослаблением натиска на разбитые австро-венгерские армии, получившие возможность не только в известной степени оправиться от понесенного поражения, но и

перейти в наступление, освободив значительную территорию Западной Галиции и даже деблокировав осажденный Перемышль. После достаточно быстрого отступления из Западной Польши перед австро-германскими войсками последовали затяжные и кровопролитные бои на Висле, окончившиеся не разгромом, а в основном организованным отступлением существенно уступавшего русским в численности противника, который успел еще и основательно разрушить важные объекты инфраструктуры. Последнее сказалось на темпах перешедших в преследование русских войск, что и привело к тому, что в уже в начале ноября это преследование выдохлось, создав благоприятные условия для эффектного маневра и перегруппировки войск Центральных держав.

Германская (и, с некоторыми оговорками, австро-венгерская) точка зрения пыталась представить поход к Варшаве как заранее спланированную отвлекающую операцию, изначально направленную лишь на выигрыш времени минимальными ресурсами. Если это и верно, то лишь для начального и завершающего этапов данной кампании. В разгар же ее австро-германские войска, особенно группировка Макензена, питали самые оптимистические надежды, планируя захват Варшавы и прочное закрепление на рубеже Висла — Сан для будущего генерального наступления, как только придут крупные резервы с Западного фронта и с Балкан. На деле же оказалось, что были в очередной раз переоценены собственные успехи и недооценена способность русского командования своевременно принимать (но не добиваться исполнения) решения. Русской Ставке удалось практически на ходу произвести громадный маневр уже действующими войсками и продолжающими прибывать из глубины империи резервами. Более того, он был успешно проведен на фоне важных изменений общей стратегической обстановки, а именно подготовки вступления в войну Османской империи, что потребовало отвлечения сил, хоть и по «остаточному принципу». Хотя рывок к Висле привел к захвату значительной территории, ничего из действительно важного для стратегической обороны Польши потеряно русской армией не было. Опираясь на основные крепости по линии Бобр — Навар — Висла, на соответствующим образом проведенную же-

лезнодорожную сеть, она могла перейти (и перешла) в мощное контрнаступление. Формирование 9-й армии на Востоке, то есть еще одной группировки на том театре, где до достижения решительного исхода на Западе планировалось обороняться, означал дальнейшую деградацию исходного германского плана действий.

Сомнительно, что после битвы на Марне к воплощению плана Шлиффена еще можно было бы вернуться (чего германская Ставка, теперь уже во главе с Фалькенгайном, долго не желала признать даже перед самой собой), однако нет никаких сомнений в том, что вплоть до конца ноября 1914 г. на Западном фронте велась важнейшая схватка за оформление итогов первоначального германского натиска, окончившаяся для кайзеровских войск сравнительно удачно. В середине сентября, когда окрыленные победой англо-французы пытались с налета перейти к изгнанию немцев с захваченных ими территорий (и были разбиты на р. Эна), было отнюдь не очевидно, что Германия сумеет, не выведя из войны ни Францию, ни Бельгию, сохранить за собой крупные территории на западе. Варшавская операция была настоящей классической драмой германской Ставки, конфликтом между долгом и чувством: ожесточенное состязание в ходе «бега к морю», требующее всех возможных резервов, затягивающее в водоворот десятки дивизий с обеих сторон, не нуждалось в доказательстве приоритетности. Цена каждого километра территории на западе, особенно на побережье Фландрии и Па-де-Кале, была неизмеримо выше галицийских, польских и даже восточнопрусских просторов. Политические дивиденды от полного захвата Бельгии, перспективы удобнейшей базы для флота в случае взятия Дюнкерка, а то и Кале, огромное давление на коварный Альбион в случае появления германских солдат на берегах Дуврского пролива, более короткая и удобная для будущей обороны линия от швейцарской границы до Северного моря, в конце концов ненулевая надежда на моральный надлом Третьей республики, удержавшей Париж, но не способной отбить важнейшие промышленные районы на севере страны, — все это диктовало использование всех сил (в теории даже переброски с Востока на Запад) в схватке за очертания будущей линии позиционного фронта.

Будь Фалькенгайн более азартным игроком, оцени он в полной мере сложность задачи, стоявшей перед германскими войсками, то 9-ю армию следовало бы формировать не в Польше, а под Лиллем, это диктовала стратегия асимметричного ведения войны на нескольких фронтах. Но Фалькенгайн не мог не учитывать и катастрофических итогов Галицийской битвы, не мог не опасаться неустойчивости двуединой монархии еще в большей степени, чем надеяться на развал Франции, а предугадать события в случае масштабного вторжения русских через карпатские перевалы в Моравию и Венгрию было сложно. На такой риск он не имел права идти, это грозило сепаратным миром Австро-Венгрии с Антантой еще до того, как возникнет реальная угроза взятия Кракова и/или Будапешта. Даже уверенность в несгибаемой воле к сопротивлению у главы австро-венгерской Ставки Конрада фон Гётцендорфа не гарантировала того, что Вена в критический момент не будет руководствоваться инстинктом самосохранения. Тревожил и призрак наступления русских войск на Позен и по кратчайшему пути на Берлин. В ОХЛ (то есть в германском Верховном Главнокомандовании¹⁵) было известно, что русские резервы продолжают прибывать, а их развертывание в Варшаве с последующим масштабным натиском строго на запад было скорее вероятно, нежели исключено.

Особой проблемой были и не имевшие аналогов по масштабам в двух других империях военно-политические дрызги внутри Германской империи: рвение к новым победам только что прославившихся на всю страну Гинденбурга и Людендорфа.¹⁶ В своей уверенности в возможности устроить русским «новые Седаны» они требовали резервов, не желая не только учитывать логику событий на Западе, но и соблюдать элементарную субординацию по отношению к тогда еще назначенному лишь тайно и временно исполняющему обязанности главы Генштаба Э. фон Фалькенгайну.¹⁷ Уже в середине сентября 1914 г. состоялся острейший конфликт, вызванный попыткой Фалькенгайна разлучить тандем творцов Танненберга, то есть Гинденбурга оставить в Восточной Пруссии, а Людендорфа, как талантливого начальника штаба, отправить в Польшу, чтобы он добился максимальных результатов с выделенными ему скромными си-

лами. Скандал колоссальной силы привел к тому, что в 9-ю армию поехали оба, а 8-я армия вновь превратилась в источник склок и своеволия корпусных командиров.

«Набег на Варшаву» окончился в материальном плане ничем. Крупных триумфов не было, масштабных поражений удалось избежать. Проблема необходимости масштабной и прямой помощи Австро-Венгрии снята не была. Наступление русских армий в Восточной Пруссии хотя и удавалось сравнительно успешно сдерживать, но сил для этого у 8-й армии, откуда перебрасывали силы в 9-ю, оставалось все меньше. Конечно, битва за Варшаву заставила Николая Николаевича и его соратников главный поток резервов отправить в Польшу, однако и оставшихся на Немане войск было достаточно, чтобы вновь перенести войну на германскую территорию. Это само по себе имело эффект определенного реванша за разгром при Танненберге и за поражение на Мазурских озерах. Выигранное в начале-середине сентября время на данном участке фронта было уже потрачено.

Стало очевидно, что Восточный фронт требует своего, отдельного главнокомандования, которое и появилось 1 ноября 1914 г. во главе с произведенным менее чем через месяц в генерал-фельдмаршалы Гинденбургом. Однако сразу же выяснилось, что мировую войну невозможно вести двумя разными фронтами, а потому конфликты между по-прежнему претендовавшей на контроль и над Востоком Ставкой и Гинденбургом-Людендорфом, уверенными, что на новом посту они не обязаны считаться с Фалькенгайном, разгорелись с новой силой.

Австро-венгерское командование также имело основания не только для победных реляций, но и для самых серьезных и неутешительных выводов. В конце сентября 1914 г. Конрад еще мог находиться в иллюзии, что проведенный им масштабный отход главных сил австро-венгерской армии является лишь маневром для последующего мощного контрудара, который приведет к аналогичной Марнской победе над истощенной боями и переходами русской армией. К середине октября 1914 г., даже несмотря на активное маневрирование резервами и ряд частных успехов в Польше и Галиции, стало очевидно, что — как и у французов на Западе — вернуть потерянные после первой

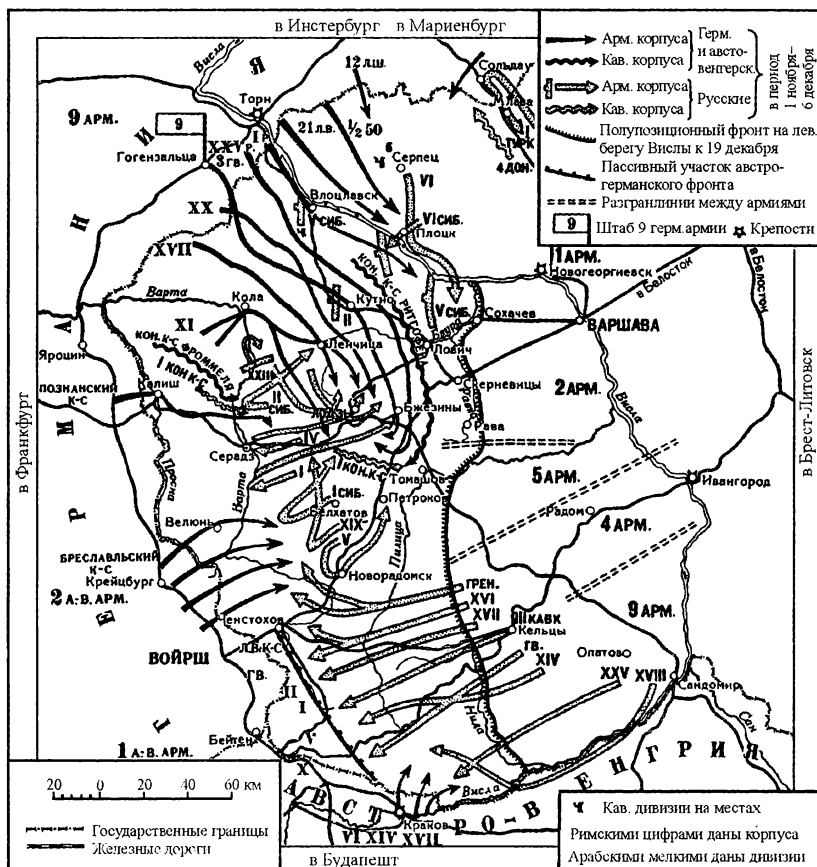
крупной битвы земли (по крайней мере полностью) не удастся. Это было особенно тревожно потому, что не смогла в этом ничего изменить и достаточно масштабная германская поддержка. Таким образом, Конраду оставалось лишь так же, как и Людендорфу, упорно требовать от германской Ставки масштабных перебросок с запада на восток, а также опасаться эффекта обратного хода маятника — нового русского наступления, которое стало развиваться с конца октября. То, что эпицентр его теперь сместился к северу, было для Австро-Венгрии безусловным плюсом, однако это грозило не менее тяжелыми поражениями и утратой политически важных позиций, в первую очередь столицы Западной Галиции — Кракова. Конрад теперь вынужден был уповать на то, что ему удастся со второго раза добить Сербию и перебросить освободившиеся войска против России; на то, что война с Турцией отвлечет хотя бы часть русских резервов, а их поток наконец-то иссякнет, то есть соотношение сил прекратит ухудшаться; на то, что решающая схватка на Западе окончится с тем или иным результатом, что означало крупные переброски германских войск на восток. В любом случае двуединая монархия вновь нуждалась в затишье и стабилизации фронта, хотя общий баланс был далеко не в ее пользу. Дело было отнюдь не в том, что войска Российской империи демонстрировали безусловное превосходство над солдатами Дунайской монархии — бывало по-разному, — но устойчивость к потерям, в том числе лояльность отдельных соединений, была несопоставима. Еще одного поражения, сравнимого с Галицийской битвой, Австро-Венгрия не могла себе позволить, ни территориально, ни с точки зрения ресурсов.

10 ноября 1914 г. на Русском фронте начался еще один этап кампании, связанный с полуимпровизированным и начатым без согласования с Фалькенгайном ударом в северный фланг главных сил русской армии в Польше со стороны Торна и Гогензальцы. Операция, а тогда еще никто не подозревал, что она станет Лодзинской, была весьма рискованной. Во многом она строилась на необходимости сорвать вторжение русских войск, с трудом пробивающихся по ноябрьским польским дорогам¹⁸ вслед за отступившими войсками Центральных держав, в критически важный для их экономики Силезский промышленный

район. К этому моменту «бег к морю» уже вышел на финальную стадию, вскоре вспыхнут бои за Ипр, но подведение итогов кампании было далеко не окончено. Фалькенгайн последовательно давал понять, что будет отправлять резервы на восток только по мере определения ситуации на западе, не отказывая в подкреплениях, но и не желая упустить успех из-за отсутствия одного-двух корпусов, как это случилось двумя месяцами ранее. Германские войска на Востоке теперь должны были обойтись лишь прибывающей кавалерией и собственными резервами, точнее теми войсками, которые посчитали «излишними» на других участках фронта.

Надо отдать должное Людендорфу и другим авторам перегруппировки и операции: она могла быть построена только на азарте и на уверенности в том, что русская армия по натуре своей не сможет действовать достаточно быстро, чтобы сорвать переброску войск или начать вторжение в едва прикрытую Силезию еще до того, как ей придется отвлечься на неожиданный удар с севера. Определенные надежды внушали и обещания австро-венгерской Ставки о возможности в скором времени нанести ряд встречных ударов по измотанным преследованием от Вислы и Сана русским войскам. Такую уверенность разделяли далеко не все: германские войска уже отошли за линию государственной границы, ожидая в ближайшем времени атак на поспешно подготавливаемых позициях. Любое успешное наступление русских войск тут же перерезало бы важные магистрали, ведущие из Силезии в Померанию, а это покончило бы с координацией действий и маневрами резервами, не говоря уже о психологических и политических последствиях еще одного вторжения войск Российской империи, да еще почти на берлинском направлении. Австро-Венгрии быстрое продвижение русских армий в Силезии грозило блокадой еще одной важнейшей крепости — Кракова, а возможно, и деградацией системы управления в королевстве Богемия.

Удар во фланг крайне неповоротливой и едва успевшей остановиться массе русских войск, которая на вторжение с ходу была не способна, произвел эффект, на который можно было только надеяться. Возникла неразбериха в так и не налаженном снабжении, русские армии стали сбиваться в кучу на тесном

Лодзинская операция 1914 г.

пространстве, а корпуса, насколько бросаемые навстречу клину войск 9-й армии генерала Макензена, наносившему удар на юго-восток, терпели тяжелые поражения. Инерция движения с востока на запад или на юго-запад не позволяла завязшим в грязи русским войскам быстро образовать фронт, направленный на север и на северо-запад. Стремительно продвигающиеся к Лодзи германские кавалерийские части оказались к 16—18 ноября в глубоко тылу сразу трех, а косвенно даже

четырёх русских армий. Масса пленных, очевидные признаки воцарившегося на тыловых коммуникациях хаоса, убеждение в том, что основные силы русских уже отрезаны от своих баз на Висле, привели германское командование, особенно рвавшегося к славе Макензена, к выводу о том, что пора оформить успех и замкнуть кольцо окружения. При этом крупных сил на границе между русской Конгрессовой Польшей и прусской провинцией Позен у германского командования не было, а потому о достаточно мощном ударе навстречу обходящей группировке немцев, вышедшей в район к востоку и югу от Лодзи можно было только мечтать. Но Макензен полагал, что за счёт продолжения наступления вокруг русских армий под Лодзью теперь уже строго на запад, он сможет превратить глубокий обход в замкнутое кольцо. Вскоре ему пришлось пережить несколько нервных дней, связанных с угрозой ещё одного, уже второго за три месяца поражения, но на этот раз чреватого реваншем за Танненберг. Впоследствии германской пропаганде пришлось приложить немало усилий, чтобы выставить Макензена непобеждённым за всю Великую войну, а Лодзь выставить победой, да ещё и заранее спланированной.¹⁹

Но эффекта от авантюристичности и неожиданности удара хватило лишь дней на десять. К 20—22 ноября стали сказываться неизбежные следствия непропорциональных силам намерений германской стороны. Давали себя знать и накопившиеся ошибки, и совершенно неверная, несмотря на в который раз успешные перехваты важнейших русских радиogramм и приказов, оценка планов и возможностей русских армий. На исход повлияло и то, что после Танненберга русский генералитет все же сделал определенные выводы относительно необходимости бороться до конца, не выпуская командование из рук. Крупно ошиблись в германских штабах и относительно маневра русскими резервами. Отвлечь их наскоками под Праснышем и Осовцом не удалось, в Восточной Пруссии же оставалось так мало войск, что можно было надеяться в лучшем случае на сохранение текущего фронта.²⁰ Вскоре несколько неожиданно для немцев выяснилось, что от Варшавы в сторону Лодзи продолжают двигаться крупные силы, подчинявшиеся 1-й армии генерала Ренненкампа. В связи с этим было несомненно, что

даже в случае окружения войск под Лодзью тонкое германское кольцо будет неизбежно разорвано извне. При всей напористости германских генералов, особенно К. фон Моргена, взять под контроль важнейшие станции железной дороги, например Лович, не удалось. Почти не обеспеченная связь с оказавшейся далеко в русском тылу армейской группой генерала Шеффера-Бояделя была легко перерезана. Панического бегства русских армий из Лодзи, несмотря на признаки тяжелого психологического кризиса в штабах, так и не произошло. Русские генералы Шейдеман и Плеве не позволили германскому блефу повторить Танненберг.

Вскоре в окружении уже оказались посланные в глубокий охват германские войска, 25-й резервный корпус и приданные ему силы, в то время как весь левый фланг и центр армии Макензена завяз в упорных боях к северу и северо-востоку от Лодзи, пока в тыл им уже выходили части 1-й русской армии. Если бы не традиционная неразбериха в приказах, безответственность и желание переложить весь риск на другого, то разгром постиг бы не только окруженную группировку, но и 17-й и 20-й корпуса, зажатые в «клещи». Тем не менее, для того чтобы пожать плоды германской авантюры, русским армиям не хватало настойчивости и инициативы. Уже оказавшиеся в окружении немецкие дивизии смогли выйти из окружения через станцию Брезины под руководством генералов Литцманна и Рихтгофена. По странному стечению обстоятельств станция оказалась занята недостаточно крупными силами русских войск. После чего несостоявшиеся победители с триумфом вышли к своим, даже благополучно выведя многочисленных пленных и трофейные русские орудия. Тем не менее, это было лишь чудесное спасение, но никак не победа. К 26 ноября фронт стабилизировался: Лодзь осталась за русскими, хотя сил на возобновление наступления уже не было. Кроме того, кончались до того казавшиеся неиссякаемыми подготовленные резервы. Сказывалось и возобновившееся с существенной задержкой наступление австро-венгерских армий в Галиции.

В последние дни ноября выяснилось, что помимо резервов у русского Главнокомандования кончилось и то время, пока Германия еще не могла решительно нарастить свою мощь на

востоке. Как раз в тревожные дни битвы под Лодзью сражение во Фландрии завершилось боевой ничьей. Фронт от Шампани до Северного моря замер по почти вертикальной прямой с севера на юг, а Фалькенгайн вынужден был смириться с неизбежностью по меньшей мере временного перехода к позиционной войне. Тревога за возможное тяжелое поражение на востоке заставила его еще решительнее отнестись к переброске сразу нескольких корпусов из Франции в Польшу. Именно эти силы и стали основой для попытки германских войск отыграться за прошлое неудачное наступление.

В рамках позднесоветской патриотической версии истории Первой мировой войны (все реже называемой тогда империалистической) сказывалась важная закономерность. Если неудачи царской армии в боях с германскими войсками все же признавались, чтобы лишний раз подчеркнуть тезис о «прогнившей монархии», хотя и никогда не превращались в восхваление германской военной машины, справедливо упрекаемой за переоценку себя и недооценку противника, то применительно к австро-венгерской армии приоритеты были расставлены иначе. «Лоскутная империя», особенно ее армия, была избрана в заведомо более слабые противники (как и — примерно с тем же уровнем обоснованности — Османская империя), поэтому ее, пусть и более скромным и недолговечным, но явным успехам, наступлениям и контрударам старались внимания не уделять.²¹ Это имело для советских историков, охотно признававших за Русской императорской армией лишь одно достоинство — стойкость русского солдата, — еще и тот плюс, что игнорирование мощи австро-венгерской армии, отказ учитывать объем усилий по удержанию фронта в Галиции и в Карпатах позволял лишний раз не хвалить царский генералитет. Это вполне отвечало общему тону германской версии, а все попытки заявить о себе австро-венгерских военных специалистов не воспринимались всерьез. В свою очередь версии Центральных держав объединяли постоянные, приводимые как аксиома, а порой и вовсе как присказки заявления о «громадном перевесе противника в силах». Порой для этого были все основания, как, например, относительно боев под Варшавой и Ивангородом, но значительно чаще — ничего подобного. Тем не менее, стан-

дартные заявления о бесчисленности русских войск воспринимались легко и не критически, будучи частью подсознательного образа России у европейцев в целом.

В начале декабря общее наступление Центральных держав на Русском фронте возобновилось. На этот раз оно приняло характер почти лобового столкновения, которое ранее противники России позволить себе не могли. Австро-венгерская армия, одержав в начале декабря ряд побед, особенно при Лимановой — Лапанове, не только стратегических, но даже оперативных результатов фактически не добилась. Деблокировать Перемышль даже временно второй раз не удалось, оттеснение русских от Кракова было незначительным утешением за утрату надежд вернуть себе хотя бы Западную Галицию. К концу декабря на фронте вдоль Карпат воцарилось то, что сами австрийцы будут называть «резиновой войной»²² — при нажиме на одном из участков немедленно «выпирал» в обратную сторону другой. Это свидетельствовало о паритете сил, что не устраивало обе стороны, но с учетом временного фактора играло против двуединой монархии. У Конрада были все основания опасаться возобновления в скором будущем русского натиска, который рано или поздно обнаружит слабое место в обороне.

Новый, 1915-й, год австро-венгерская Ставка встречала под аккомпанемент очередных просьб об отправке германских войск на собственно австрийский участок фронта. Это не могло не сказываться на общем климате взаимоотношений между союзниками.²³ За просьбы о помощи приходилось расплачиваться унижениями, конструктивное взаимодействие сменялось борьбой за то, удастся ли прусскому генералитету навязать свой диктат австрийцам, испытывавшим по отношению к нему глубоко укоренившееся эстетическое неприятие. Пренебрежение традиционно грубых пруссаков австрийцы считали черной неблагодарностью, ведь Австро-Венгрия также оказывала помощь Германской империи, причем в нынешней терминологии — высокотехнологичную. Не Германия, а именно Австро-Венгрия, особенно в начале Великой войны, обеспечила Центральным державам превосходство в тяжелой и сверхтяжелой артиллерии, устойчивое развитие авиации, прекрасную радиоаппаратуру и техническое оснащение разведки. В сфере воен-

но-технического сотрудничества Дунайская монархия могла претендовать по меньшей мере на паритет.²⁴

Ввод в бой прибывающих с запада резервов производился штабом Гинденбурга по частям, а потому никакого полководческого искусства продемонстрировано не было. Германской пропаганде оставалось лишь утверждать, что Макензен/Людендорф/Гинденбург и т. д. «спас Берлин».²⁵ Правда, моральная компенсация за неудачу в недавней операции была получена: 6 декабря Лодзь, этот крупнейший индустриальный центр Российской империи, была оставлена русскими войсками. Тем не менее германское командование очень быстро вынуждено было убедиться, что русские всего лишь отходили на удачно избранную линию долговременной обороны на речных рубежах — по Пилице, Бзуре и Равке. Неоднократные попытки прорвать ее привели к тяжелым потерям обеих сторон, но к середине декабря стало очевидно, что фронт надолго стабилизировался и здесь. Фронтальный натиск исчерпал все возможности, сил для того, чтобы продолжать теснить русские войска к Висле, у германских армий — вскоре на Востоке их стало уже три, добавилась и 10-я — не было. Перспектива резкого наращивания представлялась сомнительной. Ни в какие «Седаны» Фалькенгайн не верил, бросать в бой корпуса по мере их прибытия на восток, к негодованию Гинденбурга и даже после постоянных скандалов между ОХЛ и Обер Остом, он более не позволял. К началу 1915 г. фактический главнокомандующий германскими войсками находился в явном тупике: конечно, следовало накопить резервы, но вот где именно их применить для извлечения стратегического результата, оставалось неясным.

Великий князь Николай Николаевич мог быть по меньшей мере оптимистически настроен. Несмотря на отдельные неудачи и грубые ошибки, приведшие к громким отставкам, общие итоги кампании 1914 г. можно было полагать для России удовлетворительными. Конечно, не получилось многое: не была захвачена — пока главные силы немцев были на Западе — Восточная Пруссия (хотя удовлетворение мог внушать тот факт, что русские войска по-прежнему стояли у Мазурских озер и на южной границе этой неприступной провинции). Зато были по мере возможности выполнены союзнические обязательства,

и удар по Германии состоялся в сроки, оговоренные заранее и почти нереальные для оказавшейся значительно более стремительной, чем рассчитывали в Берлине и Вене, русской мобилизации.

Миф о спасении Россией Франции (в котором, как и в любом мифе, есть доля истины) тогда еще только формировался, но стратегический результат был бесспорен — Францию вывести из войны не удалось, а Русский фронт притягивал к себе все больше германских войск. Русской императорской армии удалось в общем и целом отстоять бывшее Царство Польское, хотя с широкой полосой приграничной территории пришлось расстаться, а о вторжении в Силезию и Позен пока нечего было и думать, но предвоенные пессимистические предложения сразу же оставить весь «польский балкон» не были реализованы. Все основные крепости и узлы обороны на речных рубежах остались за русской армией: Варшава, Новогеоргиевск, Осовец, Ломжа, Ивангород. Мрачные предположения о массовой нелояльности поляков также были преувеличены, как, впрочем, и надежды на эффект воззвания Николая Николаевича, призывавшего вспомнить о былой славе и «взяться за меч Грюнвальда». Поляки были, как правило, индифферентны к вопросу о победителях, сосредоточившись на том, чтобы минимизировать разорение своей родины всеми воюющими сторонами.

Австро-венгерскую армию можно было считать разбитой и не способной на самостоятельные наступательные действия, что делало победу над ней вопросом времени. Тяжелое поражение во 2-й битве за Белград к середине декабря доказало, что сконцентрировать еще больше войск против России двуединая монархия попросту не может. Конечно, сербская армия, повторно взяв Белград, после этого оказалась неспособна к наступлению, но в стратегическом плане было вполне достаточно и того, что антиавстрийский фронт на Балканах сохраняется. России приходилось принять на себя миссию снабжения братьев-славян оружием, что только усугубляло тяжелое положение с обеспечением собственной армии, но тогда этому еще не придавали должного значения. Плюсом было и то, что сохранили нейтралитет Румыния²⁶ и Италия, причем вероятность их вступления в войну на стороне Центральных держав к началу

1915 г. существенно снизилась. Большой пропагандистский эффект имело «освобождение Подкарпатской и Червоной Руси», в действительности до падения осажденного Перемышля и даже после него далеко не оконченное. Тем не менее, баланс и на южном участке Русского фронта был, безусловно, в пользу России: Австро-Венгрия потеряла громадные, пусть и плохо развитые территории, что снижало не только военный потенциал, но и лишало ее значительной части аграрной периферии, а также едва ли не единственных источников нефти, что означало впоследствии голод для населения и паралич для развития новых видов вооружений.

Грозные последствия вступления в войну Турции и блокирования черноморских проливов к началу 1915 г. также были оценены явно недостаточно. Это отнюдь не было полной неожиданностью или шоком для высшего руководства страны. Более того, с учетом открывающихся за счет войны с Османской империей возможностей ее долгожданного раздела в Санкт-Петербурге едва ли не противились перспективе присоединения турок к Антанте.²⁷ Не испугали русские штабы и начавшиеся сразу после прибытия в Мраморное море германской Средиземноморской эскадры «кошки-мышки» на Черном море, хотя противопоставить тяжелому крейсеру «Гёбен» было пока что нечего.²⁸ В долговременное участие и способность выдержать серьезные удары Антанты много раз разбитой за последние годы Османской империи никто не верил. А тут еще как раз в новогодние дни блестящая (хотя и во многом основанная лишь на удаче) победа под Сарыкамышем показала, что для отражения турецкого натиска вполне достаточно будет даже комплектуемой за счет местных сил или по остаточному принципу Кавказской армии. Наконец, обстановка на морях не внушала серьезных опасений, но и не давала поводов к оптимизму в среднесрочной перспективе. Оборонительный план действий Балтийского флота вполне себя оправдал, ни одна из позиций и ни один из важных портов потеряны не были. Сил у германского флота для захвата безусловного господства на Балтике, как выяснилось, не было, а вступление в строй в ближайшие год-два новейших российских дредноутов позволяло надеяться на рост возможностей для более активных действий.

На Черном море некоторую тревогу внушали пока не имевшие конкурентов новейшие германские крейсера «Гёбен» и «Бреслау»,²⁹ однако русские адмиралы уповали на то, что концентрация кораблей британского флота в Средиземном море, а затем вступление в строй новейших дредноутов «Екатерина II» и «Императрица Мария» сделает всякие опасения неактуальными. Приблизительно такие едва ли не радужные перспективы будущей кампании, рисовавшиеся в русской Ставке, и стали, по-видимому, одной из причин тяжелых поражений весной-летом 1915 г. Трудности грядущих битв были грубо недооценены, острые проблемы почти игнорированы, должных выводов о недостатках военного аппарата в целом, особенно применительно к действиям командования, не сделали.

Излишне подчеркивать вклад России в общесоюзное дело нет никакой необходимости. Даже по итогам первой кампании было показано, что он столь велик, что в этом не нуждается. Исходя из статистики, даже по формальным показателям, то есть по количеству дивизий, и не только австро-венгерских, но и германских, к началу февраля 1915 г. Русский фронт никак не мог считаться второстепенным и даже попросту вторым. Разумеется, есть достаточно аргументов в пользу приоритета Западного фронта, можно констатировать и то, что считавшиеся лучшими корпуса германской армии в массе своей по-прежнему были во Франции и Фландрии, однако в рамках анализа коалиционной войны это не слишком корректный аргумент. Очевидно, что Австро-Венгрия должна была принимать на себя основную тяжесть груза войны с Россией, так же как и Германия фактически в одиночку (за незначительным исключением в кампании 1918 г.) провела войну с Антантой на Западе, это было естественное следствие географических условий. Факты же свидетельствуют, что в феврале 1915 г. впервые за всю войну количество германских дивизий на Русском фронте (46, то есть в 3.5 раза больше, чем в августе 1914 г.) превысило количество на этом же театре военных действий австро-венгерских (45, то есть в 1.7 раза больше, чем в августе 1914 г.).³⁰ В дальнейшем сохранялся в лучшем случае паритет, но он неуклонно сменялся преобладанием германских усилий над австро-венгерскими. То есть Германия на якобы «втором» для себя фрон-

те держала больше войск, чем союзная ей великая держава на том же, но, безусловно, для нее «первом» театре военных действий. Если на Западе количество германских армий в течение почти всей войны, как правило, не превышало исходных семи (хотя и с разными номерами), то на Востоке их становилось все больше: от одной армии и отдельного корпуса до четырех-пяти армий и ряда отдельных армейских групп. Таким образом, ни о какой второстепенности Русского фронта даже только для Германии (для Австро-Венгрии он был в любом случае главным) говорить к концу первой зимней кампании не приходится. Наступала новая эпоха: Германия вела настоящую войну на два равноценных фронта, лишь смещая в зависимости от стратегических планов баланс сил между ними то в одну, то в другую сторону.

Новые национальные герои и их военные свершения

В современной историографии любят подчеркивать индустриальный характер войны, когда солдат на фронте уподоблялся рабочему на фабрике,³¹ а боевые действия преимущественно представляли собой обстрел противника из всех калибров артиллерии. Без сомнения, это было характерно для всех индустриальных стран,³² однако в Германии эти тенденции развития военного дела имели несколько иной генезис. Германская империя была очень близка к Франции и Англии по многим параметрам, и для нее война на Западном фронте также стала апогеем стратегического тупика, в котором оказалась бессильна аналитическая стратегия классического образца. Однако необходимо констатировать, что этот стратегический пат до середины 1916 г. (а фактически до июля 1918 г.) был для Антанты желанным, а для Германии вынужденным. Поэтому именно немцы разрабатывали такие инновации, как химическое оружие, штурмовые отряды и тактику поддержки пехоты авиацией. Вильгельм II гордился подвигами немцев, которые они смогли совершить, отвлекшись от «филистерства» и повседневности ради великой идеи. Эта ремарка императора указывает

на то, что германские солдаты вовсе не стремились стать «индустриальными рабочими» фронта, а воевали, не щадя себя.³³

То, что именно немцы первыми атаковали Бельгию и оккупировали чужую территорию, воспринималось в самой Германии как неизбежное зло и единственный шанс ликвидировать хотя бы один из фронтов и победить, а ее противники видели в нарушении международных гарантий нейтралитета дополнительный стимул к окончательному расчленению могучей империи, а не только возможность возвращения отобранных ею у Франции в 1871 г. провинций. Однако на общей уверенности в оборонительном характере войны, вызванной ощущением оптимальности границ в Европе для Германской империи, единство германских военных (на всех уровнях) и заканчивалось. Не имея развитых представлений о России и ее возможностях, а также о технике принятия стратегических решений, немецкие военные аналитики поступили единственно возможным образом. Уже в плане Шлиффена предоставили командующему единственной армией на Востоке — 8-й — действовать в крайнем случае по своему усмотрению.³⁴ Однако в действительности эмоциональная сторона дела, связанного с защитой самой дорогой прусскому сердцу провинции, оказалась сложнее. Поэтому никакой оперативной свободы Приттвиц не получил, имея указание не рисковать существованием 8-й армии.³⁵ Когда же он поступил в соответствии с довоенными планами, его действия были осуждены, а сам он отправлен в отставку. При этом «своеволие» его выражалось только в логичном с точки зрения стратегического приоритета Западного фронта приказе об отходе за Вислу. Начало расколу было положено, а смещение слишком самостоятельного Приттвица только добавило остроты противоречиям: место Приттвица заняли куда более опасные своим рвением Людендорф и Гинденбург.

Сам ход военных действий привел к жесткому столкновению искусственно поддерживаемых мнений и реальности. Русские войска почувствовали, что такое Германия, в конце августа 1914 г.,³⁶ вступив в Восточную Пруссию, сразу занявшую особое место в истории русско-германского противостояния XX века.³⁷ Начавшиеся сразу после вступления большого количества русских войск на территорию Восточной Прус-

сии 17 августа 1914 г. грабежи немецких поместий и деревень, как стихийные, так и организованные, послужили базисом концепции русского солдата как дикого варвара и «казака», *Mordbrenner*'а,³⁸ так как именно казачьи части имели наибольшую склонность к разграблению захваченной территории.³⁹ Многочисленные германские полковые истории, — хотя они и были написаны спустя 10—15 лет, когда можно было бы и разобраться, — пестрят рассуждениями и рассказами именно о не нуждающемся в доказательствах «варварстве». Лишь в единичных случаях предпринимаются попытки указать и на иных виновников разорения ряда восточнопрусских территорий,⁴⁰ ведь тогда спорить приходится с общеизвестными «фактами». Именно невежество германского населения, умевшего, в отличие от своих соседей, читать и писать, и было главной причиной панического бегства от русских солдат, а брошенные дома и запасы продовольствия не могли бы оставить равнодушной любую армию мира, что продемонстрировали и действия германских солдат во Фландрии и Румынии, а австро-венгерских — в Сербии и Италии.

Увлекаясь мародерством,⁴¹ русские части при этом плохо осуществляли разрушение стратегически важных объектов — до методичной тактики «выжженной земли», которую немцы применяли при отступлении во Франции весной 1917 г., им было далеко.⁴² Не хватало опыта и убеждения в необходимости столь жесткого поведения, причем даже у командования. Но все-таки даже Людендорф, склонный к безапелляционным суждениям, вынужден был признать, что многие русские части, особенно в 1-й армии Ренненкампа, «вели себя образцово», то есть занимались не только и не столько разбоем. Тем не менее «казаки были свирепы и дики», «...зачастую в жестокостях не было смысла»,⁴³ газеты Германии были полны описаниями последствий русского вторжения, естественно, чрезвычайно эмоциональными. Как и всегда в подобных случаях, свидетельства порой рисовали противоположные картины: и бессмысленного варварства, и погромов, и образцового цивилизованного поведения под контролем военных властей.⁴⁴ Составить целостный образ противника на основании его войск, побывавших в Восточной Пруссии, было невозможно: слишком велика оказалась

Россия и слишком разные по дисциплине воинские части представляли ее 1-ю, 2-ю и 10-ю армии в первые месяцы войны.⁴⁵

Война порождает потребность в героях, а истинные основания для удовлетворения ее никогда не смущают официальную пропаганду. Характерно, что правило это распространяется не только на текущую агитацию, но может активно сказываться и сто лет, особенно в тех случаях, когда некая «славная страница истории Отечества» оказалась «забытой», то есть может послужить новой волне патриотического воспитания.⁴⁶ Первым героем России в годы Великой войны стал казак Козьма Крючков, рассказы о подвиге которого быстро обрели все черты мифа. Дискуссии о достоверности мифа имеют мало смысла, ибо не ради нее он создавался.⁴⁷ Очень быстро возник и еще один герой — знаменитый русский ас Нестеров, первым пошедший в воздушном бою на таран и заплативший за это жизнью. Чуть позже появились претенденты на свою долю общероссийской славы и на флоте. Тогда, в первые месяцы войны, понятие о героизме оставалось еще чисто романтическим, иначе гибель столь ценного для последующего развития русской авиации кадра ради одной воздушной победы была бы оценена совершенно иначе. Конечно, достаточно быстро в развернувшемся громадном противостоянии появились герои и антигерои «на любой вкус» и в любых званиях. Мнимые предатели, преступные посредственности, черствые и ограниченные бурбоны в погонах, а также жертвенные и терпеливые солдаты, бравящие своими жизнями офицеры, лихие и лично скачущие в атаку генералы... Перечисление их фамилий заняло бы множество страниц, однако это никак не изменило бы того факта, что в отечественной исторической памяти их фактически нет. Есть запоздалые попытки вспомнить о них, но все они вряд ли переживут юбилейную мишуру.⁴⁸ По русской традиции, антигероям внимание уделялось куда охотнее, а эффект от их появления в массовом сознании был куда более стойким. Поэтому Распутин и даже Сухомлинова знали долго, помнят «не пришедшего на помощь» Ренненкампфа и несчастного Самсонова, заплатившего жизнью за разгром его армии, одно время с уст не сходила фамилия Григорьева, из-за которого «пальцы улиц ломала Ковна», — он имел шансы потеснить Стесселя. А вот

из героев, помимо Брусилова, постепенно были забыты едва ли не все, включая тех, кто взял Перемышль и Эрзерум, тех, кто отправился в Месопотамию и Персию, кто защитил подступы к Петрограду. Их имена остались в основном в наградных листах, в списках георгиевских кавалеров, как ордена, так и медали.

Разумеется, есть аналогичный, хотя и лишенный чрезмерной контрастности ряд героев и неудачников и по другую сторону бывшего фронта: более известный в Германии, менее «разработанный» в Австрии и Венгрии. Конечно, сказывались особенности агитационной политики и менталитета, а также и требования политической конъюнктуры. В Германии, а не в России фактически замалчивали неблагоприятные для общего бравурного фона события и поступки. «Антигероев», кроме, возможно, Приттвица и (втайне) Мольтке-младшего, а позднее Фалькенгайна, так и не было найдено, причем не только в военное время, но и в межвоенное. А вот чествование героев, истинных и мнимых, продолжалось вплоть до начала Второй мировой войны, став частью нацистской политики, и не только в Германии. Так, Лодзь стала Литцманнштадтом в честь героического прорыва германских войск в ноябре 1914 г. В Австрии же создать фигуры героев, действительно общих для всего разнородного и разделенного войной еще более населения империи, фактически не удалось. С другой стороны, антигероев и так балансировавшая на грани взаимного недоверия и полного краха чувства общности военных интересов Австро-Венгрия позволить себе не могла. Возможные проступки были бы расценены только как отражение этнической принадлежности и соответствующих ей, точнее мнимых, симпатий, поэтому, несмотря на желание жестоко покарать «предательство» и «трусость», лишний раз заострять внимание на и так очевидных неудачах монархии было опасно. Конечно, пропаганда все равно использовала отдельные яркие примеры, но склонялась к прославлению полководцев и династов, а в межвоенный период вспоминать и развивать эти сюжеты стало и вовсе чревато для охраняемого Антантой мира версальского образца в Европе.

Не было и недостатка героев не в медийном, а в профессиональном смысле, тех, кто совершал невидимые массам,

но имевшие порой стратегические по последствиям поступки, причем едва ли не годами напролет. Конечно, на фоне таких эпических героев, как, например, встреченные в Германии с ликованием П. фон Леттов-Форбек, командир колониальных частей в Восточной Африке, так и не сдавшийся многократно превосходящим силам Антанты, хотя он не имел ни малейших шансов на подкрепление и даже на регулярную связь с родиной,⁴⁹ эти люди не так бросались в глаза. Их по достоинству могли оценить лишь в узко профессиональных кругах, вознаграждая не столько орденами и чинами, сколько репутацией и расширением реальных полномочий, ведь среди генштабистов всех трех империй, сошедшихся на Русском фронте, исповедовался общий принцип, приписываемый еще Мольтке-старшему и Шлиффену — «более быть, чем казаться», «больше делать, меньше выделяться». Именно поэтому истинных творцов многих побед, спасителей сотен тысяч жизней и авторов блестящих планов или контрударов из окружения Конрада, Людендорфа, Николая Николаевича, как правило, никто не помнит. Мало кому из них довелось со временем занять место в пантеоне славы, без всякого порой на то желания, как, например, истинному главнокомандующему Русской армией в 1915—1917 гг. М. В. Алексееву или блиставшему на формально вторых ролях и второстепенных ТВД будущему создателю рейхсвера Гансу фон Секту. В несколько меньшей степени и скорее отрицательным героем (в связи с его ролью в отречении кайзера и демобилизации армии в 1918—1919 гг.) был вынужден войти в историю глава железнодорожного отдела германской Ставки Вильгельм Грёнер, без которого война на два фронта для Германии оказалась бы попросту невозможной. Имена австро-венгерских военных специалистов и тех, кто сделал, казалось бы, невозможное — не дал империи развалиться после первой же кампании, — и вовсе растворились в забвении и отсветах раздаваемых генералам за победу почетных титулов — «фон Красник», «фон Комаров», «фон Лиманова-Лапанов», «фон Ловчен»... Конечно, на их фоне были и те, кто был по достоинству оценен и без излишней аристократической помпы, например фельдмаршал Бём-Эрмолли или преемник Конрада во главе австро-венгерского Генштаба Арц фон Штрауссенбург.

Нынешние государственные границы не слишком благоприятствуют сохранению памяти о массовом и индивидуальном героизме бойцов, не считая, возможно, латышских стрелков и, по понятным причинам, сечевых стрельцов. Тем не менее, нет никаких оснований полагать, что по уровню самоотверженности бойцы Первой мировой существенно уступали солдатам Второй — наградные листы производят не менее сильное впечатление при как минимум сравнимой достоверности. Несмотря на привычные с детства утверждения, что фактором победы (по меньшей мере, одним из основных) является массовый героизм, несомненно имевший место во всех армиях Первой мировой войны, тотальные войны убедительно доказали, что выигрывают не те, кто геройствует, а те, кто упорнее и методичнее выполняет свои функции как в тылу, так и на фронте. Осознание этого факта привело к изменению самого представления о героях и героизме, что хорошо прослеживается в литературе межвоенного периода. Требовавшаяся теперь готовность к многомесячному напряжению всех сил базировалась не столько на аппарате принуждения, сколько на адекватном представлении о масштабе предстоящих трудностей. С этим было одинаково плохо у всех воюющих сторон, причем не всегда успешно удалось преодолеть довоенные заблуждения даже за несколько лет. Даже лишившаяся такого важного союзника, как Россия, Антанта в конечном итоге одержала победу за счет «ремобилизации» общества.⁵⁰ Характерно, что построена она была главным образом не на культе героев, как это было в Германии, и не на уверенности в превосходстве сил, а потому неизбежности конечного успеха, как зачастую было в России, а именно на том, что общество (французское, да и оказавшееся перед угрозой голода из-за германских подлодок английское) сумело осознать истинные последствия поражения и смириться с тем, что ради спасения от него уместны любые жертвы.

Регулярно подогревали интерес к противнику и шпионские скандалы и мифы, которые особенно развиты были в Российской империи, где в сотрудничестве с германской разведкой обвиняли всех: от ультралевых революционеров до военного министра Сухомлинова (чему весьма поспособствовало дело полковника Мясоедова⁵¹) и императрицы Александры Федо-

ровны.⁵² Все это только подогревалось прочими сюжетами, уже откровенно бульварного содержания, в том числе использовавшими грубые ошибки официальной пропаганды.⁵³ Не только союзникам, но даже противникам России оставалось только поражаться тому, что российские власти рискуют «выносить сор из избы», подрывая веру в высшие инстанции и даже в военное министерство прямо в разгар войны.

Немцы накануне войны были убеждены в том, что вся Восточная Пруссия нашипована русскими агентами,⁵⁴ а русская разведка действительно могла похвастаться серьезными успехами в добыче секретной информации о военном развертывании на Востоке. Самые дикие формы шпиономании в начале войны наблюдались и в «цивилизованной» Германии⁵⁵, и в «варварской» России.⁵⁶ Хотя немцы чрезвычайно гордились своей поголовной грамотностью населения, это не помешало не только в деревнях, но и в городах восточных провинций Германской империи первые дни августа с энтузиазмом охотиться за якобы перевозимым из Франции в Россию золотом, из-за чего по любому подозрительному автомобилю тут же открывали огонь. Появились и первые жертвы этого азарта. Впрочем, власти Кайзеррейха довольно быстро приняли серьезные меры против распространения панических слухов, прекратив утечку информации о разведывательной деятельности противника. А вот в России после первых крупных поражений весной 1915 г. стихия подозрения и злобы почти беспрепятственно вырвалась на улицы Москвы.⁵⁷ Германская разведка, еще до войны имевшая репутацию мощнейшей спецслужбы мира, огромные усилия прилагала именно на российском направлении, а с началом войны блестяще использовала свою не только русскую, но и шведскую агентурную сеть для продолжения работы. Генеральный штаб Германской империи создал собственный аналитическо-разведывательный отдел III-b, который во многом дублировал, контролировал и дополнял работу старой разведки. Мифотворчество зачастую основывалось на шпиономании и ею же оправдывалось на фоне псевдообъективной пропаганды и публикации различных материалов о противнике и его обычаях.

Огромное влияние прессы в начале XX века привело к тому, что, при безусловном господстве среди тогдашних средств

массовой информации, газеты стали «зеркалом» происходящих изменений в отношении друг к другу европейских великих держав. Более того, газеты и телеграфные агентства являлись важнейшим оружием не только во внутренней, но и во внешней политике, которым еще со времен Бисмарка пользовались для самых опасных провокаций.⁵⁸ В ответ дипломаты во всех странах, не желая терять контроль над ходом сложного балансирования интересов великих держав, чувствуя возросшее давление «извне», все чаще прибегали к заклеянной впоследствии «тайной дипломатии». И чем выше в газетах был градус истерии, подогреваемой политиками и военными, тем тщательнее иностранные ведомства отгораживались от какого-либо вмешательства в их сделки.⁵⁹

С началом войны вес прессы в формировании общественного мнения по понятным причинам еще больше возрос. Газеты с удовольствием печатали статьи ставших военными корреспондентами офицеров запаса, которые явились ценным и добровольным источником информации о зверствах русских⁶⁰ в Восточной Пруссии.⁶¹ Терять такой инструмент воздействия на массовое сознание даже в стране, формально обеспечивающей свободу слова (в мирное время), будь то Германия или Россия, военные и администрация не могли. Кроме того, требовалась известная координация высказываемых в Германии мнений ради правдоподобного и целостного образа России и русской армии.⁶² Простого запрещения или беспощадной цензуры⁶³ было явно недостаточно, поэтому потребовалась централизация имеющихся ресурсов для успешного ведения информационной войны.⁶⁴ В Германской империи, где многие крупнейшие газеты⁶⁵ контролировались монополиями, наступил «звездный час» отдела печати при министерстве иностранных дел,⁶⁶ который еще со времен канцлерства Гогенлоэ около 22 лет возглавлял тайный советник О. Хамманн.⁶⁷ Пресса, в первую очередь — фронтовая, была поставлена под жесткий контроль ОХЛ, с марта 1916 г. она подчинялась отделу полевой прессы под руководством писателя В. Блёма,⁶⁸ таким образом, возможности получить объективную картину положения на фронтах не существовало.⁶⁹ По ходу войны инициатива снизу по изданию газет и окопных листов была подхвачена и организована:

к 1918 г. появились десятки (всего около 115 названий) периодических изданий, выпускаемых едва ли не в траншеях. Выходили фронтовые листки и газеты, редактируемые фельдфебелями и ефрейторами, а также армейские газеты⁷⁰ тиражом в десятки тысяч экземпляров (от 30 до 80 тысяч),⁷¹ где корреспондентами и журналистами выступали уже младшие офицеры. На восточных фронтах ежемесячно раскупалось около 2 млн экземпляров газет, в 2 раза больше, чем на Западе.

Запуганное население, подпитываемое слухами и фотографиями разоренных деревень, быстро обрело героев, к которым стало относиться как к единственной надежде, забывая даже о необходимом пиетете перед монархом, лидером нации. Непререкаемым авторитетом взамен умершего в 1898 г. объединителя Германии Бисмарка стал 67-летний спаситель Восточной Пруссии, одерживавший якобы только победы Главнокомандующий на Востоке Гинденбург, почтенный возраст которого помогал довольно легко поверить в его безусловную мудрость и способность сравниться с «железным канцлером». К весне 1915 г. деревянные статуи Гинденбурга, куда за плату патриотичные граждане забивали гвозди, начали все чаще устанавливать в германских городах. К воспеваемым в СМИ героям из пехоты и кавалерии постепенно добавились летчики и подводники, тревога в Центральных державах относительно русской угрозы не исчезла. Ажиотаж и патриотическое воодушевление в Германии были подстегнуты победой в зимнем сражении в Мазурии, которое привело к пленению 20-го русского корпуса в Августовских лесах и очередному освобождению Восточной Пруссии. После разгрома одного армейского корпуса русских эйфория была огромна, несмотря на то что масштабы победы были несравнимы с Танненбергом. Подготовивший переброску и развертывание ударной группировки В. Грёнер писал 18 февраля 1915 г., что победа в этой операции важнее, чем предполагаемый эффект неограниченной подводной войны, а это характеризует не только недоверие армии к возможностям флота, но и ликование, охватившее даже профессиональные круги.⁷²

Однако в этой битве, помимо повторной трагедии окружения и гибели русских войск, были и не слишком отрадные для германских стратегов признаки того, что если высший слой

русского командования может по-прежнему допускать грубые ошибки и терять управление, то на среднем и низшем уровне сопротивляемость возросла. Очень хорошо показали себя сибиряки, которые чрезвычайно упорно и более организованно пытались прорваться из окружения, куда быстрее выходили из нокдауна поражения, нанося быстрые контрудары. К середине марта 1915 г. Восточная Пруссия после долгой и в целом неудачной (несмотря на взятие Прасныша) для русской 12-й армии битвы на ее южных границах вновь могла полагать, что она накануне русского вторжения. Принципиально ситуация сравнительно с началом августа или октябрём 1914 г. не поменялась. Теперь только фронт был плотнее, да сил оборона требовала от обеих сторон куда больше. В актив германское командование записывало себе срыв «гигантского наступательного плана великого князя», однако срыв не означал невозможности повторения. Неприятные удары вынуждена была выдерживать германская оборона и в Польше, а у австрийцев после краха надежд на деблокаду Перемышля дела и вовсе приняли критический оборот, а героизмом скорее отметились русские войска, оборонявшие Козювку и высоты около нее.

Запрос на победу, на новых героев, на решение тяжелейших проблем таким образом, чтобы можно было вернуться к иллюзиям скорой победы, существовал по обе стороны фронта, только усиливаясь по мере затягивания конфликта и роста количества жертв. В Германии без этого уже не могли обойтись, ибо культ героев стал одним из факторов мобилизации экономики и общества, в России триумфа жаждали и власть срочно нуждалась в доказательстве дееспособности столь дорого обошедшейся обществу военной машины. Такой повод представился с взятием 22 марта 1915 г. Перемышля, подарившего наконец огромное количество пленных — более 110 тысяч человек — и шумный успех, который можно было бы вписать в панславистскую патриотическую пропаганду. Хотя отношения между населением Галиции и воюющими армиями, в том числе русской, были весьма далеки от идеальных (особенно доставалось евреям от казачьих частей и русинам от венгерских), «освобождение» Червоной Руси было превращено в праздник невиданного за всю войну масштаба. Однако дурная слава Николая II как

предвестника беды сказала и здесь: вскоре столь торжественно обретенные исконно русские земли были потеряны. Австро-Венгрии пришлось дожидаться фанфар и вовсе до лета 1915 г., когда были отражены первые наступления итальянцев в Альпах, а то и до октября 1915 г., когда с третьего раза и с германо-болгарской помощью была разгромлена сербская армия.

Надежды на сепаратный мир и раскол в штабах и министерствах, весна—осень 1915 г.

До конца весны 1915 г. против России воевали за редким исключением прусские части, где многие солдаты бились непосредственно за свою малую родину, подкрепляемые теми резервами, что Фалькенгайн неохотно и под нажимом Гинденбурга все-таки выделял с Западного ТВД. Монополия пруссаков на Русском фронте отражалась и на уровне взаимопонимания с союзниками-австрийцами. Первые баварские части на Востоке появились только в марте 1915 г. Пруссаки, естественно, очень остро реагировали на русские вторжения в Восточную Пруссию и опасались той же судьбы для Позена и Силезии. Население же южной Германии, для которой адекватна была скорее французская угроза, с большим сочувствием относилось к австрийской пропаганде, расписывавшей зверства и грабежи русских в захваченной ими Галиции. Разделяли в Баварии и Вюртемберге и негодование по поводу «предательства» русинов (а потом и вообще всех славян, начиная с чехов), беспощадно за это репрессированных в печально знаменитом лагере Талергоф.⁷³

Однобокое, карикатурное и сильно отличавшееся от складывавшихся на Западе стандартов позиционной войны мнение поддерживалось до лета 1915 г. еще и тем обстоятельством, что на Восточном фронте довольно долго не было сплошной линии окопов, а в ряде местностей и достаточного количества войск для образования противоборствующих войсковых группировок. Фронт не только не «застыл», как на Западе уже к ноябрю 1914 г., но и не сформировался как таковой к северу от Гумбинена, в северной Польше (между Млавой и Плоцком), в Букови-

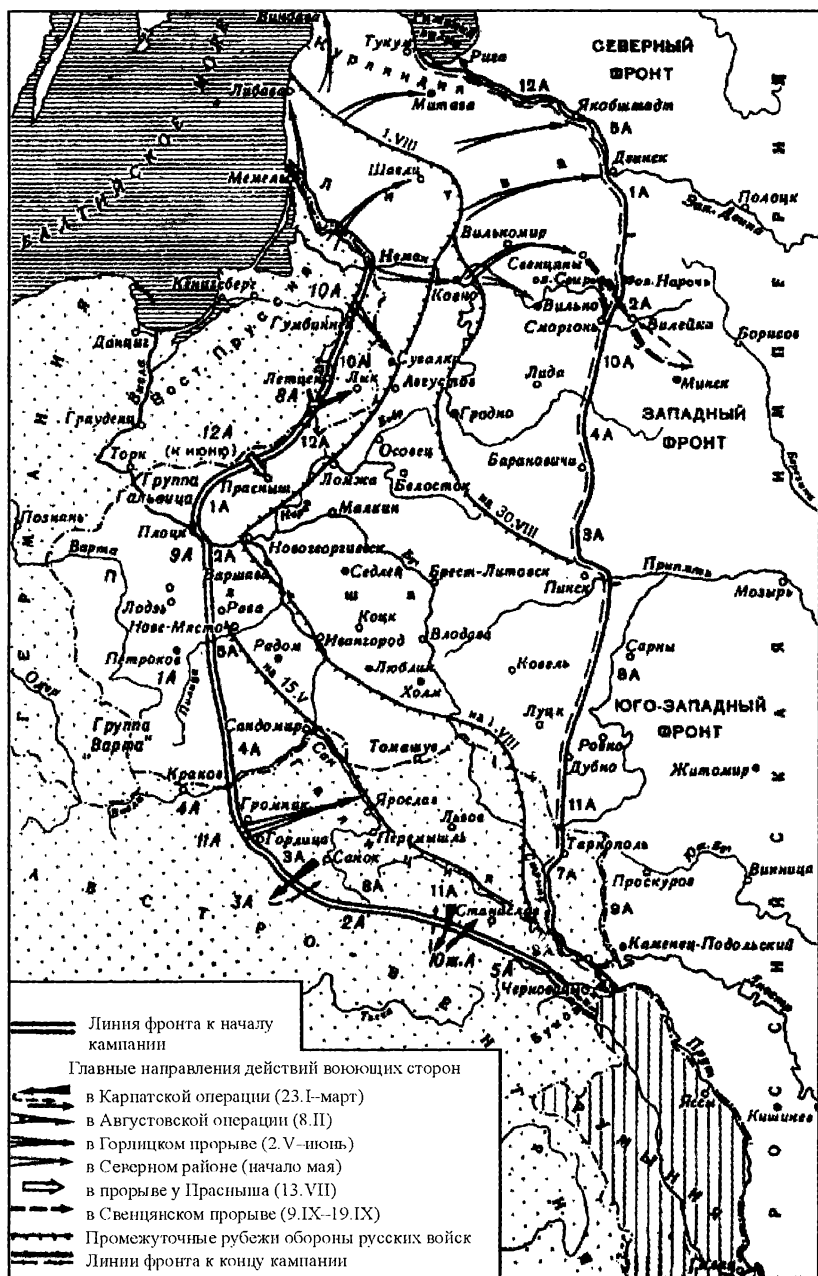
не. Имелись явные оперативные пустоты, последние из которых на Западе были ликвидированы уже во время «бега к морю» октября-ноября 1914 г. По мнению В. Грёнера, «сама протяженность границы от Мемеля через Торн — Краков до Черновиц, в круглых цифрах 1600 км, исключала такую мысль»,⁷⁴ т. е. фронта такой длины германский Генштаб до войны и представить себе не мог, что существенно влияло на оценку перспектив и характера войны с Россией. В связи с этим война к северу от Немана, т. е. на важнейшем для восприятия друг друга немцами и русскими восточнопруско-прибалтийском участке, носила несколько средневековой характер череды грабительских рейдов с обеих сторон. Так, например, к удивлению и некоторой панике командующих германскими армиями на Востоке, в марте 1915 г. незначительные русские силы захватили ненадолго Тауроген и Мемель, а затем сумели отступить с награбленным. Рейд был организован достаточно плохо, участвовать в этой аванюре не желал даже прямо заинтересованный в укреплении обороны в прибрежной зоне Балтийский флот.⁷⁵ Сомнительного качества боевые подвиги русского отряда привели к неожиданно серьезным последствиям — немцы более не собирались допускать грабежа восточнопруских территорий.⁷⁶ Уже в конце апреля 1915 г. началась операция немецких сил в Курляндии, которая неожиданно привела к достаточно быстрому захвату Ливавы и части Литвы. Более массивное применение войск на крайнем северном участке Восточного фронта началось только летом 1915 г.⁷⁷

Одним из самых недооцененных по масштабам и роковых для участников по последствиям сражений Великой войны стала Карпатская операция зимы-весны 1915 г.⁷⁸ При бесспорно огромных перспективах выхода русских армий на Венгерскую равнину для успеха ее не хватало главного: адекватной оценки реальных возможностей достижения этой цели, тем более в такое время года. Австро-венгерская сторона руководствовалась понятной, но слишком очевидной целью деблокады Перемышля, причем провал этих попыток к началу марта 1915 г. лишь ускорил падение крепости. Доходило до позиционной войны в горах, тогда еще почти неизвестной в истории Великой войны, а потому беспрецедентной по ожесточению. Потери импе-

раторских и королевских войск были столь велики, что вызывали отчаяние. Итогом титанического по затратам противостояния стало незначительное изменение линии фронта, огромные потери, новая порция германских войск, направленная для стабилизации фронта в Карпатах, где теперь была сформирована уже собственно германская Южная армия. Тогда же, в марте-апреле 1915 г., заканчивалось оформление сплошного фронта на Русском театре военных действий. После набега небольшого отряда на германский Мемель последовала отвлекающая, но весьма успешная операция немцев в Курляндии, где наконец смогла проявить себя в истинном своем назначении германская кавалерия.⁷⁹ Полная неготовность русского командования к растягиванию фронта привела к тому, что был почти без сопротивления потерян такой важный порт, как Либава, а за ней последовала и Виндава, на которую до войны возлагали большие надежды. Вскоре эти важнейшие гавани со станциями железной дороги стали основой германского снабжения, так что о грубой ошибке — активизации действий там, где на это не было сил, то есть под Мемелем и в прибрежной полосе в целом, пришлось еще серьезно пожалеть.⁸⁰ Либава еще и стала ценной стоянкой сил германского флота, что позволило ему претендовать на постепенное продвижение в Рижский залив, где вскоре разыгралась настоящая позиционная война на море.

На противоположном конце фронта — в Буковине — к началу мая последовало очередное вторжение русских войск за Днестр, остановленное в середине месяца лишь резкой и неблагоприятной переменой общей обстановки в Галиции и Польше. Буковина, обладавшая немалой спецификой, как этнической, так и административной, в ходе Великой войны смену режимов испытывала едва ли не чаще всех, пока в конце концов к сентябрю 1917 г. все-таки не вернулась под контроль австро-венгерских чиновников.

2 мая 1915 г. начался знаменитый Горлицкий прорыв, определивший исход всей кампании 1915 г. Место для прорыва было избрано на стыке германского и австрийского фронта, в Западной Галиции, причем перспективы его поначалу оценивались, по меньшей мере австрийцами, скептически, а германская Ставка не ставила крупных задач, рассчитывая лишь прочно

Русский фронт в кампанию 1915 г.

обеспечить фронт союзника и снять угрозу Кракову. Для операции в не самой простой местности скрытно сосредотачивалась новая 11-я армия, до этого предназначавшаяся для действий во Франции. Во главе этой армии был поставлен будущий фельдмаршал А. фон Макензен, но реально планировал и руководил операциями Г. фон Сект. Хотя оборона русских войск была достаточно подготовленной, выдержать удар грамотно сконцентрированных превосходящих сил австро-германцев, поддержанных невиданной на Русском фронте группировкой тяжелой артиллерии и находившихся под грамотным руководством,⁸¹ они не смогли. Несмотря на яростные контратаки, на отчаянные попытки заткнуть наскоро переброшенными резервами образовавшийся прорыв во фронте, наступление Центральных держав удалось. К 7 мая победа оперативного уровня стала фактом, возникла угроза обрушения всего фронта в Карпатах и пленения крупных сил, вторгшихся было на перевалы русских войск. Это привело к поспешному отступлению, которое пытался то ли прикрыть, то ли за счет личной храбрости предотвратить знаменитый впоследствии генерал Л. Г. Корнилов, попавший вследствие этого в плен, откуда он бежал после нескольких попыток лишь через 1.5 года и был встречен в России как герой.

Поначалу ни германская, ни австро-венгерская Ставка не были готовы к дальнейшему развитию операции, однако очень быстро начали ставить все более амбициозные цели. Уже 3 июня был отбит Перемышль, падение которого с такой помпой отмечала официальная Россия всего 2.5 месяца назад. Под ударами австро-германских войск 22 июня был оставлен Львов, с начала июля началось вытеснение русских армий из Польши. Хотя устроить глобальное окружение не удалось, да и «клещи» оказались не столь эффективными, как надеялись, отступление русских превратилось в беспрецедентный по масштабам оборонительный маневр. Параллельно возобновились бои в Курляндии и Литве, ведь помимо слабости и плохого оснащения русских армий германские войска подгоняло и неудовлетворенное честолюбие их полководцев.

Пока Фалькенгайн находился во главе ОХЛ, германское главнокомандование даже не выдвигало серьезных террито-

риальных претензий к России и, напротив, полагало сепаратный мир на Востоке крайне необходимым, ибо без него победа в Великой войне в целом невозможна. Окончательная победа над Россией представлялась Фалькенгайну утопией, на которую не следует рассчитывать. Возможно, это было следствием его симпатий к России, за которые его часто упрекали, хотя это была семейная традиция. Его племянник, будущий генерал-фельдмаршал вермахта фон Бок неслучайно носил русское имя Федор, так же, как и отец Эриха фон Фалькенгайна.⁸² В германском Генштабе мощное наступление против России в кампанию 1915 г. рассматривалось как «превентивное»,⁸³ то есть ставилась задача не завоевания или разгрома, а в первую очередь снятия угрозы русского вторжения.⁸⁴ Флот на Балтике и того больше склонялся к достаточно скромным целям: с началом войны констатировали наличие чрезвычайно мощных русских позиций у входа в Финский залив, а минная война оставалась по-прежнему обоюдоострым оружием,⁸⁵ кроме того, время работало против Германии, так как достраивались русские дредноуты. Тем не менее, возможны были и худшие варианты: Великобритания могла и не ограничиться посылкой нескольких подлодок на помощь русской эскадре, а, выяснив свое подавляющее превосходство на море на практике, попытаться замкнуть кольцо блокады с моря окончательно, перерезав коммуникации на Балтике и прекратив столь необходимые поставки из Швеции, громя конвои с железной рудой. Британцы, однако, преодолели эту задачу русскому флоту, а он был тяжел на подъем и к попыткам наступательных активных действий перешел только в 1916 г., да и то не особенно удачно.⁸⁶ Дискуссии о возможности резкой активизации действий флота продолжались затем долгие годы. Указывали на вполне удачное участие судов в обороне Рижского плацдарма, на опыты десантирования в Курляндии. И все же перейти к глобальному наступлению российский флот не мог как минимум до тех пор, пока английский Гранд Флит не гарантирует, что основные силы германского Флота Открытого Моря будут скованы в Северном море. Это, в свою очередь, потребовало бы изменения британской стратегии дальней блокады, на что в Адмиралтействе, да еще и ради ситуации на Русском фронте никогда бы не пошли.

Фалькенгайн с недоверием относился к амбициозным замыслам охвата и окружения русских армий, которые настойчиво проповедовали Людендорф и Гинденбург,⁸⁷ так как к середине 1915 г. «русские многому научились с 1914 г., <...> противник умел очень хорошо принимать контрмеры против фланговых обходов»,⁸⁸ на встрече с начальниками штабов армий на Западе в конце июля 1915 г. он заявил, что «русские держатся жестче, чем раньше, каждая высота занята, а артиллерию они заблаговременно уводят до того, как отступает пехота».⁸⁹ С ним соглашался и специалист по железным дорогам В. Грёнер: «Осенью 1914 г., во время операций в Южной Польше, русские показали, что оперативное использование железных дорог им не чуждо. А в 1915 г. они сумели своевременно выбраться из мешка, который для них задумал генерал фон Фалькенгайн между Вислой и Бугом».⁹⁰ Непосредственно командовавший на северном фланге предполагаемого «мешка» ген. фон Галльвиц оценивал неудачу «Седана» летом 1915 г. так: «...я должен был согласиться, что лежавшая в основе всей операции идея „клещей“ с севера и юга фактически не оправдалась, как из-за того, что русские рано оставили линию Вислы, в их всегда сильной оборонительной манере — они испокон века были мастерами отступления, — так и из-за того, что южная часть „клещей“, армия Макензена, в последние дни не наступала нам навстречу».⁹¹ Однако значительное большинство и населения, и даже солдат Центральных держав никакого разочарования тогда, летом 1915 г., пока не ощущали. Количество взятых в плен русских солдат еще весной перевалило за миллион и продолжало уверенно расти. Триумфально брали один крупный город за другим: 5 августа пала Варшава, за нею еще до конца августа последовали крепости Новогоргиевск, Ковно, Брест-Литовск, взяли немцы и столицу Курляндии Митаву.

Многие из этих побед сопровождалась очередной порцией трофеев, способных убедить в неодолимой мощи германского оружия кого угодно. 5 сентября 1915 г. Верховное Главнокомандование принял на себя Николай II, и эта антикризисная мера в действительности воспринималась как согласие признать невиданное поражение. Николай Николаевич был фактически сослан на Кавказ, чему немало содействовала нарастающая при-

дворная истерия. «Николая Третьего», действительно с началом войны бравшего на себя все больше и больше, иступленно ненавидела императрица, для которой исчерпывающим доказательством злых намерений амбициозного дядюшки мужа было то, что тот не переносил Распутина и открыто пригрозил его повесить.

Явные признаки деморализации русской армии, ее огромные кровавые потери, бессилие перед обстрелом из германских тяжелых орудий, скандально быстрая и далеко не геройская на фоне прославленного Осовца сдача Новогеоргиевска и Ковно — все это было причиной высокомерного ликования по одну сторону фронта и панических слухов о сдаче Пскова и Киева — по другую. По мере стабилизации фронта в российском обществе возобладало озлобленное, а потом и отчаявшееся недоумение, переходящее в поиск виновных. В сентябре, несмотря на тяжелую неудачу австрийцев на Волыни, к списку военных успехов добавились Вильна и Барановичи. По мнению большей части германского общества, лишь недостаток (не выделенных Фалькенгайном) резервов не позволил успешно провести и еще одну операцию, окончившуюся отступлением после очередного, на этот раз Свенцянского прорыва. Вскоре последовали и первые версии причин случившегося — снарядный голод (на деле присутствовавший у обеих сторон, правда, в разной степени), предательство союзников (то есть нежелание признавать никакие их усилия вообще), ну а затем огульное презрение к командному составу, метафизическая «измена!» по любому поводу. Газеты наперебой усиливали у обывателей ощущение бестолковости и бессилия всего государственного аппарата, подогреваемое оживившейся думской оппозицией. Прогрессивный блок, охотно участвовавший в скандальных и сложных интригах вокруг кандидатов в министры и протееже Распутина (а на самом деле императрицы), сделал все, чтобы к списку антигероев добавились фамилии Хвостова, Протопопова, Трепова и Штюмера, а к перечню «жертв камарильи» — Сазонов и Поливанов. И все же, к защите Родины и преодолению кризиса это прямого отношения не имело, а парламентарии, по меткому выражению Шульгина, чувствовали себя уютно, лишь пока их «охранял императорский конвой».⁹²

Германия прошла примерно те же стадии и являла те же симптомы, но как минимум на 2—2.5 года позже, когда стал несомненен крах последней ставки — на генеральное наступление на Западе. Австро-Венгрия же могла лишь констатировать, что немедленная катастрофа откладывается, однако война на три фронта не сулила ничего хорошего. Разделявшаяся на австрийскую, венгерскую и общеимперскую часть армия двуединой монархии теперь превратилась в арену постоянного недовольства и скрытого злорадства.⁹³ Венгры были возмущены недостаточно упорной, по их мнению, обороной австрийцев в Карпатах, в то время как сами они показали себя в боях за подступы к родине весьма достойно. Австрийцы, в свою очередь, были раздражены тем, с какой неохотой венгерские части отправляются на Итальянский фронт, который был для южных немцев с национальной точки зрения, да и по исторической традиции, приоритетным. Конечно, такие проблемы были и в армии Германской империи, где относительно Востока имелись собственные амбиции, например, у саксонцев, а баварцы, напротив, были почти открыто недовольны отправкой на Русский фронт,⁹⁴ не суливший им, в отличие от Запада, никаких территориальных приобретений, но ни в какое сравнение с разногласиями внутри австро-венгерского офицерства, казавшегося до войны столь сплоченным в своей верности императору и королю,⁹⁵ это не шло.

Реалии войны на Восточном фронте, ее маневренный характер вплоть до октября 1915 г. обусловили эволюцию образа противника. В российской армии окончательно убедились в том, что действия против германских войск не имеют перспектив без существенного превосходства в силах, а главное — без должного уровня технического оснащения. На моральный кризис рассчитывать не приходилось, что заставляло и генералитет все чаще склоняться к мысли о концентрации в будущем усилий только против «слабого звена», то есть против Австро-Венгрии. Неоднократные победы над армией двуединой монархии постепенно заставили забыть о том, что они дали не так просто. Безальтернативность побед над австро-венгерской армией постоянно толкала к тому, чтобы считать их неизбежными. С другой стороны, и Австро-Венгрия с течением войны все

более ощущала, сколь судьбоносным и роковым станет для нее союз с Германской империей.⁹⁶

К началу третьей кампании военные Центральных держав должны были задуматься о перспективах и целях мировой войны не только для своих стран, но в силу обстоятельств и для России. Глубокое вторжение внутрь ее территории состоялось лишь к северу от Полесья, однако оно так и не стало основанием для сепаратного мира, что ставило вопрос о целесообразности дальнейшего натиска. Призрак судьбы наполеоновской армии поначалу не страшил германских генштабистов, которые уповали на плоды технического прогресса за прошедшее столетие, казалось бы, снявшие столь роковую для Великой армии проблему коммуникаций и снабжения.⁹⁷ Этот оптимизм не поколебали даже сведения о явно недостаточном развитии железнодорожной сети в России, которая оставалась несравнимой с немецкой даже при тех темпах железнодорожного строительства, которые были набраны за счет французских кредитов и требований. Реальность российских просторов, уровень и состояние инфраструктуры,⁹⁸ однако, опрокинули все расчеты, а безусловного господства на театре военных действий не удавалось добиться достаточно долго.⁹⁹ Уже в первый год войны германское командование вынуждено было неоднократно убедиться в том, что рассказы о технической отсталости и трусости русских войск сильно преувеличены,¹⁰⁰ хотя в пропагандистских целях эти стереотипы продолжали поддерживаться: например, после налетов не имевших тогда аналогов русских тяжелых бомбардировщиков «Илья Муромец» немцы, вопреки очевидному, продолжали утверждать, что у русских просто не может быть аэропланов с такими техническими характеристиками. Военные перипетии заставляли менять свои взгляды даже тех, кто стремился не допустить разрушения довоенных иллюзий. По иронии судьбы, именно автор популярного труда о перспективах Германии в будущей войне Ф. Бернгарди во главе срочно переброшенных германских резервов спасал Австро-Венгрию от немедленного краха во время первых недель Брусиловского прорыва 1916 г. и смог ощутить, к чему приводят недооценка противника или надежды на «германский дух», не подкрепленные, даже при великолепной тактической подго-

товке командного состава, достаточными военными силами.¹⁰¹ Австро-венгерским офицерам казалось вполне достаточным даже достигнутое позиционное противостояние подальше от критически важного для обороны карпатского рубежа, а после их поражения на Волыни осенью 1915 г. иллюзий относительно способности наступать без германской поддержки они более не строили, а потому сосредоточились на возведении «неприступных» позиций.

У каждой империи свои проблемы: нации, сырье и национальный характер

Война, с одной стороны, резко прервав контакты между военными элитами Германии и России, а также в меньшей степени и Австро-Венгрии, которые пошли на это в силу обстоятельств и зачастую добровольно и решительно, с другой стороны, открыла новую, невозможную в мирное время страницу в изучении друг друга. Окопы, маневры, пропаганда Первой мировой стали проверкой устоявшихся мнений, экспериментальной стадией не только для военных доктрин, но и для конструирования образов противника. Офицеры германской разведки получили во время войны огромные полномочия, возглавив пропагандистскую машину, следствием чего было то, что безыскусная германская агитация являлась действенной, в первую очередь, против русской армии.¹⁰²

Казалось бы, с началом войны твердое убеждение Мольтке-младшего, что будущая мировая война будет «означать в первую очередь борьбу между германством и славянством», оправдалось, однако быстро выяснилось, что за этим не стоит целостного образа и концепции противостояния. В среде германского командования опасались даже нехватки мотивации у солдат в сражениях с русской армией,¹⁰³ поэтому первоначально, как и было предусмотрено развертыванием, против России сражались только саксонцы и пруссаки, а баварские и вообще южногерманские части стали массово перебрасываться только в весеннее-летнюю кампанию 1915 г., когда стало не до учета подобных нюансов.¹⁰⁴

Неприятное впечатление произвела на немецкое командование русская часть Польши, особенно приграничная,¹⁰⁵ которая своей неухоженностью и бедностью населения сильно контрастировала с активно колонизируемой пруссаками Познанью и промышленно развитой Силезией.¹⁰⁶ Гинденбург, как и многие его коллеги, жаловался на грязь и убогость обстановки, патетически сочувствуя местному населению, так обделенному русскими властями, тем не менее и к полякам он относился с нескрываемой традиционной прусской снисходительностью.¹⁰⁷ Пренебрежение к полякам только усилилось, что сразу же проявилось в их дискриминации.¹⁰⁸ В дальнейшем серьезные успехи германских войск в 1915 г.¹⁰⁹ и большое продвижение немцев на Востоке, казалось бы, должны были заново обогатить и обновить образ России в сознании германских военных, однако этого не произошло. Резюмируя тщетность попыток стимулировать политическое развитие населения окраин России, некий германский офицер заявлял, что важен «...вопрос мыла. Только когда население приучится мыться, можно говорить о политических мероприятиях».¹¹⁰ Солдат Центральных держав постоянно забавляли и пугали одновременно всевозможными заболеваниями, которыми они могут заразиться от немытых жителей Востока, причем в распространении вшей оказывались виноваты все, кто угодно, кроме немцев. Подчеркивая свою «цивилизационную миссию», а также подавая личный пример, германское командование весьма методично и в конечном счете успешно занималось профилактикой эпидемий, а также добилось высокого уровня санитарной дисциплины в войсках. Русское и даже австро-венгерское командование также было озабочено этой проблемой, но тратило на ее решение куда меньше сил. У врачей хватало и более злободневных проблем, чем бытовая антисанитария, хотя дизентерии побаивались во всех армиях.

Почти сразу после вступления в конце августа 1915 г. за пределы Конгрессовой Польши немецкое командование столкнулось с полным этническим хаосом, который зачастую не позволял отделить возможных союзников от явных сторонников русских властей, поскольку даже фамилия порой не отвечала национальному самосознанию ее носителя.¹¹¹ Настроение на-

селения предугадать было невозможно, так как где-то солдат Центральных держав встречали как освободителей, а уже в соседней волости наблюдалось паническое бегство на Восток или в ближайшие леса. Это не вызвало должных опасений у военно-административного аппарата Австро-Венгрии, которой по итогам раздела оккупированных территорий досталась только часть Польши с центром в Люблине, а потому в дальнейшем чиновники двуединой монархии сосредоточились на подготовке воплощения так называемого «австро-польского» решения, встречая в этом изрядную поддержку польской аристократии, уже представлявшей себе будущий немецко-венгерско-польский триализм. Это, в свою очередь, порождало существенную зависть у германских политиков и военных, что привело к затяжным дискуссиям о переделе бывшей русской Польши.¹¹²

Активное разыгрывание национальной карты всеми воюющими странами (даже теми из них, кто, в силу полиэтнического состава населения, был в этом отнюдь не заинтересован) привело к тому, что фактически совместными усилиями правительств Антанты, Германии, Австро-Венгрии, России, Османской империи, Италии и даже США оживить националистические настроения удалось, а вот использовать их на благо какой-либо одной из сторон, за исключением примеров ирреденты, оказалось невозможно. На оккупированных территориях Российской империи, а также в среде многочисленных национальных диаспор, в том числе по ту сторону Атлантики, сумели заявить о себе финские, эстонские, латышские, литовские, украинские, грузинские, армянские националисты, а также сионисты, сторонники мусульманской автономии и ряд других активистов, однако все это требовало немалых средств и еще больших усилий по установлению взамен прежнего имперского столь же устойчивого оккупационного порядка, что оказалось куда сложнее, чем казалось на этапе «освободительной» пропаганды. Сравнительно удачным опытом, не чреватым опасными последствиями для самих организаторов, можно признать лишь формирование финского егерского батальона, выходцы из которого сыграли огромную роль в развитии армии Финляндии в 1920—1940-х гг.¹¹³ В свою очередь, для России оказалось не столь просто использовать потенциал чехословацких,

польских, сербских, трансильванских, армянских и других воинских частей, хотя попытки предпринимались масштабные и небесперспективные. Наиболее безвредные по последствиям национальные проекты были возможны лишь там, где образование новых национальных государств никак не затрагивало интересов их спонсоров из числа великих держав. Так было с ирландским движением и Германией, польской армией во Франции, попытками формировать итальянские отряды в России, а также с переправкой пленных эльзасцев, чтобы они тут же вступили во французскую армию.

Желанное для украинских националистов вторжение войск Центральных держав на территорию русской Украины не состоялось, так как в ходе победоносной кампании 1915 г. австро-германские войска так и не смогли выбить русскую армию из Восточной Галиции. Использовать в должной мере симпатии большей части еврейского населения к германским и австрийским войскам, усугубленные антисемитскими действиями русской Ставки и воинских частей, особенно казачьих, военные и администраторы Центральных держав не смогли, так как не слишком отличались от русского офицерства в своем отношении к евреям (в австро-венгерской армии антисемитизм был несколько мягче) и не слишком четко осознавали разницу между этнической принадлежностью и подданством.¹¹⁴ Тем не менее, попытки разыграть еврейскую карту имели место, так как многие леволиберальные публицисты, в особенности еврейского происхождения, были мобилизованы на помощь проекту Обер Ост, отставивая особую ответственность Центральных держав за судьбы восточного еврейства.¹¹⁵ Тем не менее, этому союзу достаточно быстро пришел конец. Евреи, нещадно обвиняемые обеими сторонами за усиленную спекуляцию и сделки на грани шпионажа, к тревоге своей обнаружили, что заигрывание обеих противоборствующих сторон с националистами грозит появлением (под любой эгидой) новых независимых государств. Государственное устройство последних, разумеется, претендовало бы на моноэтничность, хотя титульная нация зачастую не имела должного веса ни в экономике, ни в культуре. Последствия смены «хозяев» многочисленное еврейское население испытало уже после оккупации Центральными державами — в хо-

де петлюровских погромов на Украине, грабежей в Латвии и Польше и т. д.

Немцы увидели российскую¹¹⁶ глубинку примерно в августе-сентябре 1915 г., пройдя Польшу, Литву и (на южных участках фронта) заселенную родственными русским русинами и украинцами Галицию, которая даже на русских офицеров производила тяжелое впечатление своей отсталостью¹¹⁷ и неразвитостью местного населения. Большая часть русских солдат совершенно не воспринимала оставляемые летом 1915 г. земли как свою территорию, поэтому для них «не играли никакой роли и идеи реванша и освобождения Отечества от вступивших в него немцев».¹¹⁸ Для тех солдат русской армии, кому не довелось послужить в этих местах до войны — из сибирских или кавказских дивизий, — боевые действия на западе страны явились открытием неизвестных земель и смутно знакомых народов, то есть ощущались как почти столь же чуждые, как это было и у немцев и венгров. О богатой предыстории взаимодействия имперских властей и многочисленного населения сравнительно недавно (около 100—120 лет) присоединенных территорий¹¹⁹ сотни тысяч защитников Отечества не знали и не желали знать. Собственно, «русский» опыт армий Центральных держав, особенно германской, на период в три, а то и три с половиной года занявшей западные окраины Российской империи и сделавшей Брест почти столицей квазигосударства Обер-Ост, основывался на пребывании в достаточно сложном этнокультурном пространстве, где русский элемент, даже после десятилетий русификации, был вряд ли значительнее польского, еврейского, немецкого, латышского и литовского.¹²⁰ Интересы германской пропаганды и внешней политики требовали постоянного подчеркивания факта «освобождения» Польши, Литвы и Курляндии от русского царизма, поэтому на официальном уровне о переносе войны на территорию врага, а не на земли «порабощенных» им народов и речи не было.

В Германии в вопросе мотивации солдат к войне были иные проблемы — сильная потребность в историческом фундаменте для тотальной войны против России, которая не могла быть названа «наследственным врагом», как Франция, привела к поиску более отдаленных прецедентов. С вступлением на терри-

торию Польши, Литвы и Курляндии мотив «Drang nach Osten», использованный еще в связи с Танненбергом,¹²¹ стал основополагающим. Командование на Востоке начало ассоциировать себя с рыцарями Тевтонского ордена, на которых внешне стремились походить элитные немецкие части,¹²² а сам Гинденбург, учитывая тотальный характер войны, по аналогии с Тридцатилетней войной удостоился «места» Валленштейна.¹²³ Ассоциация со средневековым покорением Прибалтики подкреплялась еще и активной деятельностью Людендорфа по администрированию захваченных территорий, построением некоей «военной утопии», что соотносилось с концепцией культурной миссии германской армии и народа на варварском Востоке.¹²⁴ Активная деятельность немецкой военной администрации по налаживанию экономической и даже культурной жизни на Востоке¹²⁵ пропагандировалась как пример положительных последствий побед германского оружия для судеб угнетенных царизмом малых народов.¹²⁶ Однако, по свидетельству служившего на Востоке А. Цвейга, превратившегося после ранения под Верденом в страстного пацифиста, благодарности за эти цивилизаторские свершения местное население не испытывало.¹²⁷ Кроме того, выпущенный администрацией Обер Оста «Распорядок управления» категорически заявлял: «Интересы армии и Германской империи в любом случае идут впереди таковых оккупированных территорий».¹²⁸

Причина столь категорического утверждения была проста: в течение 1915 г. Германия вынуждена была перейти от экономики и использования имевшихся запасов сырья и временных чрезвычайных мер к систематической реорганизации экономики в условиях жесткой морской блокады со стороны Антанты. Надежды на эффект от ответных мер по подрыву английской мировой торговли провалились: остатки германских рейдеров уничтожались по всему мировому океану, кольцо фронтов становилось все теснее, а политика Великобритании в отношении нейтральных государств и контроля над транспортными потоками — все жестче. Германия смогла решить часть проблем за счет развития химических технологий, а также благодаря блестящей организации распределения сырья, но и эти успехи не могли стабилизировать ситуацию надолго. Все более тре-

возной становилась и продовольственная обстановка, в том числе благодаря продолжающемуся призыву в вооруженные силы, что лишало сельское хозяйство рабочих рук. Именно в кампании 1915 г. Германия «открыла» для себя фактически единственный способ затягивать свое сопротивление натиску почти всего мира — захват все новых территории аграрной периферии Европы. Двадцать губерний Российской империи для этого поначалу было достаточно, вскоре к ним добавились и территории Сербии и Черногории. Некоторые надежды питали и на постепенное развитие инфраструктуры в Османской империи, что позволило бы нарастить производство и поставки сырья с Ближнего Востока — от нефти до хлопка. И все же зима 1915—1916 гг. была для жителей германских городов не слишком веселой, хотя она не шла ни в какое сравнение с тем, что им довелось испытать в следующие две военных зимы.

Те же проблемы, с несколько большим акцентом на продовольственном обеспечении испытывали и в Дунайской монархии, однако помимо гуманитарных проблем значительно более опасными представлялись политические.¹²⁹ В Австро-Венгрии все острее сказывалось недовольство друг другом обеих половин империи, причем не только подозреваемыми в нелояльности нациями, особенно чехами и сербами, но претензий все больше было и у титульных наций. Не следует думать, что и до войны в империи Габсбургов наблюдались исключительно центробежные тенденции, были и строго обратные устремления.¹³⁰ Плюсы интеграции на фоне внедрения достижений технического прогресса хорошо осознавали и в начале XX века. Тем не менее, были все основания полагать, что Венгрия по итогам войны будет еще категоричнее настаивать на том, что единой монархии нет вовсе, а имеет место быть лишь личная уния Венгрии с Австрией. Продление же оформленного в 1867 г. компромисса после смерти императора Франца-Иосифа, ожидавшейся в ближайшее время, было отнюдь не гарантировано. В лучшем случае Вене следовало готовиться к долгим торгам о новой редакции дуализма, ведь о переформатировании в триализм с кем бы то ни было из этнических меньшинств империи в Будапеште и знать не желали.

Нет сомнений, что принцип «кому война, а кому мать родна» сказывался во всех трех империях, однако нигде это не было столь системно, очевидно и безответственно, как в России. Оправданные, как казалось, нападки на имперскую бюрократию, на неготовность к войне (к которой, при ее масштабах, и нельзя было быть готовыми), на медлительность и ошибки командования стали лишь основанием для быстрого сколачивания политического капитала думской оппозиции. «Гражданский мир» и «священное единение», провозглашенные чуть ли не всеми парламентами воюющих стран, были, разумеется, лишь данью текущей политической конъюнктуре, однако именно в России они были использованы для нанесения максимального вреда текущему политическому режиму. Под лозунгом «патриотической тревоги» началась такая бешеная кампания травли действительно уязвимого военно-административного аппарата, что Николай II пошел на уступки, совершенно не совместимые с традиционным государственным устройством России, а планируемый компромисс привел лишь к раздражению и властей, и оппозиции. Критики правительства получили возможность проявить себя в деле помощи Родине в военно-промышленных комитетах и в многочисленных земских организациях, которые и были использованы для того, чтобы перераспределить военные расходы в свою пользу и уберечь от попадания на фронт десятки, а потом и сотни тысяч молодых людей, ставших служащими этих «военных» организаций. Стали складываться крайне опасные для власти связи между буржуазией и генералитетом,¹³¹ хотя большинство последнего было крайне раздражено попытками «штатских» вмешиваться даже в обсуждение военных вопросов. Дума вернулась к насыщенной политической борьбе, провоцируя отставки министров и отыскивая сиюминутные выгоды в неудачах на фронте. Еще большую тревогу вызывали регистрируемые полицией оппозиционные выходы крупной буржуазии.¹³² Поиск виновных и огульные обвинения с самых высоких трибун должны были окончательно снять необходимость признаться в неспособности соответствовать требованиям мировой схватки не на жизнь, а на смерть. Несмотря на все заклинания о «Второй Отечественной», Россия вступила в эпоху тотальных войн, совершен-

но не желая прилагать усилия, сравнимые с кампанией 1812 г. и даже годами Крымской войны.

Огромный поток денег, хлынувший в связанные с оборонными нуждами отрасли промышленности, а также общая перестройка экономических связей резко дестабилизировали достигнутый до войны баланс в аграрно-индустриальной экономике России, подстегнули инфляцию и социальное расслоение. Промышленность оказалась в привилегированных условиях, однако без необходимого ей потенциала к взрывному росту, хотя развитие было налицо даже в условиях потери ряда промышленных районов на западе империи. Сельское хозяйство лишилось какого бы то ни было стимула к развитию в виде экспортных доходов, а ход мобилизации крестьян даже в момент «патриотического подъема» 1914 г. (в деревне совершенно нераспространенного) внушал самые серьезные опасения относительно перспектив послевоенной политической обстановки.¹³³ Помимо пропасти между элитой и простонародьем, городом и деревней, стремительно нарастала пропасть и между испытывавшим самые разные испытания фронтом, платившим кровью за все упущения довоенного и военного времени, и тылом, либо игнорировавшим особые требования, предъявляемые мировой войной, либо жившим в обстановке пира во время чумы и золотой лихорадки.¹³⁴ Имперская бюрократия, и до войны не слишком справлявшаяся с давлением мощных объективных факторов и темпом перемен, даже при известном напряжении и при самых лучших намерениях не имела шансов устранить нарастающий социально-экономический дисбаланс, лишь с трудом компенсируя отдельные его проявления. Тотальные обвинения в коррупции, халатности, недееспособности, звучащие в 1915—1917 гг. с думской трибуны, выглядели тогда вполне убедительно, однако лишь потому, что тогда не с чем было сравнивать. Однако по опубликованным архивным документам вполне отчетливо видна неспособность далеко не молодых и служивших верой и правдой десятилетиями мирного времени чиновников охватить в рамках привычных представлений титанический объем и разнообразие вопросов управления в ведущей войну России, следствием чего были порой грубые ошибки, вызванные косностью представлений.¹³⁵

Разумеется, все отмеченные выше тенденции наметились и в других странах, и в том числе в Германии и в Австро-Венгрии, однако там не было сочетания из считавшейся далеко не смертельной угрозы и вызванной этим готовности нажать на текущих проблемах, по безответственности достойной девиза мадам де Помпадур.

Консервативные монархии отличались той степенью общности, что это не могло не иметь зеркальных последствий для каждой из них в ходе войны. Общей чертой всех трех военных элит явилось наличие в каждой из них представителей или потомков той национальности, с которой, начиная с августа 1914 г., их родина вступила в смертельную схватку. В Российской империи это были немцы, как балтийские, так и волжские, и выходцы из колоний, разбросанных по всему югу России. Волна патриотизма, а затем — германофобии привела к началу трагедии российских немцев XX столетия. В годы Первой мировой войны травля и подозрения были особенно чувствительными и роковыми для военных, посвятивших свою жизнь любимой профессии, не подозревая, что когда-нибудь вечно послушный российский солдат или матрос будет ненавидеть его не только за дворянство, но и за почетную фамильную приставку «фон»¹³⁶ и труднопроизносимое имя. Порой трагедия вырождалась в трагикомедию, когда взрослые, состоявшиеся люди меняли фамилии с немецких на якобы русские¹³⁷ в отчаянных поисках новой основы доверия к ним в обстановке антинемецкой националистической истерии.

В Германской империи к началу Первой мировой войны достаточно много офицеров продолжали носить чисто французские фамилии, являясь потомками гугенотов, бежавших после отмены Нантского эдикта в 1685 г. в Пруссию, которая их милостиво приняла по инициативе «Великого курфюрста». Многие из носящих французские фамилии стали широко известны, например, в первые же недели — командир I армейского корпуса, псевдогерой Восточной Пруссии генерал Франсуа. Среди корпусных и дивизионных командиров были генералы по фамилии д'Эльза, Шаль де Боле, Гарнье, Гутьер, Леки, Фуке, одним из лучших германских подводников Первой мировой был Л. Арнольд де ла Перьер, французские корни были у ад-

мирала Сушена, существовали целые военные династии из потомков французов.¹³⁸ До Вильгельма II даже ставка Верховного главнокомандующего носила французское название *Maison de Militaire*, только последний кайзер сменил его на более патриотичное — *Hauptquartier*.¹³⁹ Однако даже при том разгуле пропагандистских страстей, который господствовал в Германии, «немецкие французы» не стали жертвами шовинизма или его апологетами, полагая себя немцами вне зависимости от фамилии.¹⁴⁰

В Австро-Венгрии важные позиции в дипломатическом корпусе, на флоте и чуть менее в сухопутных армиях занимали выходцы из дворянских родов с итальянскими корнями. Несмотря на восприятие Италии как наследственного врага, в этом не видели ничего предосудительного, ведь теснейшим образом с Италией и ее элитой, а также с римской курией столетиями была связана даже правящая династия Габсбургов. Характерно, что, воюя против панславизма, десятилетиями отстаивая тезис, что Австрия для славян суть нечто большее, чем страна, ведь «если бы ее не было, ее стоило бы придумать» (Ф. Палацкий), в двуединой монархии открывали дорогу к высшим должностям в армии, правительстве и церкви представителям едва ли не всех славянских народов. Делалось это в убеждении, что национальные консервативные элиты смогут должным образом контролировать настроения своих соплеменников. В дворянской же верности императору к королю представителей многочисленной (и вполне националистически мыслящей) аристократии, как, например, польской или хорватской, не сомневались. Таким образом, во всех трех империях офицерство оказалось уязвимо для подчеркивания национальной принадлежности и различных фобий на основе этнического происхождения, проявившихся с началом Великой войны.

Бескомпромиссная, идейная ненависть к врагу, необходимая для тотальной войны на уничтожение, довольно легко воспитывалась в солдатах в колониальных войнах, где она получала расистские и «цивилизаторские» обоснования. На фронтах европейской войны старые причины оказались неподходящими, хотя, в известной степени, расовые мотивы использовались в Германии для пропаганды войны против «славянства»,

то есть против России. Но при этом в условиях, когда каждая держава стремилась получить статус освободительницы народов, борца против тирании и деспотии, подобные неприглядные технологии воспитания идейной ненависти необходимо было подавлять и искать адекватную замену. Именно поэтому постепенно сформировались целостные психологические комплексы образа врага, базирующиеся на всех достижениях довоенной публицистики и фрагментах модных геополитических программ.¹⁴¹

Несмотря на то что в 1915 г. Российская империя потеряла из-за вражеской оккупации в результате «Великого отступления» до 20 губерний общей площадью 236 тыс. кв. км с населением (если не считать беженцев) около 15 миллионов человек, до подлинной национальной освободительной войны и спустя год было далеко, ввиду отсутствия германских войск на территории компактного проживания русского народа. Для германских солдат, еще меньше, чем их офицеры, знакомых с Россией и даже с ее западными окраинами, территории, захваченные в 1915 г., были в какой-то степени *terra incognita*, взаимодействие с которой изменяло их самих. Даже призванные в германскую армию студенты, оказавшиеся на Востоке, осознавали, что о России они не знают ничего — «царь, казаки, варварская», и только.¹⁴² Основой восприятия России германскими солдатами и офицерством зачастую становился шок, вызванный разностью быта, уровня жизни и взаимоотношений властей и населения.¹⁴³ Основой для сложившегося образа послужили, таким образом, «этнический хаос, грязь и безграничные просторы».¹⁴⁴ Оглушительный эффект от восприятия западных окраин Российской империи усугубляли еще и попытки русских войск при отступлении применять тактику «выжженной земли».

В Российской империи к 1914 г. проживало около 2.4 миллионов немцев и немецких колонистов,¹⁴⁵ причем эта цифра может быть увеличена за счет потомков немцев, считавшихся уже обрусевшими, так как они приняли православие, как правило, по соображениям карьерного характера. Русские националистические круги были крайне обеспокоены тем фактом, что наибольшая концентрация немецких колонистов наблюдается именно

в приграничных, то есть теперь прифронтовых регионах, забывая о вполне естественных причинах этого, например, инфраструктурных. Поэтому еще до войны власти делали попытки переселить немецких колонистов из западных и южных районов Российской империи вглубь страны. В ответ на это опасавшиеся распыления и утраты идентичности немецкие дворяне из Остзейского края отвечали усилиями по приглашению соплеменников к поселению в Курляндии. Эти замыслы «переселения народов» затем стали основой тех дискриминационных мер, которые были применены к немецким землевладельцам в ходе Великой войны.¹⁴⁶ Однако накануне Февральской революции от большей части конфискационных мер пришлось отказаться, так как немцы-колонисты и их хозяйства оказались слишком ценны в условиях развала товарооборота и сокращения поставок продовольствия в город.¹⁴⁷

Многие из потомков немцев-колонистов действительно ощущали себя верными подданными русского царя, однако под влиянием пропагандистской деятельности Пангерманского союза, кризиса российской монархии и общего подъема националистических движений в начале XX в. среди российских немцев к 1914 г. существовала устойчивая тенденция возвращения к своим историческим корням: культуре, языку, образу жизни.¹⁴⁸ Довольно часто это приводило к переходу в германское подданство и переселению немцев-колонистов в Пруссию при поддержке пангерманцев, т. к. переезд немцев в конце XIX в. на Запад, в Рейнланд, приводил к тревожащему националистов росту польского населения в Познани и Мазурах. Т. Шиман и его сторонники из бывших балтийских немцев¹⁴⁹ проповедовали неизбежность распада России после скорого падения в ней монархии.¹⁵⁰ С другой стороны, быстрый рост экономики восточного соседа провоцировал едва ли не панический страх и новую волну русофобии в Кайзеррейхе, особенно среди политического окружения канцлера Бетман-Гольвега,¹⁵¹ дополняя раздуваемую пангерманцами кампанию против русских и славян вообще. Шиман, пользуясь покровительством кайзера, возглавил первую кафедру по восточноевропейской истории в 1902 г., фактически став вплоть до 1914 г. главным консультантом чиновников и генералитета Кайзеррейха (он читал лекции в Военной

академии в Берлине)¹⁵² по российской проблематике, что не могло не отразиться на их воззрениях.

Любопытно, что колонисты из числа бывших жителей Австро-Венгрии давали обратный эффект — содействия амбициям Российской империи: старый проект славянской и/или православной колонизации юга России дал определенные результаты в виде десятков и сотен тысяч чехов, сербов, поляков, болгар, реже румын, расселенных от Прута и Дуная до Дона. Многие из этих не вполне обрусевших колонистов теперь видели шанс возвращения на историческую родину в рамках победы Антанты, а потому охотно вступали не столько в русскую армию, сколько в формирующиеся сначала национальные дружины, а затем и в национальные части с привлечением в них военнопленных. Самую большую известность из них снискали чехословацкие части, основа которым была положена не перебежчиками и взятыми в плен, а именно переехавшими задолго до войны в Россию чехами.¹⁵³

Еще до войны был поставлен под жесткий контроль процесс колонизации русских земель немецкими поселенцами, которых старались убедить селиться в стратегически важных местностях Российской империи. Использовались любые возможности для получения сведений: коммерческие сети крупных германских компаний, гуманитарные миссии, научные экспедиции, различные культурные связи. В результате даже военно-промышленный комплекс России оказался в такой зависимости от германских фирм или от предприятий, владельцами которых были этнические немцы, что стал возможен стратегический саботаж немцев при производстве оборонно-важной продукции. Попытки борьбы с «немецким засильем» в экономике с помощью конфискаций, производимые не столько из патриотизма, сколько из корыстных интересов, были неэффективны.¹⁵⁴ Мало того, предприниматели обеих стран с большой охотой занимались контрабандой нужных для своей страны товаров, получаемых до этого из России или Германии соответственно и оказавшихся с началом войны недоступными.¹⁵⁵ Тотального экономического противостояния не получилось, так как идейной ненависти к врагу не было или она была не настолько сильна, чтобы отказаться от сверхприбылей.

Большинство российских немцев (особенно вне Прибалтики) в развернувшейся еще до 1914 г. войне двух национализмов оказались жертвами обоих. С началом Первой мировой войны немцы-колонисты подверглись целой серии притеснений не только в тылу, но и на фронте, то есть буквально тогда, когда они встали на защиту России с оружием в руках. Например, по подозрению в нелояльности солдаты-немцы последовательно изымались из частей на австро-германском фронте и выводились на Кавказ, но и там из-за недоверия не находили ни должного применения, ни нормального обращения к ним. Обвинения в их стремлении служить Германии и ее интересам базировались в большинстве случаев только на упорном сохранении своего языка, религии и особенностей менталитета, за которым, однако, не было никакого ультранационалистического подтекста или мечтаний о вхождении в Рейх.

Особую судьбу имели интернированные с началом войны подданные сразу обеих империй, которых, как в Германии, так и в России, достаточно быстро отнесли к категории врагов, хотя зачастую эти люди годами жили в притесняющей их теперь стране, совершенно не ощущая себя чужаками.¹⁵⁶ Вероятно, взгляд этих людей является одной из самых ценных и взвешенных компонент в огромном количестве оценок, наблюдений и записей, оставленных современниками и участниками Великой войны. Они были слабо уязвимы для националистической истерии и с трудом могли понять внезапно вспыхнувшую ненависть к «славянским ордам» или «жестоким тевтонам». Если в Германии были невозможны стихийные акции против русских, так как застигнутых войной на курортах и в университетах россиян было относительно немного, то в России против немцев обратилось испытанное средство сведения счетов — погромы. Массовые высылки и просьбы о переходе в русское подданство спасли далеко не всех. Показательным является пример Г. Хильгера, который с 1918 по 1941 г. был сотрудником германских дипломатических миссий и агентств в Москве и оставил ценные мемуары.¹⁵⁷ Он начал свою дипломатическую карьеру в связи с тем, что с августа 1914 по январь 1918 г. пребывал в заключении и ссылке в Вологодской губернии, как германский подданный, а по возвращении в Москву после при-

хода к власти большевиков счел себя обязанным принять участие в судьбе германских военнопленных и интернированных лиц в России. Биография этого человека примечательна: он без малого 50 лет (вплоть до 22 июня 1941 г.) прожил в Москве, а в Германии лишь получил высшее образование и несколько лет проработал инженером, с тем чтобы, набравшись опыта, вернуться в Россию для работы на семейном текстильном предприятии, которое было основано еще в 1830-е гг. Сохранение германского гражданства немцами, проживающими в России, было в те годы вполне обычным явлением, поэтому до 1914 г. о возможных преследованиях в случае давно прогнозируемой войны многие германские подданные попросту не задумывались.

Помимо естественного эффекта обрыва многолетних связей и попытки информационной блокады противника, с обеих сторон в ходе войны проявляется и тенденция обратного содержания, которая призвана полнее представить, понять и предугадать действия, настроения и цели противника. Еще более пристальное изучение армии врага довольно быстро дополняется необходимостью привлечь на сторону войны и тех, кто наименее уязвим для элементарной пропаганды — образованные слои, интеллигенцию, буржуазию, которые вряд ли воспринимали со всей серьезностью наспех создаваемые карикатуры на «гуннов», «бошей», «казаков», «томми» и т. д. Следствием намерения государственного аппарата сделать вечно фрондирующих интеллектуалов своими идейными союзниками в начавшемся смертельном противостоянии стал поток литературы, как отечественной,¹⁵⁸ так и специально переведенной, по обе стороны фронта. Война стала не только и не столько паузой в изучении друг друга Германией и Россией, сколько, наоборот, интенсифицировала, хотя и в искаженном виде, попытки понять чужой менталитет и двойственность этнических особенностей.

Ахиллесовой пятой Российской империи, как и всегда, оставалась экономика. Можно дискутировать о различных пороках и достижениях российской довоенной экономики и о темпах ее индустриализации и роста благосостояния,¹⁵⁹ но сомнений в том, что она не была самодостаточной, нет. Тяжелейший

внешнеторговый дисбаланс, вызванный одновременной утратой основного партнера — Германии¹⁶⁰ — и основного канала экспорта-импорта — через черноморские и балтийские порты, дополнялся и принципиальной критической зависимостью от поставок из-за рубежа ряда имеющих инфраструктурное и оборонное значение товаров. Отступление и вдруг полученные русской Ставкой огромные полномочия обернулись миллионными потоками беженцев и эвакуированных. Но главным препятствием на пути к победе было полное нежелание большей части населения — от крестьян и казаков до духовенства и буржуазии — осознать, что Россия ведет не просто крупную, а решающую судьбы не только ее, но и всего мира на столетие вперед войну. Таким образом, носителями патриотической тревоги являлись лишь интеллигенция, чиновничество и часть дворянства, чего для общенациональных сверхусилий было явно маловато. Не вдаваясь в хорошо изученные, прекрасно проиллюстрированные статистикой и мемуарными свидетельствами изъятия и беды российского тыла и экономики в целом,¹⁶¹ следует признать, что общее положение России было (в сравнении с прочими странами) отнюдь не безнадежным и далеко не беспрецедентным. По-видимому, весьма легкомысленное отношение, причем чуть ли не у всех категорий населения, к назревающему кризису и гарантировало неспособность перейти к столь эффективному в нашей стране чрезвычайному образу действий. Отсутствие ощущения национальной катастрофы, аналогичной, например, 1812 г., обуславливало нежелание менять модели поведения, ограничиваясь лишь извлечением сильной пользы из конъюнктуры. Последнее распространялось на все явления военной поры как в тылу, так и на фронте — от тотальной коррупции на военных поставках до искусственной дороговизны и массовых сдач в плен, чтобы не пропустить «делег земли сразу после войны».

Итоги кампании 1915 г. для Центральных держав выглядели блестящими, особенно с учетом всего набора критических для них моментов, иной исход которых гарантировал быстрое поражение. Победы 1915 г. — громкие, поистине масштабные — и не позволили Антанте реализовать свое очевидное преимущество в потенциале, а потому война затянулась еще на не-

сколько лет. Германия могла записать себе в актив ликвидацию угрозы русского вторжения на свою территорию на неопределенно долгий срок. Была захвачена значительная территория, которая могла быть (и была!) использована для поставок сырья и продовольствия, отсрочив ужесточение карточной системы распределения. Установившаяся линия фронта на Русском театре военных действий была почти оптимальной и в любом случае куда более короткой, чем годом ранее. Германские позиции на всем ее протяжении (не считая участка Риги) опирались на важные железнодорожные узлы, включая Барановичи, где ранее была русская Ставка, что давало возможность маневрировать резервами и лишало подобного преимущества русское командование. Попытки наступления Антанты на Западе были отражены куда легче, чем ожидалось, и почти без территориальных потерь, которые были вызваны лишь недостатком резервов для контрудара.

Продолжалось развитие германской военной экономики, которая сумела избежать сырьевого коллапса из-за экономической блокады за счет новых технологий сбережения ресурсов и синтеза. Несмотря на громадные расходы материальных и людских резервов в наступлениях на Русском фронте (пока) удалось не допустить перебоев ни с поставками амуниции всех видов, ни с выделением пополнений. Формировались даже новые соединения, поступательно развивались все рода войск. К концу кампании германская Ставка могла полагать, что угроза вывода из войны главного союзника — Австро-Венгрии — ликвидирована полностью, отвоевание почти всей Галиции, стабилизация Итальянского фронта и разгром Сербии казались достаточными для того, чтобы предоставить двуединой монархии впредь решать все свои проблемы без выделения ей германских дивизий. Это было тем более желательно, что, по мере укрепления положения Австро-Венгрии, она (в лице фактического главнокомандующего Конрада фон Гётцендорфа) стала все упорнее стремиться к восстановлению полной самостоятельности в военно-политических вопросах, что сразу же привело к резкому конфликту между союзниками.

Лишь немного припозднились и «новогодние подарки» к кампании 1915 г. — эвакуация Антанты из Дарданелл 9 янва-

ря 1916 г. и капитуляция Черногории (но не Сербии). Это было важнейшей психологической победой и для Османской империи, и для Австро-Венгрии, и для Германии. Опаснейшая перспектива вывода из войны Порты тем самым также была снята, остальные турецкие фронты представлялись германскому ОХЛ стабильными в том смысле, что события ни на одном из них не угрожали младотурецкому правительству так же, как бои у самого Константинополя.¹⁶² Капитуляция Черногории после катастрофической эвакуации сербской армии и сербского народа на о. Корфу означала долгожданный, хотя и несопоставимый с амбициями Австро-Венгрии ее триумф над южным славянством, которое и дало повод к игре ва-банк летом 1914 г.

Дунайская монархия к концу 1915 г. оказалась в положении, о котором вряд ли могла даже мечтать еще за полгода до этого. Почти вся ее территория была освобождена от противника. Русские удержали за собой лишь небольшую часть Восточной Галиции, зато у австрийцев теперь было Люблинское генерал-губернаторство на захваченных землях. Кровавопролитные бои на реке Стрыпе в декабре доказывали, что прорвать фронт русская армия более не способна, поэтому даже при ожидаемом ослаблении германской поддержки крупных проблем на Северо-Восточном фронте можно было не ждать. Разгром Сербии, несмотря на отчаянные усилия России помочь ей поставками оружия и действия русской Дунайской флотилии,¹⁶³ отрезвляюще подействовал на Румынию, захваченные трофеи позволяли наконец затушевать дважды проигранные в 1914 г. сражения за Белград. Хотя в Вене и Будапеште прекрасно знали, как сложен балканский узел взаимоотношений, как опасна взаимная месть народов, тем не менее, там планировали извлечь выгоду из балансирования между различными интересами. Салоникский фронт и тем более высадка итальянцев в Албании опасений не внушали. Перспективу перехода Греции на сторону Центральных держав в связи с бесцеремонным вторжением Антанты на ее территорию никто не отменял. Блокада у Отранто адриатической акватории в положении и до того почти отрезанной от мировой торговли двуединой монархии меняла не слишком много. Итальянский флот оказался неприятным, но не роковым фактором в расстановке сил на море. Страх перед масштабным

итальянским вторжением и быстрым выходом старого врага чуть ли не к Зальцбургу и Загребу оказался преувеличенным. Фронт в Альпах был стабилизирован быстро и без особенных территориальных потерь. Он требовал многих сил, но не угрожал напрямую ни одному из жизненно важных центров Дунайской монархии.

Однако для Центральных держав были и не столь очевидные, но в перспективе грозные признаки отсроченной, но не отмененной катастрофы. Позитивных стратегических результатов, то есть вывода из войны хотя бы одного крупного противника, достигнуто не было. Соотношение сил между коалициями продолжало меняться не в их пользу. При всех неудачах Италии она, очевидно, была мощнее, нежели пополнившая ряды германских союзников Болгария. Отношение прочих нейтралов (за исключением, возможно, Румынии) к Центральным державам в течение 1915 г. скорее ухудшилось, а потому новых союзников ожидать не приходилось (что и подтвердилось впоследствии). За сохранение хотя бы напряженного нейтралитета, в первую очередь США, приходилось платить болезненными уступками, а именно прекращением неплохо начавшейся подводной войны в Атлантике. С учетом полного провала довоенных расчетов относительно войны на море против британского флота отказ от беспощадных действий субмарин означал тяжелое поражение, что прекрасно понимал создатель германского надводного флота гросс-адмирал Тирпиц, вскоре заплативший отставкой за свое нежелание с этим смириться.¹⁶⁴ Тотального восстания против колонизаторов ни в британских, ни во французских колониях не состоялось, джихада, объявленного халифом суннитов, то есть турецким султаном, — тоже. Несмотря на все усилия по дестабилизации обстановки в Российской империи, реальной перспективы мощных сепаратистских восстаний и социальной революции к началу 1916 г. не было.

В кампании 1915 г. Центральные державы понесли (несмотря на громкие победы) немалые потери. Не было сомнений в том, что в начале 1916 г. перспективы формирования новых резервов и существенного наращивания вооруженных сил стали куда хуже, чем годом ранее.¹⁶⁵ Об исчерпании мобилизационного потенциала пока речи не было, однако качество полков

и дивизий неуклонно снижалось. Все острее давал себя чувствовать недостаток подготовленного офицерского состава. Стабильно тяжелой (в лучшем случае) оставалась обстановка со снабжением продовольствием. Впечатляющий рывок в развитии военной промышленности в Австро-Венгрии можно было считать оконченным, хотя потребности росли. В Османской империи и Болгарии для него не было оснований, а Германия все чаще должна была рассчитывать на неперемное условие помощи всем своим союзникам, причем не только материальной, но и высокотехнологической — оборудованием и специалистами. Оптимистическая оценка итогов кампании привела к тому, что крутые меры в реорганизации экономики и тем более структуры управления на военный лад в Германии были сочтены излишними и рискованными. К лаврам военного диктатора Фалькенгайн не стремился, справедливо полагая, что попытка дальнейшей милитаризации приведет к быстрому краху прежней политической системы и установившегося было «гражданского мира». Австро-Венгрия продолжала существовать как единое государство только благодаря личности престарелого Франца-Иосифа. Совместные лишения, поражения и победы не сплотили разношерстную армию «лоскутной империи», а наоборот, дали повод к взаимным обвинениям, травле, возмущению и поискам других собратьев. Венгры тяготели к немцам, чехи и южные славяне, прекрасно воевавшие за Австро-Венгрию на Итальянском фронте, подвергались огульным обвинениям в предательстве, с пренебрежением относился генералитет к готовым воевать плечом к плечу с титульными нациями полякам и украинцам и т. д. и т. п. Даже после войны продолжались попытки оценить уровень патриотизма, считавшегося прямо пропорциональным доле убитых на войне на 1000 человек.¹⁶⁶ Болгария к началу 1916 г. уже могла убедиться в том, что война в очередной раз оказалась куда сложнее, чем предполагалось, однако времени на то, чтобы излечиться от шовинистического угара, у нее не было. Истинный уровень боеспособности и перспективы османской армии после победной кампании 1915 г. был продемонстрирован всего через месяц после шумно отпразднованного триумфа в Дарданеллах — пал неприступный Эрзерум.

Но главное, что было упущено Германией и всеми ее сателлитами, — время. Англо-французские войска отнюдь не пребывали в бездействии 1915 год, как с негодованием полагали в русской армии, однако же накоплению ресурсов и перевооружению армии они придавали куда большее значение, чем порывам вперед. Несколько кровавых уроков, преподанных им германской обороной, привели к убеждению, что наступление должно опираться на безусловное превосходство в силах, чему и посвятили себя Великобритания и Франция. При этом определенную поддержку, пусть и не стремясь к этому намеренно, Русскому фронту союзники России оказали. Фалькенгайн, считавший, что очередной штурм всеми силами германских позиций в Шампани и Фландрии последует непременно, месяцами экономил резервы, не желая авантюрно бросать все новые подкрепления даже на самые перспективные участки фронта на востоке. Глава германской Ставки вполне логично ожидал яростного стремления французов отвоевать хотя бы часть потерянного годом ранее, очевидных попыток оттянуть на себя часть сил, раз уж Российская империя терпит такие поражения. Тем не менее, его расчеты в полной мере не оправдались, так как в них не учитывались следствия совершенно иного стратегического положения западных стран, особенно отделенной от канонады Ла-Маншем Великобритании. Постоянные опасения Фалькенгайна,¹⁶⁷ его перестраховки и стремление накопить резервы, его неверие в необходимость глубокого вторжения на российские территории (вполне оправданное!), его постоянное стремление минимизировать риск одновременно на всех театрах военных действий по принципу «Не жертвуй необходимым ради излишнего» привели к резким конфликтам с представителями как германской, так и австро-венгерской военной элиты. Следствием этих конфликтов уже после проигранной (отнюдь не под командованием Фалькенгайна) войны стали многочисленные обвинения в упущенных возможностях,¹⁶⁸ а также внешне благоприятном, но далеко не позитивном в конечном счете результате кампании 1915 г. Разумеется, Великобритании и Франции приходилось мириться с существенным уроном репутации, недовольством России и других «неспасенных» союзников (Сербии и Черногории), с негодова-

нием общества, особенно французского, но оставалась еще надежда на будущий сокрушительный удар силами создаваемой массовой британской армии и контингентами из колоний и доминионов.

Англо-французские войска не сумели выиграть войну эффективным ударом в сердце Османской империи, не избавили от национальной катастрофы Сербию, лишь с трудом выиграли торг за руководствовавшуюся «священным эгоизмом» Италию, но положение самих основателей Антанты за 1915 г. нисколько не ухудшилось. Они методично наращивали оборонную мощь, закупали недостающее вооружение, перераспределяли поставки и финансы, приводили в движение силы своих огромных колониальных империй, добывали остатки германских рейдеров и завершали захват колоний. Конечно, оснований для тревоги было предостаточно, однако к началу 1916 г. катастрофы не произошло: мировая торговля и ресурсы всего мира были в распоряжении Англии, Франции, Японии. Германия была окончательно поставлена в кольцо фронтов, отдушин во внешний мир более не осталось. Россия, так же как и Франция в первые месяцы войны, лишилась многих важных территорий, понесла громадные потери, но из войны не вышла и не собиралась. Ряд многообещающих возможностей был упущен, многие исходные позиции потеряны, но никуда не делись воля к победе и благоприятные тенденции. В Англии формировалась невиданная в ее истории армия, во Франции ликвидировали ошибки довоенного развития вооруженных сил, в России на конкретном опыте убедились в наиболее острых проблемах экономики и военного аппарата.

Оформившийся к концу 1915 г. Четверной союз вполне можно сравнить с квартетом из крыловской басни, причем не только из-за многочисленных сталкивающихся интересов, а из-за балансирования на грани открытой вражды — например, между Болгарией и Турцией. Роковым образом давала о себе знать разная логика восприятия Великой войны, разные масштабы целей и возможностей, а также продиктованная этим и личными особенностями военных лидеров стратегия действий. Фалькенгайн и его немногочисленные единомышленники вели войну в рамках серии реально достижимых локальных успе-

хов, как правило, оперативного уровня. Этим война для Германии переводилась в инерционный сценарий, что в конечном счете должно было привести ее к поражению. Это понимали оппоненты Фалькенгайна, требовавшие рискованных и радикальных действий, в свою очередь, в отличие от тогдашнего главы ОХЛ, не желая видеть необратимых последствий таких резких поворотов. Фалькенгайн мог лишь оттянуть поражение Германии, а всю безнадежность ее стратегического положения он с трудом скрывал даже от самого себя, его будущий преемник Людендорф был намерен рискнуть всем и победить, хотя вероятность такого исхода была куда меньше, чем вариант сокрушительного разгрома, причем с течением времени шансы уменьшались. Это и было впоследствии поставлено в вину Фалькенгайну не раскаявшимся в своей неправоте Людендорфом. Несмотря на все эти разногласия в манере действий, было очевидно, что Германия ведет глобальную геополитическую войну, чего нельзя было сказать о ее союзниках.

Австро-Венгрия после разочарований и даже позора кампании 1914 г. постепенно склонялась к готовности добиваться успехов любого масштаба, даже необязательных, даже купленных ценой напрасной траты сил. Ни о какой цели, кроме сохранения довоенного status quo не могло быть и речи, но признаться в этом открыто в 1915 г. еще не посмели, да и победы на всех фронтах, казалось, этого и не требуют. Это не отменяло определенного стремления урвать свое при немедленно начавшемся переделе Польши, не избавляло от вызванного соображениями престижа стремления окончательно выйти на довоенные границы, на что собственных сил не хватало, а Фалькенгайн выделять подкрепления не желал. Идти на компромисс территориальных уступок России в Вене и Будапеште не желали, понимая, что это станет прецедентом раздела двуединой монархии и компромиссов между Германией и ее противниками, в первую очередь Россией, исключительно за их счет. Простая цель избежать развала страны исключала позитивные стратегические цели. Инерционный сценарий, аналогичный идеалу Фалькенгайна, для Австро-Венгрии был лучшим из возможных, позволял надеяться на минимум территориальных потерь по условиям будущего мира, однако для него, в отличие от Германии, у дву-

единой монархии не было ни сил, ни устойчивости. Фактически «лоскутная империя» оставалась «в игре» до еще одного стратегического поражения.

Османская империя находилась изначально в безвыходном положении, а потому могла лишь подороже продать свои владения, надеясь на более благоприятные условия германского протектората в будущем. Она продемонстрировала никем не ожидавшуюся жизнеспособность, однако это было отчаяние загнанного в угол. Надо отдать должное младотуркам, сумевшим на этапе «торговли» в августе-октябре 1914 г. извлечь некоторые плюсы из нейтралитета, однако после вступления в войну для Османской империи начался обратный отсчет. В отличие от Австро-Венгрии, турецкие лидеры позволили себе избрать радикальный вариант борьбы с нелояльными этноконфессиональными группами, однако опыт показал, что это не может решить проблему, а лишь отменяет вариант будущего компромисса. То, что Османская империя пережила кампанию 1915 г., было для нее огромным успехом, но общий результат означал в лучшем случае возвращение к стратегической обстановке марта 1915 г.

Болгария не имела и не могла иметь никаких интересов в затяжном конфликте, для нее Великая война могла быть анти-сербской, антирумынской, антигреческой или антитурецкой, а желательно с австро-германской помощью против всех одновременно. То есть помимо реванша за 2-ю Балканскую войну других горизонтов планирования у царя Болгарии Фердинанда не имелось. В этой ситуации любые стратегические расчеты Германии, игра ва-банк Турции или стремление очередной раз консервировать расклад сил Австро-Венгрии попросту находились на ином уровне восприятия действительности. Достигнув хотя бы некоторых из желаемых целей и, как тогда казалось, сравнительно дешево, Болгария к началу 1916 г. оказалась в состоянии войны, в которой она более совершенно не нуждалась. При этом условия и момент ее нападения на Сербию означали, что соглашения не будет, а географическое положение, принципиальная важность Софии как станции на пути Берлин — Багдад означали, что Болгария сама обрекла себя на войну до конца, хотя выиграть в ней более ничего не удастся, а проиграть можно все.

Сложно однозначно судить о том, насколько военно-политическое руководство России могло оценить обстановку с точки зрения каждого из своих противников. Конечно, дело отнюдь не в недостаточной компетентности стратегов или бездарности политиков, хотя в историографии Великой войны немало самых уничижительных оценок и тех, и других. Нет оснований и превозносить отдельные, весьма здравые стратегические проекты, высказывавшиеся, например, М. В. Алексеевым. При всей их интеллектуальной ценности, в них недостаточно учитывалось главное, то есть нетеоретическая возможность их воплощения, которая не сводится к подсчету пушек, корпусов и рублей, а должна базироваться на более комплексном анализе дееспособности военного и управленческого аппарата своей же страны. Сказывались, разумеется, и тяжелейший психологический эффект от проигранной кампании, проявившийся в националистической истерии, взрыве недоверия к информационным кампаниям. К концу года дали себя знать и вполне соответствующие русскому менталитету эмоциональные мотивы, побуждавшие к отчаянным попыткам спасти Сербию, не восстановив боеспособность армии. Особенности политической этики Николая II отразились в упорном нежелании переформулировать официальную позицию по «освободительным» целям войны, что сделало бы менее бескомпромиссным противостояние с Австро-Венгрией и Османской Турцией.

Вероятно, тот факт, что в 1915-м так и не сыграла вторая «ставка» Германии — вывод из войны России, как не сыграла годом ранее первая, то есть вывод из войны Франции, — нельзя объявить стратегической победой Антанты. Однако и такого стратегического итога вполне достаточно для того, чтобы компенсировать им все неудачи стран Согласия и свести баланс 1915 г. к боевой, в полном смысле этого слова, к стратегической ничьей.

Глава 3

ПЕРЕЛОМ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ: КАМПАНИЯ 1916 г.

Тревожные признаки будущего социального коллапса: общее и частное

Война радикально меняет и одновременно делает более контрастными те черты в стереотипах, которые получили хотя бы относительное подтверждение на практике. Характерная черта эволюции образа врага во время Первой мировой войны, когда под влиянием шовинистической пропаганды вчерашние соседи по Европе превращались в глубоко чуждых, цивилизационно враждебных, обреченных на взаимное уничтожение людей, не так резко проявилась во взаимном восприятии русских и немцев. Поиск и рефлексия по поводу русско-немецкого сходства, общей судьбы, геополитической близости остались уделом интеллектуалов, творческих людей и незначительного числа офицеров — сторонников войны, главным образом, против Великобритании за владычество на морях. Попытка со стороны либералов развязать всеобъемлющую открыто русофобскую кампанию в прессе провалилась из-за неприятия консерваторов, которые полагали, что нагнетание вражды по отношению к России и русским является частью принципиально ложного курса на поиск соглашения с Англией, невозможного в принципе, что, с точки зрения пропаганды, ведет к усилению социал-демократии внутри страны.¹ Старая дилемма о том, следует Германии бороться за господство на морях или сконцентрироваться на колонизации Европы и Востока, в военных условиях превратилась в постоянные поиски и выбор «главного врага»,

сомнения — считать ли им Россию или Великобританию. При этом в левых политических кругах было иное мнение: будущий глава КПГ К. Либкнехт уже в 1915 г. заявил, что главный враг — внутри страны.

На фронте единого представления о противнике и быть не могло, у военной элиты он всегда сильно отличается по своим составляющим от того, что возник у солдат и унтер-офицеров. Значительная примесь бытовых аспектов восприятия и соответствующей структуры контактов с местным населением,² характерная для нижних чинов и их видения «войны снизу», для военной элиты была неактуальна из-за иных возможностей, иного воспитания, регулярных командировок в тыл, визитов жен и даже детей в штабы, наконец, в силу возраста. В связи с этим, а также с профессиональным (в первую очередь) отношением к опыту взаимодействия, вопросы, более связанные с оценкой сил противника, а не его специфических черт, занимали основное место во взглядах генштабистов и генералитета. С военной точки зрения Россия и русская армия в первые годы войны оставались недооценены германской военной элитой.³ Сказывалась трубившая о неслыханных (а потому легких) победах пропаганда. Этот миф долго держался даже несмотря на то, что до 1916 г. потери на Русском фронте были почти на четверть больше,⁴ чем на Западном. Австро-венгерский генералитет после кампании 1915 г. было приободрился, но тяжелое поражение на Волыни и прошлый опыт все же никаких оснований для пренебрежения к противнику ему не давали. Война против России для Центральных держав, особенно для австро-венгерской армии, где тяжесть столкновения с российскими войсками были склонны даже переоценивать,⁵ была намного кровавее, чем против Великобритании и Франции. В плен в германской армии попадали довольно редко, но поток раненых и больных только нарастал. Пленных же из австро-венгерской армии было достаточно для того, чтобы явное превосходство чувствовала уже на этот раз русская армия, а особенно ее офицерство.

Довоенная намеренная однозначность в планировании войны против России, уверенность в собственном профессиональном превосходстве провоцировали военных рассматривать войну против России с обобщенных позиций, так как частности

оперативно-тактических действий казались улаженными. Конечно, германские генералы признавали мужество, упорство и готовность русского солдата и офицера идти в бой даже в безнадежной ситуации.⁶ Журналы для офицеров подчеркивали способность русской армии в целом быстро оправляться от поражений,⁷ которые из-за преувеличения их масштабов официальной пропагандой казались немцам просто катастрофическими. Конечно, такое отношение складывалось из противоречивых оценок, так как части как русской, так и германской армии были достаточно разными по боевым качествам, в т. ч. встречались и откровенно позорные сцены массовой сдачи в плен, особенно со стороны русских второочередных частей.⁸ Офицерский корпус противника считался в полной мере подверженным всем особенностям русского национального характера, как его понимали немецкие военные.⁹ Однако, кроме высокомерного признания личного мужества и неприхотливости врага на низших уровнях иерархии, к анализу и тем более оценке профессионального уровня российских командующих немецкая военная элита обращалась редко. До откровенного пренебрежения почти никогда не доходило,¹⁰ наоборот, отдавалось должное «смелости» некоторых русских оперативных замыслов,¹¹ но только для того, чтобы подчеркнуть, в какой сложной ситуации была одержана очередная победа над противником и насколько тяжелые потери были ему нанесены.¹² В какой-то степени одобрение русского стиля оперативного планирования было связано с тем, что оно во многом походило на германские образцы решительностью и масштабом задач, доходя едва ли не до верденских размеров. С большим уважением генштабисты и Обер-Ост относились к первому русскому Верховному главнокомандующему в этой войне — великому князю Николаю Николаевичу, с которым тот же П. фон Гинденбург был знаком лично.¹³ Более того, позднее германские генштабисты даже сожалели о том, что ОХЛ не сделало для себя выводов из действий русского командования, например, планируя наступления 1918 г. как попытку превратить тактический успех в нечто большее, следовало вспомнить о судьбе Брусиловского наступления.¹⁴

Высоко ценились боевые качества русского солдата, особенно его упорство в обороне, и это при большой уязвимо-

сти соединений русских армий для грамотных тактических действий.¹⁵ С большим уважением относились к сибирским частям, а также к артиллерии, считавшейся лучшим родом войск в русской армии, признавался высокий уровень действий русской армии в т. н. «малой войне».¹⁶ Так же как и до войны, германских офицеров поражало полное отсутствие инициативы и низкая мобильность русского командования разных уровней.¹⁷ Наиболее слабым элементом считались командиры среднего и высшего звена,¹⁸ что совпадает с послевоенными оценками русской армии отечественными специалистами. Мнения относительно возможности окончательно разгромить Россию разделились, так как после эйфории Танненберга русские войска несколько раз неприятно удивляли противника, а Г. фон Сект, оказавшись в 1916 г. начальником штаба потерпевшей поражение австрийской группы армий эрцгерцога Карла,¹⁹ полагал, что русские солдаты воюют даже лучше, чем он ожидал. Однако, даже после войны Г. Куль, воевавший, правда, на Западном фронте, утверждал, что возможно было добиться решающей победы над Россией в результате военных действий в 1915 или 1916 г.²⁰ Со временем появилась и иная точка зрения, созвучная довоенному русофильству, проникнутая уважением к мощи и возможностям русской армии. В 1916 г. пленному русскому генералу его германский коллега говорил: «Я уважаю русский народ. Эта война — несчастье для вас и для нас; будучи союзниками, мы покорили бы весь мир».²¹ Наличие и русофобии, и русофилии в профессиональной среде только показывало, что единой, продуманной стратегии в войне против России нет.²² Все крупные успехи были связаны с развитием оперативного искусства, которое, однако, ни при каких триумфах не сможет заменить собой *grand strategy*. Именно это Германия и познала на своем печальном опыте по итогам Великой войны не только на Восточном, но и на Западном фронте. Победные фанфары, раздававшиеся после Танненберга и Мазурских озер и только подогреваемые официальными кругами на фоне неудач на Марне и Эне, быстро приутихли на фоне неутешительной «заминки» с ожидавшимся взятием Парижа и после неудачи под Варшавой в октябре 1914 г. Тогда впервые выяснилось, что филигранные переброски и безукоризненное

снабжение на Востоке возможны только при боях на немецкой территории.²³

Если в начале войны еще встречалось убеждение, что против восточного колосса ведется превентивная, оборонительная по сути война, а общая стратегическая задача Германии — надолго ослабить своих враждебных соседей,²⁴ то после кампании 1915 г. верхушка Кайзеррейха расширила горизонты планирования и приняла на себя миссию конструирования нового облика Восточной Европы. Теперь все чаще в Берлине (но не в Вене) задумывались о дальнейших наступлениях, взятии Киева и Одессы, на котором настаивал, например, влиятельнейший германский магнат и близкий друг кайзера А. Баллин.²⁵ Помыслы военных сосредоточились на разработке такой системы границ на Востоке, которая бы одновременно обеспечивала безопасность жизненно важных для Германии провинций и была относительно сбалансирована.²⁶ Помимо определения границ будущей германской сферы влияния Обер Ост быстро занялся администрированием захваченных областей, что можно воспринимать как широкомасштабный эксперимент в рамках подготовки глобального переустройства Европы, известного под названием концепции Срединной Европы, активно обсуждавшейся не только аннексионистами, но и мыслителями Второго рейха.²⁷ В. Ратенау, который стремился к долгосрочному экономическому стратегированию, в ноябре 1915 г. совершил поездку в западные губернии Российской империи. Он обсуждал с Бетман-Гольвегом и Э. Фалькенгайном возможные пути выхода из войны с Россией и вел активную переписку с Э. Людендорфом, правильно угадывая в нем в будущем наиболее могущественного военного деятеля Германской империи и действительно командира германских армий на Востоке.²⁸ Уже в августе 1915 г. Ратенау в своем письме канцлеру, а затем в меморандуме Людендорфу доказывал, что «антирусских интересов мы не имеем», «Россия — наше поле деятельности в будущем... она нуждается в финансовой мощи, которой для нее уже не будет Франция и не должна ею стать Англия, поэтому мы должны финансировать ее, защитив таким образом от Англии», отсюда делался вывод, обратный надеждам генералитета на Востоке: сепаратный мир должен быть заключен на Западе путем раз-

грома Франции,²⁹ а в России сепаратный мир невозможен, пока на престоле царь и пока не побеждена ненависть ко всему немецкому.³⁰ Дальнейшая аргументация носила крайне циничный и высокомерный характер, сводясь к идее протектората над подчиненной в финансово-экономическом плане Российской империей.³¹

Военные Центральных держав, непосредственно столкнувшиеся с размерами Российской империи, ее сложным этническим обликом,³² глубокой дифференциацией ее регионов по уровню экономического развития, разностью исторических судеб, должны были существенно уточнить свои представления о возможном развитии российско-германских взаимоотношений. Фалькенгайн, который представлял себе куда более «сложную и суровую реальность, нежели это было допустимо в рамках германской военной этики»,³³ был не готов к однозначной оценке слабости и неустойчивости Российской империи. Глава второго ОХЛ по итогам кампании 1915 г. в ходе острой полемики с дуумвиратом пришел к выводу о том, что «поставить на колени Россию не удастся... или это ничего не решит», тем самым подтверждая свою концепцию о том, что компромиссный мир с Россией выгоднее ее разгрома и расчленения.³⁴ С ним были согласны и офицеры Генштаба, например М. Бауэр, который по опыту Наполеона считал, что все успехи только удлинители коммуникационные линии, но не приблизили победу.³⁵ Военным приходилось отбиваться от досужих пропагандистских домыслов Каппа, утверждавшего, что при теперешнем состоянии дорог и наличии железнодорожного сообщения наступать вглубь России куда легче, чем в наполеоновское время.³⁶

С течением войны на фоне эмоциональных оценок сложились более взвешенные, аргументированные версии причин русско-германского противостояния, которые, однако, были построены с той же целью, что и карикатурные пропагандистские образы. Неизбежность и закономерность войны между славянским и германским миром все чаще заменялась на непереносимое соперничество Германии и России по геополитическим причинам. В известной степени, рассматривая возможную долгосрочную стратегию русских политиков, немецкие аналитики

исходили из идей, высказанных «германофилом» А. Вандамом в 1913 г. в его книге «Величайшее из искусств», которая была переиздана уже в Германии в 1916 г. Автор утверждал, что Германия «поздно начала свою жизнь великой державы» и «сразу очутилась в трагическом положении»,³⁷ так как геополитически обязана воевать либо с англосаксами, либо с русскими. В Великой войне немцы воевали и с теми, и с другими, что отнюдь не отменяло общего положения о неизбежности войны. Естественно, что если военные аналитики страны-противника высказывают мысль о конфликте с высокой степенью вероятности еще до войны, то вполне возможно лишний раз опровергнуть в глазах собственного народа обвинение в ее начале. Военная элита в ходе войны продемонстрировала большую устойчивость к пропагандистским штампам и различным приемам разжигания межнациональной и религиозной розни, почти не реагируя на призывы расистского или конфессионального³⁸ характера к беспощадной войне. Более того, и русские, и германские офицеры Генштаба задумывались о войнах будущего, в которых великим державам вновь придется столкнуться, при этом русские офицеры полагали, что следующая война будет против ненавидимых союзников — англичан и, безусловно, против союзных же японцев.³⁹

Огромные потери русской армии, которые позволяли немцам с жалостью смотреть на русских солдат, не осознающих цели войны и потому умирающих бесполезно, были вызваны вовсе не бесчеловечностью младших офицеров или командования и даже не нереальностью поставленных боевых задач. Безусловно, были случаи откровенной безответственности, паники, халатности и равнодушия среди русского генералитета по отношению к простым солдатам, однако огромные потери объяснялись по большей части неготовностью большинства русских высших офицеров к масштабам войны. Они оказались не в состоянии технически правильно применять огромные массы войск, организовывать взаимодействие между ними, налаживать дисциплину в выстроенной иерархии воинских частей (полк-дивизия-корпус-армия). Постоянно жалуясь на нехватку солдат в боевой линии, генералитет, как правило, абсолютно не желал задумываться над оптимальным использованием уже

отмобилизованных резервов, поэтому процент не участвующих в боевых действиях солдат в русской армии даже к весне 1917 г. приближался к 50 %, что дает цифру в несколько миллионов человек.⁴⁰ В германской армии подобного нерасчетливого отношения к войсковым единицам не было, наоборот, эффективность применения даже самых незначительных резервов была на высочайшем уровне, однако заведомо превосходящие силы врага привели еще Фалькенгайна к мысли сломить волю противника к сопротивлению путем нанесения ему огромных потерь. Так как немецкая пехота в силу высоких боевых качеств несла почти всегда меньшие потери, чем противник, то эта мысль выглядела оправданной, однако количество резервов противника оказалось слишком велико, а уровень качественного превосходства немецкой армии с каждым годом снижался, так как Антанта умела учиться на своих ошибках.

Облик огромного количества русских военнопленных, число которых только внутри Германии достигло к концу 1917 г. 1.2 миллиона человек,⁴¹ достаточно быстро продемонстрировал обывателям, далеким от фронтовых будней, «безусловное» превосходство кайзеровской армии над русскими дивизиями, что вызвало достаточно терпимое,⁴² хотя и абсолютно пренебрежительное отношение к русским солдатам.⁴³ Культивировалось даже лицемерное сочувствие к безграмотным русским солдатам, даже не понимающим, ради чего их насильно ведут на мировую бойню,⁴⁴ и к горькой судьбе храбрых русских командиров. Пропагандировалась мысль о цивилизирующем влиянии плена на немых обитателей русской глубинки.⁴⁵ Частым было убеждение в том, что русские совершенно не осознают смысла мирового конфликта, в отличие от важнейшего судьбоносного значения его для Германии и немцев.⁴⁶ Однако это не мешало немцам проводить различные репрессии, в том числе задевающие достоинство офицеров (временный запрет на ношение погон, кокард и орденов) в отношении военнопленных в ответ на аналогичные акции с российской стороны⁴⁷ или иницилируя новую волну преследований.⁴⁸ В России, но еще более в Германии (причем официально, без коррупционных сделок) уже к началу 1916 г. труд военнопленных активно использовался не только государством,⁴⁹ но и частными лицами, например помещика-

ми.⁵⁰ Использование летом 1915 г. русских солдат на постройке оборонительных укреплений в Эльзасе привело к массовому бегству через линию фронта, так как лучше всего в Германии относились к представителям проклинаемой Англии, а не к неграмотным и не знающим, за что воюют, русским, которые тем не менее, совершенно не зная языка, в отличие от сотоварищей по несчастью, стали лидерами по количеству побегов в любые сопредельные страны и через линию фронта — всего до 250 тысяч бежавших, в том числе 2 генерала. Это не помешало впоследствии, после Февральской революции, активистам левых движений пропагандировать уважение к политической воле русских, которые первыми сбросили ненужного монарха.

Огромное различие в языке, вероисповедании, внешнем облике пленных, набранных из разных уголков огромной Российской империи, заставляло, с одной стороны, лишний раз гордиться, насколько большая страна была не раз побеждена на поле боя, а с другой — стимулировало немецкий интерес к сложной этнорелигиозной обстановке в России.⁵¹ Впоследствии германский Генштаб попытался использовать ее особенности, заигрывая с различными националистическими группировками.⁵² До Великой войны Россия, хотя и считалась полуазиатской страной, совершенно не имела образа полиэтничной,⁵³ скроенной из разных национально-религиозных кусков державы. Образ относительно монолитной России у германских военных был быстро разрушен.⁵⁴ Ради поддержания мифа о варварстве и дикости русских войск преувеличивалось значение и количество лиц монголоидной расы (любимый персонаж германских карикатур в ходе обеих мировых войн) в армии Российской империи, отождествляемых с монголами Чингисхана.

В Германии, захватившей сотни тысяч пленных, оживились исследования по этнографии, лингвистике, экономической географии. Их успех основывался частично на открывшихся вновь прекрасных возможностях по обработке получаемого в беседах с военнопленными материала без выезда в далекие экспедиции. Однако не менее важным фактором интереса к пленным была работа в целях пропаганды и формирования антироссийских настроений у представителей национальных и религиозных

меньшинств.⁵⁵ Немцы попытались превратить лагеря военнопленных в «лабораторию по сравнительной антропологии, построению иерархии и дифференциации народов Европы».⁵⁶ Например, блестящий немецкий лингвист Г. Якобсон активно контактировал с военнопленными из Российской империи, изучая языки Восточной и Северной Европы для своих исследований по индоевропеистике. Однако, несмотря на то что солдаты русской армии, в отличие от офицеров, охотно давали показания, действительно ценной информации военного или политического характера от них было немного. С другой стороны, и военные администрации лагерей, особенно прусское военное министерство, были слишком озабочены хозяйственными и дисциплинарными вопросами, чтобы заняться организацией масштабных исследований и обработкой их результатов в военных целях, хотя «материал» сам шел в руки — в прямом и переносном смысле.

Игра на время: кому выгоден позиционный тупик на фронте?

На волне конфликта между Ставкой во главе с Фалькенгайном и Обер Остом в 1914—1915 гг. последовали скандалы и разочарования из-за недостаточной, по мнению офицеров и генералов на Востоке, оценки военным кабинетом их свершений.⁵⁷ Для более плотного контроля за действиями на Востоке Полевой Генштаб даже отделился от Ставки, переехав в Плесс в мае 1915—феврале 1916 г., а также в августе-сентябре 1916 г.,⁵⁸ в то время как кайзер оставался на Западе.

По мнению главы ОХЛ, русских достаточно было только серьезно измотать, но предсказать и спланировать необходимые для должного «изматывания» огромной страны действия было невозможно.⁵⁹ Предполагались косметические изменения в начертании границ и некоторые репарации, однако ни о каких широких аннексиях Фалькенгайн, требуя мира с Россией в июне 1915 г.,⁶⁰ и слышать не хотел и, отстаивая эту позицию, оказывал на Бетмана серьезное давление. Пауль фон Гинденбург после войны упорно делал вид, что всегда последователь-

но выступал за сокрушение русских армий и непоколебимо был уверен в допустимости только победного мира. Однако весной 1915 г., даже после широко разрекламированного успеха в Августовских лесах, именно он советовал канцлеру Бетману заключить мир с Россией, так как ему вряд ли удастся взять Варшаву и Вильну.⁶¹ М. Гофман был противником значительных территориальных приобретений на Востоке, вредных своим негерманским населением («поляков у нас достаточно»), полагал, что об остзейских провинциях мечтать бесполезно, так как «мы можем их так никогда и не завоевать»,⁶² даже в октябре 1916 г. он считал, что единственная возможность «договориться с Россией — решение Дарданелльского вопроса».⁶³ Б. Бюлов полагал необходимым возвращение России всех оккупированных территорий в Польше, а возможно, и уступки в Галиции, однако польская инициатива Центральных держав погубила такую возможность.⁶⁴ В мае 1916 г. от аннексии Курляндии, Литвы и Польши после выступления Бетмана в рейхстаге германские военные уже не могли отказаться, но планировалось предоставить России компенсации в Персии, Армении и Восточной Галиции (передвинуть границу до р. Серет), гарантировать ей благоприятный режим Проливов.

Несмотря на, казалось бы, вполне однозначные итоги кампании 1915 г., череда наступательных операций мая-сентября 1915 г. для германской, а тем более австро-венгерской армий легкой прогулкой вовсе не стала. Случались и тяжелые неудачи, многие надежды не оправдались, но главное — отнюдь не малыми были и потери. Русские войска проявили изрядную стойкость если не в бою, то по меньшей мере в перенесении тягот отступления, возводя все новые оборонительные позиции и раз за разом пытаясь остановить натиск австро-германских войск, что в конце концов и удалось, когда они окончательно выдохлись. Хотя Фалькенгайн мог полагать, что установившаяся линия фронта почти оптимальна с точки зрения минимизации ресурсов, необходимых для ее удержания в ходе решающей, как он рассчитывал, кампании 1916 г. на Западе, быстро выяснилось, что эти надежды несколько преувеличены. Проверка на прочность фронта казалась не только возможной, но и опасной там, где позиции могли подвергнуться концентри-

ческому натиску. Хотя Фалькенгайн на это не особенно рассчитывал, она последовала уже в марте 1916 г. у оз. Нарочь и под Якобштадтом. Кроме того, уверенность в непреодолимости германской обороны никак не могло компенсировать то, что за устойчивой линией фронта идет накопление русских резервов и восстановление измотанных прошлой осенью 1915 г. частей армии противника.

Итог в прямом смысле захлебнувшегося в грязи русского наступления под Нарочью в марте 1916 г. был столь неутешителен, что надежды Фалькенгайна, казалось, полностью оправдываются. Великолепно проявила себя в обороне германская артиллерия, руководимая одним из отцов современной артиллерийской тактики полковником Г. Брухмюллером, в дальнейшем получившим прозвища «Стальной Ветер»⁶⁵ и «Прорыв-Мюллер». Более того, необычайный скепсис воцарился и среди русского генералитета, большая часть которого полагала, что в ближайшую летнюю кампанию наступать фактически бесполезно. Контрудар немцев в апреле под Поставами, легко и быстро лишивших русские войска даже символических результатов наступления, только поддерживал удрученное настроение. Отражением этой неудачи стало создание еще одного лестного для России мифа, согласно которому предпринятое исключительно по мольбам французов наступление смогло сорвать переброски войск на Запад и заставило немцев прекратить атаки под Верденом аж на две недели! Это повторяемое даже в академических исследованиях утверждение является очередной «подгонкой под ответ». Хотя определенная тревога и некоторые перемены в расписании транспортировок германских войск действительно имели место, но это являлось следствием не успеха наступления, а скорее неожиданности его. Что же касается спасения на этот раз Вердена, то локальные кризисы далеко на Востоке на ход менявшейся в масштабах и целях прямо на ходу операции никакого влияния оказать не могли. Тот факт, что к середине марта 1916 г. Фалькенгайну приходилось задумываться о том, во что выльется уже начинающаяся позиционная бойня, и принимать решения о расширении фронта атак, их лучшей подготовке и маневрировании,⁶⁶ к событиям на озере Нарочь отношения не имеет. Сама эта операция долгое

время не достаивалась серьезного исследования, лишь усилия белорусских ученых смогли восполнить явный пробел в историографии.⁶⁷

На таком фоне вполне логичным было бы решение о наступлении летом на участке фронта, занимаемом австро-венгерскими войсками, так как германская оборона оказалась слишком крепкой, а результат от ее возможного прорыва не будет иметь стратегического значения. Однако реальность была совсем иной: главный удар должен был наноситься в летней кампании войсками Западного фронта, при поддержке его действиями на Северном и на Юго-Западном. Желаемым результатом представлялось хотя бы частичное освобождение Прибалтики, а также ряда железнодорожных узлов в Белоруссии — Лида, Лунинец, Барановичи, Пинск. Сроки наступления оставались дискуссионными, так как настояния французов постоянно встречались со скепсисом и обидой на союзников русского генералитета, развитие военной экономики, а также ход поставок вооружений, несмотря на некоторые успехи, оставлял желать лучшего или по меньшей мере требовал времени, чтобы это отразилось на материально-техническом оснащении армии. Не менее логичным казалось русской Ставке дожидаться и начала анонсированного генерального наступления созданной Г. Китченером новой огромной британской армии, начавшегося на Сомме 1 июля. Сам Китченер погиб в ходе поездки в Россию на крейсере «Хэмпшир» 5 июня 1916 г., и его смерть стала одним из претендентов на звание события, изменившего ход мировой истории, и не в лучшую для императорской России сторону. Однако и без разбора очередной теории заговора⁶⁸ следует констатировать, что надежды на этот раз не дать использовать себя союзникам провалились. В те дни в начале лета 1916 г. произошло, помимо гибели Китченера, несколько событий, означавших переход в новую стадию конфликта.

Крупнейшее за всю Великую войну Ютландское морское сражение 31 мая — 1 июня 1916 г.⁶⁹ закончилось так, что результаты его по достоинству могли оценить лишь немногие, хотя они оказались однозначными. Все попытки германской пропаганды сделать из этого победу (на основе статистики потерь) разбиваются о два обстоятельства:

1) большая часть сражения представляла собой умелое бегство кайзеровского флота,

2) больше ни на что подобное кайзер так и не решился (хотя попытки организовать такой поход и давление на него присутствовали).

Это означало стратегическую победу Великобритании, это был крах надежд на прорыв блокады и на изменение расстановки сил на море каким-либо иным путем, кроме неограниченной подводной войны. Решительный шаг к будущей резне на морях был сделан 9 января 1917 г., когда было решено начать неограниченную войну, однако основа ему была положена этим сражением в Северном море.

В начале июня Фалькенгайн был полностью поглощен событиями вокруг верденских фортов Дуомон и Во, причем последний крупный успех, одержанный германскими войсками, 7 июня захватившими Во, сыграл роковую роль в ходе сражения: это событие еще раз убедило Фалькенгайна в необходимости продолжения боев в операции, превратившейся в физическое истребление резервов противника. Он не только не собирался прерывать это кровопролитие, но и твердо решил придать ему максимально возможный масштаб.

В эти же дни получивший наконец возможность заняться разгромом Италии Конрад фон Гётцендорф добился-таки многообещающего успеха на фронте в Альпах, причем продвижение австрийцев грозило перечеркнуть даже те немногие успехи, которых добилась Италия за год. И тут же итальянский король обратился за помощью к царственному коллеге, так как других вариантов у него просто не было, а потому решили начать со вспомогательного и направленного именно против австро-венгерских войск удара. 4 июня 1916 г. состоялся тщательно подготовливаемый, но еще далеко не вполне разработанный удар по считавшимися неприступными (особенно самими австрийцами) позициям армии двуединой монархии.

Русское командование было достаточно решительно настроено на то, чтобы воспользоваться передышкой на фронте в не меньшей степени, чем это сделали союзники в 1915 г. Помимо просто накопления резервов, хотя бы минимального времени для их обучения, а также возможности всерьез заняться пере-

подготовкой офицерского состава и внедрением полученного за последние кампании опыта, такой выжидательный вариант позволял рассчитывать на пополнение резервов снарядов и вооружения, на хотя бы начало нового этапа в оснащении войск, а перспективы военных поставок в целом оценивались достаточно оптимистично. Русский генералитет надеялся на оживление поставок из-за рубежа, а русская буржуазия обещала существенно нарастить военное производство при условии щедрых государственных трат и дальнейших политических и организационных уступок. Большие надежды возлагались на развитие инфраструктуры, на поток военных грузов с Дальнего Востока, в особенности японских винтовок, а также некоторой доли американской продукции, а полного изменения ситуации ждали от союзных транспортов в Романов-на-Мурмане и Архангельск. Конечно, в полной мере эффект от них уже летом 1916 г. сказаться не мог, однако ситуация со снабжением оружием и боеприпасами не шла ни в какое сравнение с той катастрофой, что разразилась на отдельных участках фронта в прошлогоднюю кампанию. Вскоре радужные ожидания оказались изрядно отредактированы: выяснилось, что проблема не только в постройке дорог, но и в наличии развитой портовой инфраструктуры и деятельной ее администрации, кроме того, союзники не спешили наращивать в разы хорошо оплачиваемые заказы, отговариваясь действительно тяжелой ситуацией под Верденом и Соммой. Воплотить свое желание восстановиться за счет передышки, предоставляемой действиями союзников, ни Россия, ни ее армия не смогли. Как считали советские историки, в преждевременное наступление Русская императорская армия пошла в начале лета 1916 г. из-за «кабальной зависимости царизма от иностранного капитала».

**«Западное» ожесточение на восточных пространствах:
лето 1916 г.**

К настоящему моменту в западной историографии принято великодушно констатировать, что сражения в Галиции летом 1916 г. заслуживают того, чтобы занять место среди «матери-

альных сражений» Западного фронта, к чему есть все основания, в том числе формальные: масштабы, ожесточение боев, потери, а также главное — страшная диспропорция между потраченными ресурсами, понесенными потерями и достигнутыми результатами. Конечно, было бы абсурдно проводить полную аналогию между совершенно разными условиями обоих основных фронтов. Да, на Русском фронте было едва ли не в 10 раз меньше авиации, чем на Западном, она здесь вплоть до конца войны оставалась не полноправным, а вспомогательным родом войск, ни в какое сравнение не шло и количество артиллерии, минометов и пулеметов в пересчете на 1 км фронта, почти не было и «крайних» средств прорыва позиций — огнеметов, реже применялись химические снаряды. Однако это объяснялось лишь иным соотношением количества бойцов на длину позиций, что приводило в том числе к тому, что продолжали находить себе применение крупные массы кавалерии. Сказывалось и то, что вполне позиционным Русский фронт стал лишь незадолго до этого, в октябре 1915 г., а попытки прорыва в декабре 1915 г. и в марте 1916 г. и сделанные выводы к тому моменту не дали должного эффекта. Так же, как и в предшествующие две кампании, недостаток концентрации материальных средств восполнялся усиленным расходом живой силы.

Брусиловский прорыв моментально стал приобретать значение важнейшего элемента патриотической версии истории Великой войны. В дальнейшем трудами как самого Брусилова и его соратников, так и последующей официальной пропаганды, Брусиловский прорыв был превращен в самую успешную наступательную операцию Антанты за всю Первую мировую войну. Лишь к концу XX в. в России стали предприниматься попытки пересмотреть лакированные оценки этих событий. Не будем вдаваться в детали продолжающейся по сей день дискуссии, в которой гораздо более аналитическую позицию занимают критики традиционного подхода, в то время как его адепты исходят скорее из воспринимаемых эмоционально устоявшихся элементов мифа о триумфе. Как представляется, обе стороны примирить можно лишь частично — оговорив должные хронологические рамки, относительно которых идет спор. Ведь при этом окажется, что при их ограничении максимум 1.5 месяцами

правы будут скорее апологеты Брусилова (или тех, кто действительно сделал все для успеха прорыва, например, блестящий артиллерист полковник В. Ф. Кирей). При учете всех попыток «развить» уже давно окончившийся прорыв, превратившийся в позиционную бойню, и при расширении рассматриваемого периода до конца сентября 1916 г. (то есть имея в виду интервал в 3.5—4 месяца) куда убедительнее выглядят доводы критиков. Для начала этой дискуссии следует согласиться в том, что титаническая схватка на Вольни, в Восточной Галиции и Буковине должна по праву занять свое место среди «материальных сражений» второй половины войны, на свой лад дополнив ряд Верден — Сомма — Ипр — Изонцо — Камбре — Амьен.⁷⁰

Вероятно, можно даже одновременно признать главные тезисы обеих сторон:

1) Брусиловский прорыв был стратегической победой России, окончательно подорвавшей возможности Австро-Венгрии к самостоятельному ведению войны,

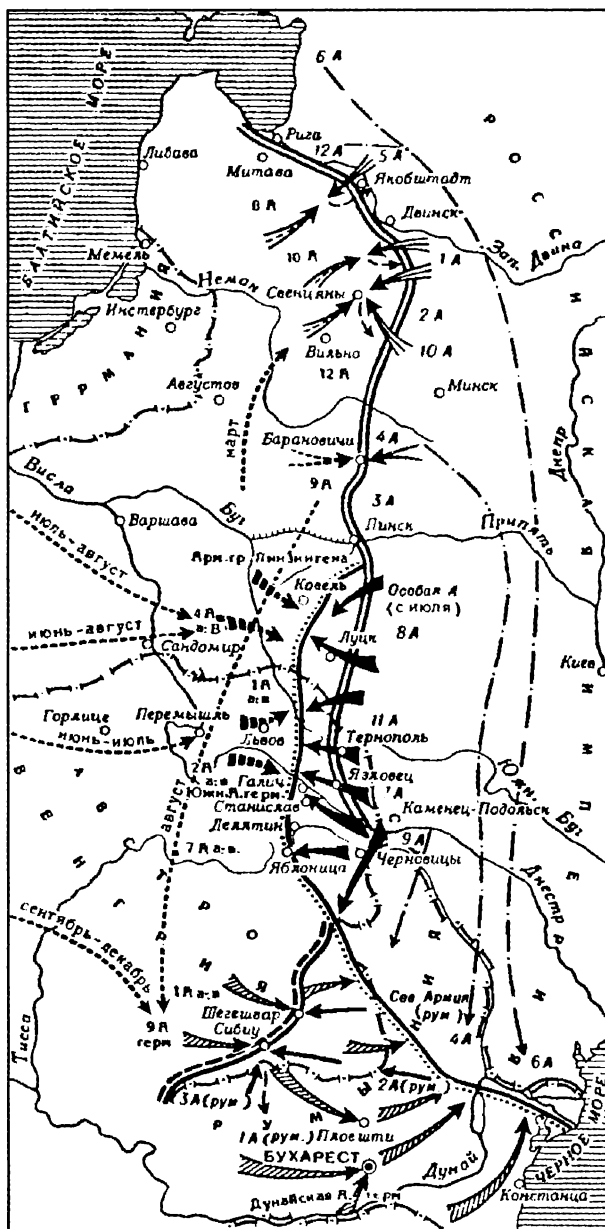
2) Брусиловский прорыв превратился в позиционную бойню, уничтожившую остатки станового хребта Русской императорской армии, что и предопределило ее быстрое разложение и гибель.

В действительности, между этими утверждениями никакого противоречия нет. Все попытки признать одно из них, яростно опровергая другое, носят эмоциональный характер. Нет смысла делать вид, что поражение Австро-Венгрии было для нее не критическим. На этом фоне устойчивый рост количества германских войск (пусть и не первосортных) на Русском фронте (при параллельной мясорубке под Верденом и на Сомме) выглядит просто безумием германской Ставки, во главе которой (в первую очередь благодаря последствиям Брусиловского прорыва) встал тандем Гинденбург — Людендорф. Уже только этот поворот в истории Германии, чреватый прямой военной диктатурой, делает результат наступления русских войск стратегическим. Еще более бессмысленно делать вид, что Брусиловский прорыв был сплошным триумфом русского оружия. Десятки тысяч солдат и офицеров навсегда остались на берегах речки Стоход, а Ковель (что говорить о Владимире-Волыньском, Лю-

блине, Львове) был так и не взят. Была физически перебита значительная часть гвардейских полков, что сказалось всего через полгода на исходе схваток на улицах Петрограда. Ни о каком реванше за «Великое отступление» 1915 г. и говорить не приходится. Русские войска не смогли отбить ни одного крупного города к северу от Припятских болот. Германские военные аналитики впоследствии отрицали даже оперативный уровень достигнутого «прорыва», что не слишком верно, но показательно.

Разумеется, перевозосимый как новаторский и «разорвавший» фронт сразу на 4 участках общей длиной более чем в 100 км, прорыв был не таким простым, не столь быстрым, далеко не планомерным и чрезвычайно кровопролитным и для атакующей стороны, что, впрочем, предусматривалось Брусиловым изначально. Тем не менее, эффект от удара на нескольких направлениях сказался значительно быстрее, нежели австро-венгерское командование смогло локализовать прорыв и предупредить другие удары. Традиционно полагают новаторство Брусилова в том, что операция не имела безусловно главных и явно отвлекающих маневров, хотя корректнее было бы говорить о том, что штаб Юго-Западного фронта стремился добиться основного успеха на избранном направлении — на Львов и Луцк, но постарался использовать результаты и на других участках, если уж они оказались более перспективными. Разумеется, действия русского командования были не оптимальными, многое было упущено даже на стадии планирования, и это вскоре возымело тяжелые последствия. И все же Ставка и Юго-Западный фронт сумели по меньшей мере на первом этапе избежать лобовой бойни, не позволили отвлечь все силы на жесткие контратаки германских резервов под Ковелем. Более того, в первые полтора месяца находили даже возможности для развития наступления и на других направлениях.

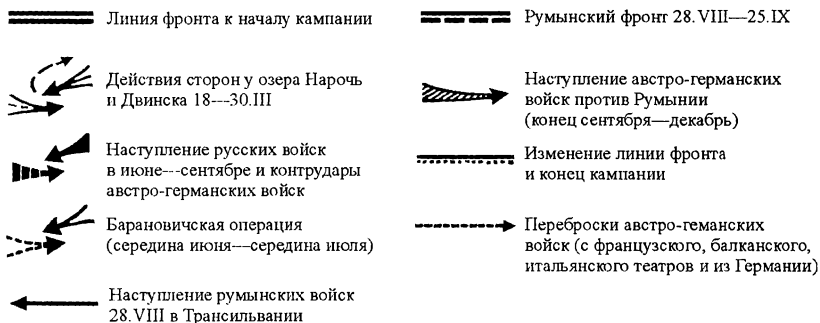
Наиболее блестящим внешне успехом стало взятие 7 июня Луцка, за которым последовали ожесточенные бои с наносившими удар с севера на юг германскими войсками группы генерала Бернхарди. В отличие от этого политического успеха, военное значение могло бы иметь взятие железнодорожных узлов — Ковеля и Владимира-Волынского, — но быстро раз-

Русский фронт в кампанию 1916 г.

вить успех на этом направлении Юго-Западный фронт не смог, так как сил для этого заблаговременно заготовлено не было. На других участках наступление развивалось неравномерно, в 11-й армии и вовсе не слишком удачно, а в Буковине с существенным запозданием, а потому долгое время его перспективы недооценивались. Брусилов значительные надежды возлагал на скорейшее содействие Западного фронта бывшему «вспомогательному» удару, пытаясь развивать наступление на северо-запад, но его коллега Эверт операцию все время откладывал, полагая, что прорыв все равно окончен, а неподготовленные действия приведут к ненужным потерям. Брусилов впоследствии все свои неудачи пытался списать на ошибки Эверта и Алексева,⁷¹ создавая легенду о едва ли не выигранной его прорывом кампании, а то и войне.

К концу июня наступила оперативная пауза, контрудар Центральных держав на Волыни имел лишь ограниченный успех, ведь австро-германское командование всерьез рассчитывало полностью отбросить русские армии на исходные позиции. Кроме того, сильные опасения внушал ход событий в Буковине, где остановить русское продвижение не удалось. Началась перестройка структуры управления союзными войсками. Новые крупные полномочия получил Гинденбург, ставший наконец полноправным хозяином на Русском фронте, в штабы австрийских армий и корпусов отправились лучшие германские генштабисты, в том числе Г. фон Сект, призванные восстановить устойчивость их обороны. Выделенные для парирования

угрозы на юге германские войска сделали невозможной планировавшуюся с апреля операцию по захвату Риги. Брусилов сумел добиться существенного расширения своей сферы ответственности: в его подчинение были переданы 3-я армия и ряд до того предназначавшихся Западному и Северному фронтам резервов.

В середине июля 1916 г. закончилась подготовка 2-й фазы русского наступления, при этом Ставка не отказывалась от идеи крупных операций силами Западного фронта под Барановичами и Северного под Крево и Сморгонью. Операция под Барановичами превратилась в кровопролитное противостояние значительно превосходящих сил русских с прекрасно организованной германской обороной, которым немцы впоследствии по праву гордились,⁷² в то время как в отечественной историографии эту битву старались упоминать пореже. В боях лета 1916 г. под Барановичами по замечанию германского офицера: «Русские атаки 13 июня свидетельствуют о явном изменении тактики пехоты противника. Русские офицеры лично вели своих солдат в атаку и своей храбростью служили примером наступающей пехоте»,⁷³ что, несмотря на некоторое высокомерие, свидетельствует об уважении к противнику. Успехи были достигнуты символические и в любом случае не соответствующие понесенным потерям. Северный фронт ограничился демонстрациями.

Упорные попытки развить наступление на ковельском направлении вылились в противостояние на реке Стоход, где русские войска сумели захватить Червищенский плацдарм, но на этом успехи и кончились. Алексеев попытался вернуться к идее наступления Западного фронта, вернув Эверту 3-ю и предназначенную для прорыва Особую армию, куда были сведены гвардейские части, но командующий Западным фронтом продолжал откладывать операцию до тех пор, пока осенняя распутица не сделала ее бессмысленной. Мотивы Эверта представляются неоднозначными: если он и сберег тем самым десятки тысяч жизней солдат своего фронта, то ни в коей мере не спас тех, кто расплачивался за это в ходе атак на других участках. В августе 1916 г. австро-венгерское командование вынуждено было отвести войска и в центре галицийского участка, спрямив

фронт между выступлениями на Волыни и в Буковине. Полный захват русскими войсками этой земли Австро-Венгрии и стал, вероятно, единственным вполне оформившимся успехом за всю кампанию. Хронической ошибкой русского командования была попытка достичь сразу нескольких целей одновременно, если вдруг намечался успех не только на главном направлении (а, как правило, успехи достигались именно так). Тем самым широкий прорыв оказывался следствием попыток разорвать фронт сразу везде, что могло иметь успех только при растерянности противника или явном разложении его войск. В случае упорной обороны или грамотного ввода в бой резервов противником наступательный прорыв тут же иссякал. Территориальные успехи русских армий в августе — начале сентября 1916 г. являлись следствием скорее поражения австро-венгров, нежели побед их противников.

К середине сентября 1916 г. фронт от Полесья и до карпатских перевалов стал явно стабилизироваться. Тяжелейшая горная местность, огромные потери, истощение резервов дополнились еще и непростыми погодными условиями, хорошо знакомыми перебоями в снабжении. Поскольку эти факторы воздействовали на обе стороны едва ли не одинаково, закономерным следствием этого был паритет. Обладавшая некоторым численным превосходством русская армия не имела сил для дальнейшего натиска. Балансирующая на грани голодных бунтов, отчаяния и массового дезертирства и/или саботажа австро-венгерская армия была способна только на оборону.⁷⁴ В германских войсках копилось недовольство, возмущение неясностью общей военной обстановки и раздражение небоеспособностью союзников. Красноречивым свидетельством критического положения фронта в Галиции стало прибытие на этот театр военных действий турецких дивизий, показавших себя очень неплохо. И все же на фоне поражений османских войск на Кавказском фронте и весьма непростой обстановки на других азиатских фронтах это выглядело по меньшей мере странно. Ничем, кроме отчаяния в австро-венгерских штабах и желания младотурок добиться важной моральной победы хотя бы над одним из своих европейских союзников, объяснить этот маневр нельзя.

Непропорциональные надеждам последствия: лишние 700 км фронта

Долго назревавшие последствия необратимых перемен по итогам титанических сражений на западе и на востоке сказались в конце августа 1916 г. 27—28 августа последовало вступление в войну Румынии на стороне Антанты и объявление (спустя 15 месяцев боев в Альпах) войны Италией Германии, что сделало и Рим полноправным членом антигерманской коалиции. В ОХЛ и то, и другое было воспринято крайне болезненно — ощущение, что весь мир состоит из врагов, усилилось, а это дало повод к давно назревшему переводу войны в тотальную стадию. У них был почти неограниченный карт-бланш, а задача проста: спасти Четверной союз от казавшегося уже близким быстрого краха. Фалькенгайн был смещен и отправлен решать ту проблему, в которой он якобы был виновен — останавливать наступление румынской армии, хотя сил на это пока не было. В России многие были рады тому, что наконец появился пусть и слабый, но союзник, с которым можно биться в прямом смысле плечом к плечу. Скепсис и опасения Алексеева насчет сомнительной ценности такого приобретения пока никто не разделял. Крайне невыгодное положение Румынии, территорию которой охватывали Австро-Венгрия, Болгария и оккупированная ими Сербия, никак не отразилось на планах командования ее армии, не ведшей крупных боевых действий почти 40 лет (не считая эпизода 2-й Балканской войны). Румыны намерены были сразу же приступить к захвату того, что они получают по итогам победы, то есть Трансильвании.

Медлительность, отсутствие должного оснащения и военного опыта, сложный характер местности — румыны наступали через перевалы в горах — привели к тому, что уже к середине сентября 1916 г. кризис можно было считать купированным. Прибывавшие в Семиградье части новой 9-й армии, а также бои в Добрудже с охотно перешедшими в наступление болгарскими войсками давали надежду, что стратегических перемен в положении Австро-Венгрии из-за этого не произойдет. Уже в конце сентября австро-германские войска перешли в контр наступление против румын в Трансильвании, а в Добрудже болгары сумели

отразить все попытки вспомогательного русского корпуса остановить их, заняли Констанцу и устремились к устью Дуная. Опасения немцев и тайные надежды русских, что болгары откажутся активно воевать против братьев-славян, не оправдались. Масла в огонь боев подливало еще и то, что там против болгар действовали кипевшие к ним ненавистью сербские части русской армии.

К середине октября стало очевидно, что недооценка угрозы с юга, где за Дунаем сосредотачивалась группировка под командованием Макензена, дорого обойдется и самой Румынии, и Антанте в целом. Хотя русские армии все сильнее смещались к югу, ведя упорные бои в Карпатах и на Стоходе, хотя с Западного и Итальянского фронтов был снят ряд дивизий Центральных держав, что должно было бы дать определенный положительный эффект, общий результат был неутешителен. Убеждение французов в том, что они быстро научат румын воевать, а также упорное недоверие последних к рекомендациям русского командования гарантировали взаимное раздражение и неудачи. К концу ноября германские войска стали готовиться к штурму Бухареста, препятствовавшие их активным действиям горные и речные преграды уже были в основном преодолены. Несмотря на иллюзии французов относительно повторного «чуда на Марне», никаких перемен достигнуто не было: 5—6 декабря 1916 г. немцы вступили в Бухарест.

Окружить крупные силы румынских армий не удалось, но это было лишь слабым утешением: большая часть дивизий была небоеспособна, половина страны — вся Валахия — потеряна, королевский двор уехал в Яссы. Как и опасался Алексеев, Румыния потребовала огромного количества русских подкреплений. В декабре 1916 г. появился еще один, Румынский фронт русской армии, формальное руководство которым осуществлял румынский король, а реальное — генерал Сахаров. Вплоть до середины января германо-австро-болгарские войска продолжали попытки оттеснить противника и из Молдовы, но фронт стабилизировался в ходе фронтальных боев. Следует отметить сравнительно эффективные действия войск Центральных держав, сумевших быстро купировать новую опасность, выиграть время и разгромить самонадеянного про-

тивника серией ударов, в которых большую роль сыграли экспериментальные мобильные группы, предвосхищавшие тактику будущего.⁷⁵ Из представившейся им возможности захватить новые сырьевые регионы они извлекли едва ли не максимум возможного, однако больше таких вариантов на всех фронтах не просматривалось. Упорные бои с русскими войсками демонстрировали, что время безусловного превосходства германской пехоты уходит, а остающиеся резервы не позволяли надеяться на исправление этой ситуации. Антанта понесла чувствительное, но в конечном счете не критическое для всех ее участниц (не считая самой Румынии) поражение, которое продлило возможности Центральных держав к сопротивлению, но и только. Однако были и тревожные признаки неготовности населения к новым военным усилиям: в России ярким проявлением его стало восстание в Казахстане, носившее черты давно назревавшего межэтнического конфликта, а также безусловное падение дисциплины в учебных частях. Военный аппарат Российской империи теперь исполнял только те функции, которые требовали наименьшего профессионализма — то есть призывал и распределял новобранцев, а вот превратить их в солдат, защитников Отечества, а не только в пушечное мясо он уже был не способен.

К декабрю 1916 г. ОХЛ по-прежнему оставалось на позиции лишь «исправления границ» для защиты Восточной Пруссии и Силезии и гарантий создаваемой Польше,⁷⁶ но не более того, что согласовывалось с позицией канцлера даже в январе 1917 г.⁷⁷ Гинденбург соглашался на передачу России Буковины и части Галиции и весной 1917 г. Осторожный глава правительства Баварии Гертлинг, впоследствии — канцлер, уже при 3-м ОХЛ осенью 1916 г. полагал, что «за сепаратный мир с Россией возвращение Польши — не слишком высокая цена».⁷⁸ Такая уступчивость вполне понятна, если учесть, что порой на весь 1000-километровый германский фронт на Востоке в резерве из кадровых войск была лишь одна бригада кавалерии. Несмотря на сдержанные и дальновидные высказывания, проектам аннексий становилось все труднее противостоять, а от земли Обер-Ост, ставшей едва ли не вотчиной, отказаться было еще сложнее. Уже в 1915 г. германские генералы называли себя

«освободителями от русских» Курляндии с ее Либавой и Митавой,⁷⁹ готовясь и надеясь не расстаться с ней в будущем.

Учитывая ту огромную роль, которую Россия играла для определения и структурирования регионов Европы в европейском и, особенно, в германском сознании,⁸⁰ именно Россия стала для немецких элит критерием реальности и прочности их планов относительно Центральной и Южной Европы. Как только Гинденбург и Людендорф, бывшие убежденными «восточниками», встали во главе германских вооруженных сил, вопрос о том, где находятся основные цели Германии на будущие десятилетия, отпал сам собой. Теперь стало окончательно ясно, что главным результатом должно стать создание *Mitteleuropa* с безопасными и открытыми восточными границами. Для этого необходимы были победа над Россией и перекройка границ в Центральной и Восточной Европе таким образом, чтобы вне зависимости от официальной государственной принадлежности той или иной территории ее ресурсы были в распоряжении экономики Кайзеррейха. В этом замаскированном аннексионизме военных поддерживали социал-демократы и канцлер, заинтересованные в существовании мифа о справедливой и даже освободительной войне против русского деспотизма.⁸¹

Если счет русским генералам в германском плену открыла уже Восточно-Прусская операция 1914 г.,⁸² то обратное явление практически не наблюдалось. Русская армия могла похвастать пленением австро-венгерских генералов и значительного количества высших и штабных офицеров, например, в связи с взятием Перемышля, а вот германский участок фронта таких возможностей не предоставил. Из общего числа немецких военнопленных в 168 тысяч человек⁸³ офицеров было не более 1.5 % (т. е. вряд ли более 2.5 тысяч).⁸⁴ Единственный захваченный в плен командир германской дивизии,⁸⁵ генерал-майор Фабриус, ставший добычей партизан в конце ноября 1915 г., через 1.5 дня после пленения совершил самоубийство, так как обязан был это сделать по неписаному кодексу чести германского генерала. Великая война, породив феномен «армий и народов за решеткой», сделала военнопленных важнейшим источником информации не только и не столько военного характера.⁸⁶ Интерес к захваченным вражеским солдатам был обращен в первую

очередь на представителей России, хотя бы потому, что они составляли около двух третей общего числа военнопленных из армий Антанты.⁸⁷ В свою очередь в России к концу 1917 г. находилось более 2 миллионов военнопленных из всех 4 стран вражеской коалиции. Меньше всего было болгар, затем шли военнослужащие германской и турецкой армий, а затем с большим отрывом солдаты и офицеры австро-венгерской армии, многие из которых являлись не столько пленными, сколько перебежчиками, а также идейными борцами за независимость своего народа. К концу войны пленение все чаще стало одной из практик выживания. Снижение качества германских частей и тяжелая ситуация с продовольствием приводили к тому, что даже после тяжелых поражений русской армии фронт переходили, чтобы сдать в плен, из-за реальной перспективы сменить сравнительно безопасный Русский фронт на чудовищное ожесточение решающего сражения на Западе.

Потребность в оправдании успехов, преувеличении их значимости в интересах поддержки морального духа в тылу и на фронте, а, возможно, и в качестве самообмана при неутешительных тенденциях битвы в осажденной крепости, привели германскую военную элиту к намерению воспользоваться хотя бы теми результатами, которые достигнуты, даже если они и непрочны. Восточный фронт становился все более важным для Германии не только потому, что ОХЛ возглавили бывшие фронтеры — «восточники», достигнув заветных постов, дуумвират охладел к своим титаническим проектам наступления и разгрома всей русской армии. К началу 1917 г. большую часть войск Центральных держав на Восточном фронте составляли немцы, численность которых превысила 1.85 млн человек,⁸⁸ т. е. выросла по сравнению с началом войны в 3 раза. Конечно, большая часть собственно германской армии была на Западе, однако Восток доставлял слишком много хлопот, хотя бы из-за протяженности линии, за которую приходилось нести ответственность. Потери на Востоке также увеличивались все больше, хотя доля кровавых и безвозвратных была не столь высока, как на Западе. В 1917 г., несмотря на разложение русской армии, доля германских войск на Восточном фронте продолжала медленно увеличиваться, хотя численность войск снижалась. Это тем

более показательно, что Людендорф, возглавив ОХЛ, быстро забыл о нуждах Восточного фронта, постоянно перебрасывая оттуда на Запад воинские части,⁸⁹ далеко не все из которых возвращались обратно. М. Гофман почти не осмеливался предъявлять ему претензии, хотя аналогичные действия Фалькенгайна вызывали у него бурю возмущения.

Комментируя последовавшее 12 декабря 1916 г. декоративно-надменное предложение Центральных держав заключить мир, а также почти насмешливый отказ Антанты не только от него, но и от немедленно последовавшего предложения только что переизбранного президента США В. Вильсона о посредничестве, Ленин заявлял о том, что наметился «поворот от империалистической войны к империалистическому миру», что в марксистской логике было по-своему верно, однако в куда большей степени отражало всю степень истощения воюющих держав «материальными сражениями» кампании 1916 г. Хотя новогодний приказ Верховного главнокомандующего Русской армии императора Николая II был выдержан в чрезвычайно уверенном тоне, итоги года, сопровождавшегося таким взлетом надежд в июне-июле 1916 г., были для России неутешительны, хотя, в отличие от результатов годом ранее, их было чем затушевать.

Подведение итогов затягивалось на противоположных концах фронта: под Митавой полыхали Рождественские бои — немцы, пропустив неожиданную локальную атаку латышских стрелков, в ярости пытались восстановить линию фронта, но так в этом полностью и не преуспели, постепенно затихали и бои в Румынии, где германские войска стремились дожать русские части, сменившие разгромленных новоявленных союзников, сохранивших лишь менее половины страны, хотя они вступили в войну лишь 4 месяца назад. В лучшем случае к весне под руководством французских инструкторов они могли бы вернуть себе боеспособность, чтобы избежать судьбы сербов, которым к концу 1916 г. оставалось лишь мечтать о скором освобождении родины, хотя на Салоникский фронт они уже прибыли.

Итоги кампании 1916 г. для Центральных держав можно было считать неудовлетворительными, а с учетом перспектив и

вовсе катастрофическими. К концу года линия Западного фронта изменилась несущественно, однако эта кажущаяся ничья означала исчерпание германских резервов без всякого позитивного результата. Германская Ставка склонялась к мнению, что линию фронта в такой ее конфигурации удержать невозможно, а потому придется добровольно «спрямить» ее. На Русском фронте приходилось задействовать все больше войск, триумфы кампании 1915 года померкли в сражениях лета 1916 г., надежды на то, что Австро-Венгрия выдержит натиск без постоянной помощи, рассеялись. Устойчивость двуединой монархии после смерти Франца-Иосифа в ноябре 1916 г. вызывала вопросы, а намерения нового 29-летнего императора Карла должны были по меньшей мере встревожить германскую Ставку, стремившуюся к абсолютному диктату сразу во всех странах Четверного союза. Карл почти немедленно принял на себя лично Верховное Главнокомандование, а через несколько месяцев «сослал» Конрада на Итальянский фронт, министром иностранных дел стал 44-летний граф О. Чернин, готовый к самым смелым инициативам. Хотя Карлу удалось найти общий язык с венгерской элитой, было очевидно, что за грядущие реформы монархии должна будет расплатиться частью своего влияния одна из ее половин.

Можно было с уверенностью предполагать дальнейшее давление и на Итальянском фронте, и на Салоникском. Следовало иметь в виду полную стабилизацию фронта в Румынии. Самые серьезные опасения были связаны с дальнейшим участием в войне Османской империи: за 1916 г. она лишилась громадных территорий на Кавказском фронте, а действия русского флота приближали энергетическую катастрофу, срывая поставки угля морем. Никаких надежд на то, что удастся остановить наступление русских войск или британских армий в Месопотамии, как это было в апреле 1916 г., не было. Четверной союз был вынужден к обороне по всем фронтам, он лишился инициативы, а потому рано или поздно должен был пропустить удар, который опрокинет одну за другой все позиции «осажденной крепости Европа». Не было ни малейших поводов и к тому, чтобы ожидать успехов в глухой обороне: зимой 1916—1917 гг. Германию и Австро-Венгрию потряс массовый голод, причем было

ясно, что следующей военной зимы в условиях экономической блокады мирное население не выдержит ни при каких обстоятельствах.

К началу 1917 г. людские резервы России были далеко не исчерпаны, однако оснований для чрезмерного оптимизма, порой встречающегося в современных работах, призванных доказать блестящие перспективы Русской императорской армии накануне подлого предательства, то есть Февральской революции, также не было. Столь же преувеличенным представляется и тем не менее весьма аргументированное мнение выдающегося русского военного теоретика генерал-лейтенанта Н. Н. Головина о «мираже людского многолюдия».⁹⁰ Разумеется, исчерпание резервов было налицо, однако лишь по довоенным меркам и если не проводить сравнение с другими великими державами. В том числе поэтому Верховное Главнокомандование России соглашалось внести свою лепту в общее дело союзников кровью не только на «своих» и без того самых длинных фронтах Великой войны, но и отправляло живую силу на Салоникский фронт, а также и на Западный. Хотя эти акции казались имеющими скорее психологическое и репутационное значение, свой важный вклад русские контингенты сделали и во Франции, и в Македонии.⁹¹

Перспективы рисовались если не радужные, то достаточно уверенные. Даже после позорной гибели дредноута «Императрица Мария» от Черноморского флота ждали новых побед: полного разгрома турецких поставок угля, пресечения активности германо-турецкого флота, а то и десанта в Болгарии, а затем и в Босфоре.⁹² К славе рвался недавно назначенный командующим на Черном море вице-адмирал А. В. Колчак.⁹³ Надеялись и на мощные удары по Австро-Венгрии с помощью переобученной французскими инструкторами румынской армии. Были уверены, что страшного напряжения и блокады не выдержит сначала двуединая монархия, а после генерального наступления на Западе и на Востоке наконец сломлена будет и германская армия. Планы действий на 1917 г. у русской армии были исключительно атакующие, хотя они и мало отличались от высказываемых и годом ранее идей. В конце 1916—начале 1917 гг. лихорадочно проводили переформирование старых и

образование новых полков под руководством временно заменившего Алексея В. И. Гурко. Казалось, что новые 3-батальонные полки будут куда уместнее прежних 4-батальонных, а командование среднего звена обретет наконец должную оперативность и инициативу.⁹⁴ При всех опасениях, при грозных признаках голодных бунтов на фронте из-за проклинаемой чечевиды вместо прежнего довольствия, мало кто сомневался в том, что Антанта в конечном счете одолеет за счет громадного превосходства в ресурсах, причем день победы не так уж далек. В этом убеждении обывателей укрепляли бодрые отчеты о межсоюзнических конференциях в Шантильи и визитах в Петроград видных парламентских деятелей из Франции и Англии.

Разумеется, использование огромного количества мобилизованных было чрезвычайно нерациональным, тылы бесследно поглощали не только многочисленных служащих различных общественных организаций, но и сотни тысяч формально находившихся на военной службе. Более чем достаточно было и отлучившихся под различными предлогами, выздоравливающих, дезертиров. Однако по сравнению с теми отчаянными мобилизационными усилиями, которые предпринимались в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и других странах, Россия даже близко не подступила к границе, за которой начинались характерные для тотальной войны особые меры. Лучшей иллюстрацией к тому, готова ли была Россия к дальнейшему напряжению, являются последовавшие за Брестским миром как минимум 3 года войны и сотни тысяч жертв всех ее воюющих сторон. Несмотря на вспышки ожесточения и насилия едва ли не по всей Европе в те же годы,⁹⁵ ни одна страна, кроме Финляндии, не смогла пойти на что-либо сравнимое. Однако Финляндия сравнительно мало пострадала от Первой мировой, а в Германии и Венгрии было достаточно первого раунда гражданской войны весной-летом 1919 г., чтобы общество отказалось в ней участвовать.

Глава 4

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ: 1917 ГОД

Почему в России раньше всех? Самая неожиданная из всех ожидаемых революций

Обладая в условиях военной диктатуры определенной информационной монополией, военные обязаны были всю информацию о событиях в России тщательно отфильтровать и добиться ее однозначной оценки в штабах и министерствах Центральных держав, однако этого не произошло.¹ По иронии судьбы, германская Ставка, испытывавшая плохо скрываемое ощущение бесперспективности ситуации и добившаяся права определять судьбу всех своих союзников, не дождалась Февральской революции всего месяц, пойдя ва-банк в крайне неподходящий момент.² 1 февраля 1917 г. была пройдена «точка невозврата» в отношениях с США, которые начали подготовку к вступлению в войну сразу же после объявления Германией о переходе к неограниченной подводной войне. Впоследствии это «дезорганизовало некоторых сторонников новой стратегии»,³ отсутствие хорошей прогностики на русском направлении, где разразилась столь ожидаемая драма, стоило Германии очередной дипломатической катастрофы. Вступление в войну США, в связи с тем, что Вильсон в Февральской революции нашел удобную модель «демократического» присоединения к коалиции «империалистических хищников», вызвало проекты радикально новых геополитических конструкций, например, оси Берлин-Петроград-Токио, опасаясь которой амери-

канцы и решились-таки вмешаться в столь выгодную войну за океаном.⁴

Во всех странах, даже в уверенно набирающей мощь Германии, накануне Великой войны, все чаще обсуждалась возможность революции или по меньшей мере крупных перемен в политическом устройстве под напором крепнущих левых сил. Нарастала истерия и относительно угрозы военной диктатуры, однако до войны она была в основном мнимой, не выходящей за рамки эмоций. Нет сомнений в том, что взаимоотношения власти и верхушки армии всегда неоднозначны, вряд ли приходится отрицать и то, что вариант военной диктатуры всегда рассматривается генералитетом в качестве потенциально возможного и даже желательного, особенно в условиях военных действий, но это никак не доказывает последовательное и намеренное стремление осуществить эти логические расчеты. Ряд исследований, как советского периода, так и современных,⁵ относительно причастности русских генералов к политическим заговорам (и до революции 1917 года, и после нее) дает по-своему обоснованную и логичную версию. Однако это, как правило, версия «обвинения», априорно исходящая из намерения обнаружить военный заговор просто в силу его возможности и тем более обсуждаемости, либо же попытки «оправдания», косвенно подтверждающие сам факт осознанного участия в заговоре.

Летом 1914 г. установившийся повсеместно «гражданский мир» отнюдь не снял вопрос об уязвимости медленно деформирувавшихся в консервативных монархиях политических режимов, а лишь отложил его до действительно крупных неудач. Они не заставили себя долго ждать. Советская пропаганда и историография приложили немало усилий, подкрепленных статистическими данными и цитатами, чтобы доказать очевидность выхода из войны именно России. При безусловно тяжелых проблемах Российской империи и явных ошибках Николая II самого разного рода, включая его «жизнь на колесах» между Петроградом и Могилевом, для априорной уверенности в том, что именно Россия была самым уязвимым звеном Антанты, нет никаких оснований. Более того, тот факт, что впоследствии многие очевидцы событий пытались доказывать, что они и до Февраля месяцами говорили о революции, является

следствием порой непреднамеренного искажения прошлого, подправленной знанием последующих событий ретроспективы. Слухи, проекты, угрозы, конечно, были, следовали и демарши, и предупреждения,⁶ но до марта 1917 г. (по новому стилю) не было никаких оснований считать, что вскоре это обретет существенное значение.

Конечно, вряд ли стоит считать свержение монархии цепью (не)счастливых случайностей, хотя таковых было предостаточно, однако объективных оснований для того, чтобы именно Россия стала первой из великих держав, расплатившейся в этой войне революцией, было немного. Положение России было безусловно лучше, чем у Франции и Австро-Венгрии, понесших чудовищные потери, в основном людские, и находившихся на грани (или за гранью) масштабных солдатских мятежей. Россия не изнывала под тяжестью морской блокады, как Германия, не могла быть выведена из войны угрозой голода из-за обрыва снабжения продовольствием по морю, как Великобритания. Она обладала крупными людскими ресурсами и могла рассчитывать на дальнейшее усиление своей армии и успешные наступления (в отличие от Италии). Она лишилась не половины, как Румыния, и не всей территории страны, как Сербия. Россия к началу 1917 г., безусловно, пережила самый тяжелый этап войны: когда Центральные державы еще имели силы для перехвата стратегической инициативы. Конечно, это не означает, что положение России было блестящим, однако оно было далеко не худшим и не безальтернативным. Относительно же уверенности (якобы повсеместной) в том, что революция состоится «на днях», следует напомнить хотя бы о том, что корифеи революционной борьбы и ее теоретики, включая пребывавшего в Швейцарии Ленина, к началу 1917 г. никакой революции именно в России не ожидали, куда более рассчитывая на неустойчивость во Франции, Италии или Австро-Венгрии.

В отношении к войне среди солдат и армии в целом в Германии, Австро-Венгрии и России должно было быть достаточно много общего, хотя бы в силу того, что и в той, и в другой империи в ходе войны армия как нигде больше представляла собой «вооруженный народ». Реализация концепции всеобщей воинской повинности в военных условиях была проведена в са-

мых грандиозных масштабах, как по численности солдат, так и по структурному строительству. Именно потому, что до войны армия была относительно мала, а офицерство — намеренно консервативно, мобилизация в России очень быстро размыла всякое понятие о довоенном положении в вооруженных силах, а в Германии заставила использовать все возможности организационных и учебных структур, чтобы не допустить того же немедленно. Эффект «вооруженного народа», так и не ставшего, прежде всего, кадровой армией и солдатами, в полной мере сказался в Германии только к середине 1918 г. В России же контраст между кадровой армией и второ- и третьеочередными частями был таков, что «вооруженный народ» оказался в запасных полках и на фронте не только на солдатском, но и на офицерском уровне уже в кампанию 1915 г. В кампании же года 1916-го была физически уничтожена или раздроблена необходимая для сохранения преемственности с довоенным костяком армии критическая масса по-настоящему боеспособных частей. Сказывались не только потери, но и моральный надлом. «Обескровленное» русское офицерство по большей части не погибло за Отечество, как стремились доказать, упирая на примеры из сражений 1914—1915 гг. Оно понесло большие потери и с середины 1916 г. все чаще стало добиваться перевода в тыл, в учебные части, на отдых, на лечение, требовать льгот по ранению и т. д. Пессимизм и плавно переходящее в презрение возмущение некомпетентностью или недомыслием «наверху» царили на самых различных уровнях командования — от разочарованных неудачами фронтовых командиров, будь то роты или дивизии, до прекрасно информированных офицеров Ставки.⁷ На смену же отвоевавшимся приходили офицеры военного времени, вербовавшиеся почти из не нуждающейся в дополнительных комментариях российской интеллигенции, со всеми вытекающими из этого для лояльности присяге императору последствиями.

Причиной столь запоздалого превращения в «милицию» стал беспрецедентный уровень развития ландвера и ландштурма, т. е. формально — ополчения. Техническую сторону поддерживал и дополнял очень высокий статус не только военного, но и офицера запаса, что в принципе обеспечивало готовность и желание населения участвовать в нерегулярных вооружен-

ных силах. С началом войны, при огромном недостатке сил в кадровой армии для затяжного конфликта, ландвер, а затем и ландштурм превратились в часть профессиональной армии, что являлось главным условием для начала «тотальной войны». Россия, вынужденная идти по тому же пути ее огромными союзническими нагрузками, не располагала населением, которое уже в 1914 г. было готово стать вооруженным народом,⁸ осознающим, за что он проливает кровь, — слишком низок был уровень образования и не развита идея резерва.⁹ Доказательством, что резерв понимался и использовался русской администрацией только как «механическое» пополнение армии и не рассматривался как элемент в соображениях структурного, кадрового и даже социального характера, является сам характер образования резервных частей в Российской империи.¹⁰ Реформы в комплектовании резервных воинских частей, скопированные с прекрасных германских образцов, были проведены непосредственно перед войной и без учета особенностей характера взаимоотношений внутри русского офицерского корпуса, поэтому второочередные части неизменно становились сборищем сосланных туда неугодных командирам офицеров и солдат из кадровых частей. Эффект от этих преобразований мог бы быть иным только спустя некоторое время и после должных проверок «сверху», так, как это удалось с системой пробных мобилизаций. Население вообще воспринимало скопированную с европейских образцов систему ополчения I и II призыва как модификацию феодальной повинности эпохи 25-летнего срока службы. Из-за этого отношения к резерву и «верхов», и «низов», стал возможен абсолютно деструктивный акт Временного правительства весной 1917 г., когда из действующей армии были уволены в запас все солдаты старше 43 лет, так как в мирное время (!) в этом возрасте военнообязанные прекращали состоять в ополчениях. Эта мера имела самые негативные последствия для стабильности, как на фронте, так и в тылу.

В отличие от восприятия российских событий Антантой, для которой Февральская революция была приятным дворцовым переворотом на пути к цели, немцы постарались более пристально изучить нюансы российской действительности, чтобы тонко регулировать политические процессы в развали-

вающейся Российской империи. Первоначальные выводы были умеренно оптимистичны: русская армия, и так на Стоходе продемонстрировавшая падение боеспособности, станет еще хуже, ситуация, которая, по признанию Гофмана, грозила ему катастрофой в случае атаки в нескольких местах фронта, несколько отодвинулась.¹¹ Для сторонников умеренного соглашения с Россией Февральская революция была катастрофой. Вскоре стало очевидно, что договориться с новым правительством России о сепаратном мире не удастся, так как оно занято совершенно другими проблемами.¹²

Революционная весна: кто, за что и с кем воюет теперь на востоке Европы

Русская революция пришла из тыла на фронт, но не наоборот. Разумеется, решающее значение для ее победы имела позиция воинских частей, однако в первую очередь тыловых и запасных, а не находившихся в действующей армии. Среди присоединившихся к мятежам были и те, кто уже побывал на фронте, были едва вылечившиеся от ран или оттягивающие свое возвращение на позиции, однако основную массу составили те солдаты, кого «фронтовиками» назвать было никак нельзя. Тот же набор участников позднее наблюдался и в революциях в Германии и в Австро-Венгрии, что породило феномен «легенды об ударе ножом в спину»,¹³ то есть о предательстве симулянтами, дезертирами и паникерами в тылу героического фронта. Хотя данный политический миф имел глубокие корни и еще более глубокие последствия, несмотря на то что в нем наблюдались достаточно типичные элементы сознательного искажения фактов и настроений, основания для подобного мнения — о предательстве тыла — у бойцов на фронте были. Это наблюдалось не только в Германии, где данный миф стал лейтмотивом политической истории всего межвоенного периода, приведя к власти Гинденбурга и Гитлера, но те же настроения витали и в России, став, пусть и менее очевидно, одной из идейных основ Белого движения.

Конечно, ответственность с фронта за триумф революции не может снять никто, ведь под разными предлогами и при

сомнительных оговорках мятеж еще на стадии, когда успех его был под вопросом, был фактически поддержан высшими штабами, что и дало Николаю II (а спустя 1.5 года — и его царственным «коллегам») основания констатировать полную измену и трусость вокруг него. Хотя фронтовые части и экипажи флотов почти не принимали участия в ходе свержения монархии, они в громадном большинстве своем быстро приняли свершившийся факт и воспользовались его плодами. Быстро справились с протестом и в офицерских кругах, где отказ служить изменникам царю из Временного правительства так и остался предметом единичных демаршей (графа Келлера, например¹⁴). Характерно, что с революцией так или иначе смирилась и «верная гвардия»,¹⁵ в том числе потому, что довоенный состав ее был обескровлен на полях сражений 1914—1916 гг. Этот факт никак не подтверждает длительную подготовку заговора, а лишь демонстрирует долгий процесс обдумывания самой возможности крушения монархии или по меньшей мере дворцового переворота. В скором времени выяснилось, что подействовавшие революции (в том числе молчаливым согласием) общественно-политические силы совершенно расходятся в оценке ее достаточности и успешности, что и продемонстрировали первые же недели революционной эйфории в тылу и все более откровенного беспредела на фронте.

В угаре советской пропаганды оказались едва ли не навсегда забытыми (по меньшей мере в массовом сознании) те вполне революционные декларации о мире и равенстве народов, которые во всеуслышание делал весной 1917 г. Петроградский Совет. Но тогда, в апреле-мае 1917 г., они возымели немалый эффект. Внезапно Антанта, к которой необычайно вовремя прикнули (с 6 апреля 1917 г.) США, получила возможность заявить о том, что она воюет с преступными автократиями, а чуть позже и о том, что целью войны, оказывается, является «сделать мир подходящим для демократии». Разумеется, до тех пор, пока в стане Согласия была императорская Россия, десятилетия выставляемая европейской прессой как символ произвола и самодурства монарха, такого мощного рычага воздействия на симпатии нейтралов, да и собственных граждан, не было. «Тюрьма народов» внезапно обратилась в самую свободную из великих

держав, что ломало многие пропагандистские установки противников России.

Для политиков и интеллектуалов Центральных держав первый состав Временного правительства представлялся ультрапатриотами, российскими Кромвелями, которые положили конец мощному немецкому влиянию в российской политической элите, связанному с правившей династией.¹⁶ Германские военные только укрепились в этом мнении, когда новый виток информационной войны начался не только на Восточном фронте, но и на Западном.¹⁷ Еще одним неприятным сюрпризом стало стойкое нежелание русского генералитета вступать в переговоры с представителями германского командования даже под давлением революционной толпы, которая и настояла на этих попытках контакта в мае 1917 г.¹⁸ В итоге перемирие было достигнуто только на некоторых участках фронта, не имело официального статуса и никаких гарантий, началась «совершенно своеобразная война». Тем не менее, почти до начала наступления Керенского германское ведомство иностранных дел во главе с Циммерманом надеялось на заключение сепаратного мира с Временным правительством.¹⁹

Для этого необходимо было срочно убрать материальные препятствия на пути к компромиссу. Накануне конференции в германской Ставке в Кройцнахе 23 апреля 1917 г., где были сформулированы более жесткие аннексионистские планы,²⁰ такой представитель военной элиты, как Э. Врисберг (тогда — глава Общего департамента в военном министерстве), полагал, что нужны только косметические изменения границы в Польше, а сама она должна остаться за Россией.²¹ Там же Людендорф, выдвигая план достижения взаимопонимания с Россией, выступал за передачу Восточной Галиции России, Чернин был на это согласен при условии, что Австро-Венгрия получит всю Валахию, т. е. скользкие детали уступок удовлетворялись за счет Румынии, которую, однако, хотели сохранить «насколько это возможно, большей».²²

На заливаемых весенним паводком позициях, а также и в штабах по обе стороны фронта об этих геополитических раскладах знали очень мало, по-прежнему пытаясь совместить наиболее живучие из стереотипов с очевидными следствия-

ми прожитых военных месяцев. В германском сознании эпохи Великой войны представление о России не было сколько-нибудь целостным не только из-за слабых представлений о жизни этого государства, но и благодаря пристальному вниманию и акценту на ее политическом строе. Учитывая попытку воспринимать Великую войну как борьбу за само существование самобытной германской цивилизации, даже в официальных печатных органах (при помощи немецких социал-демократов) Российская империя быстро стала воплощением деспотизма и несправия, хотя до войны консерватизм русского политического строя мог только прибавлять ему популярности в глазах кайзеровской администрации. Германский канцлер Бетман-Гольвег оправдывал спешное объявление войны России тем, что «иначе я не заполучу социал-демократов»,²³ т. е. лозунг войны против русской тирании стал одной из основ последующих событий 4 августа 1914 г., когда правительство отменило последние исключительные законы, а социал-демократы гарантировали свою лояльность.²⁴ Весной 1917 г. состоялся резкий поворот в истории России, который застал кайзеровскую пропаганду и с трудом поддерживаемую иллюзию «гражданского мира» в Германии врасплох. Россия после Февральской революции ненадолго стала одной из самых свободных стран в мире, и это подрывало идейные основы борьбы за ее западные провинции.²⁵ Германские войска больше ни в коей мере не подходили на роль «освободителей». Россия неожиданно стала более важным фактором, воздействующим на внутривнутриполитическую стабильность Германии, чем вступление в войну США и даже все более обостряющееся экономическое и военное положение Кайзеррейха.²⁶ Результатом почти истерических поисков новых оправданий борьбы с восточным соседом стал поспешный и невразумительный манифест 7 апреля 1917 г. о реформе прусского избирательного права,²⁷ который разозлил и не удовлетворил как Людендорфа и Гинденбурга,²⁸ так и крайне левых. Кроме того, среди либералов распространилось мнение, что свободу России принесли успехи германского оружия.²⁹

Германская социал-демократия, оправдывавшая в ходе войны свои милитаристские позиции задачей обороны страны от «русского деспотизма», войну с которым готов был отстаивать

еще А. Бебель в конце 1870-х гг., после Февральской революции получила встречный и куда более обоснованный упрек от русских меньшевиков и эсеров, которые были согласны продолжать войну для защиты завоеваний революции от реакционного германского империализма, якобы поддерживаемого СДПГ.³⁰ Еще в начале XX века немецкие «социалисты с кафедр» (Шмоллер, Вагнер) в серии статей продемонстрировали, что германский империализм может быть привлекателен и для людей с социалистическими взглядами, поэтому по лидерству германской социал-демократии среди международного социалистического движения был нанесен сокрушительный удар. Австрийские социалисты снискали немалый авторитет в первую очередь проектами решения национального вопроса в соответствии с марксистской теорией, положив начало так называемому австромарксизму, привлекавшему в те годы даже молодого И. Джугашвили. Заслуги венских социал-демократов оказались весьма ценными для пропаганды борьбы с царизмом, устроившим в России «тюрьму народов», однако собственно австрийская действительность не выдерживала никакой критики в условиях обострения национальной проблемы в считавшейся «образцовой» в этом отношении двуединой монархии. С весны 1917 г. это становилось все более заметно, а симпатии многих национальных меньшинств (в первую очередь поляков), до того оспариваемые обеими враждующими сторонами, заметно качнулись в пользу «новой, свободной» России.

Некоторой заменой лозунгу войны против «азиатского деспотизма» стала концепция мировой революции, которая якобы уже идет с 1914 г. и представляет собой возглавляемое Германией восстание, аналогичное по всемирно-историческому значению Французской революции 1789 г., против поработившего почти весь мир англосаксонского капитала и купленных им союзников.³¹ Благодаря стойкому союзу правого крыла социал-демократии с властью на фронте вплоть до Ноябрьской революции были доступны любые печатные издания, в том числе «Vorwärts», цензура изымала только нелегальные и в тылу листовки ультралевых. Именно эта информационная свобода стала одним из факторов быстрого перехода армии под контроль организаторов Ноябрьской революции.

Бурное развитие новых средств массовой информации (радио, кинематограф) и технологий еще перед войной привело после ее начала к беспрецедентному объему материалов с линии фронта, которые визуализировали противника в максимальной степени. Если в первые годы войны достоверность и неполнота сведений в фильмах подвергались критике, особенно со стороны газет, располагавших более ценной информацией, то уже в 1916—1917 гг. военное министерство предприняло ряд мер по интенсификации производства кинокартин и журналов,³² сделав это едва ли не прерогативой военных. Сражение на Сомме стало первой битвой в истории, получившей официальную киноверсию с обеих сторон.³³ Мощный агитационный эффект этих «картин с линии фронта» зачастую не столько вызывал патриотический подъем, сколько, напротив, ужас перед современной войной и заставлял задуматься о правоте пацифистов. Не замедлили воспользоваться техническими новинками для своей пропаганды и социалисты, в том числе получившие свободу рук в России радикалы, поэтому вскоре на германских и австро-венгерских солдат обрушился поток газет, листовок и фотографий, причем на родном языке, убеждавший в том, что война должна вестись не там и не за то, нежели прежде. Русский фронт превратился в инструмент экспорта революции, действовавший непрерывно и вне зависимости от перевеса той или иной стороны.³⁴

На ходе противостояния все чаще стало отражаться еще одно изобретение Первой мировой войны, оказывавшее определяющее влияние на восприятие врага куда больше, чем новые средства уничтожения. Речь идет о братаниях. Острое ощущение отсутствия всякого смысла в войне, невозможность оправдать огромные потери новой эпохи объяснениями из старой привели к самостоятельному поиску истины, в том числе и по ту сторону колючей проволоки. При этом совершенно шокирующим для офицеров образом простые солдаты на фронте не только стремились к общению, но и были прекрасно осведомлены о мельчайших деталях бытовой жизни противника. Феномен братаний, или подлинного боевого братства, между солдатами³⁵ воюющих армий в дни религиозных праздников, таким образом, являлся своего рода обратной реакцией на явно искус-

ственное отчуждение в высших кругах, культивируемое генералитетом и офицерством не только в своей среде, но и (безуспешно) среди подчиненных. Определенный взаимный интерес стал первым этапом процесса примирения вопреки приказам и логике вышестоящих.

Было бы неверным полагать, что братания явились следствием усталости от войны и начались только в 1916 г., особенно усилившись после революции в России в 1917 г. Случаи братания наблюдались на Западном фронте уже в конце ноября 1914 г., после установления позиционного фронта, а на Русском — весной 1915 г.³⁶ К середине 1916 г., по свидетельству польского улана на российской службе Р. Болеславского, «сарафанное радио» на русско-германском фронте работало великолепно, несмотря на незнание иностранных языков солдатами обеих армий.³⁷ Во многом это облегчалось еще и тем, что порой в составе воюющих армий оказывались соплеменники или по меньшей мере представители народов, языковой барьер между которыми был не критическим, особенно это касается славян. Затем, после Февральской революции, братания приняли еще и оттенок рабочей солидарности, так как устраивались теперь не только из-за церковных праздников, но и на 1 мая, для радикальных социалистов братания стали желанным средством подготовки мира без аннексий и контрибуций и/или мировой революции,³⁸ начался обмен листовками, газетами и книгами.³⁹ Более того, в братаниях уже в 1916 г. начали участвовать некоторые младшие офицеры, вступавшие в переговоры и «мирные беседы» с офицерами вражеской армии.⁴⁰ Немецкие офицеры пытались полностью контролировать ситуацию и использовать ее для сбора необходимых данных,⁴¹ не подозревая, что плюсы общения с разлагающейся армией куда меньше угрозы распространения антивоенных взглядов. Активные попытки в марте-апреле и июле-августе 1917 г. артиллерийским огнем предотвратить братания по инициативе австро-германцев все чаще грозили самосудными расправами пехоты с артиллеристами.⁴² Однако обвинения немцев в намеренном содействии движению братаний с целью получения ценной разведывательной информации⁴³ не совсем справедливы, куда более охотно и успешно братались австро-венгерские части, а не германские.⁴⁴ На флоте братания организовать было невоз-

можно, но уже в 1915 г. на линейных кораблях поговаривали, что «все равно, кто победит — Вильгельм или Николай II».⁴⁵

Особенно опасной «весна народов» в России должна была стать и стала для многонациональной армии Австро-Венгрии. Приход к власти молодого (29 лет) императора Карла не привел к расколу на две части, так как новый монарх пользовался в Венгрии едва ли не большей популярностью, чем в Австрии. Более того, симпатии к нему подогревались явным стремлением выйти из тупика, провести сколь угодно резкие кадровые перестановки (лишился своего поста сам Конрад фон Гётцендорф), выйти из-под диктата Германии (за счет династических связей попытались договориться о сепаратном мире с Францией ценой Эльзас-Лотарингии), прекратить застарелые политические конфликты (вновь заработал австрийский парламент, проведена политическая амнистия). Попыталась молодая императорская чета и тонко подыгрывать оживившимся было надеждам национальных меньшинств (причем чуть ли не всех сразу) на грядущую автономию, а то и федерацию.⁴⁶ Если в Германии в ответ на широковещательные заявления Временного правительства и Петросовета можно было указать на успехи социал-демократии и на заявленные идеалы освобождения народов, в том числе на провозглашение независимости Польши, то Австро-Венгрии идти на уступки ради собственного имиджа было почти некуда.

Пальма первенства в конкурсе на «империю зла», «тюрьму народов», «диктатуру и угнетение», ранее сравнительно легко (хотя и, как правило, бездоказательно) присуждаемая Российской империи, теперь переходила к ставшей «страной-оккупантом» Германии и к Австро-Венгрии. В габсбургской монархии уровень сепаратизма был прямо пропорционален военному истощению, а потому власти балансировали на грани повальных арестов националистической интеллигенции. Конечно, определенные шаги, чтобы компенсировать обретенное новой Россией превосходство в уровне свободы ее граждан, были в странах-противниках сделаны. В Германии кайзер в Пасхальном послании обещал избирательную реформу в Пруссии, а рейхстаг позволил себе в июле 1917 г. принять резолюцию о стремлении к «справедливому» миру. В Австро-Венгрии пришлось воздержаться от намечавшейся очередной порции мер против подозрительных национальных

меньшинств, а также заявить через министра иностранных дел О. Чернина о готовности к миру «без аннексий и контрибуций». Большие надежды возлагались и на посредничество особенно благоволившей к Австро-Венгрии папской курии. Однако все эти меры, как и в России — фразы на лозунгах и в газетах — совершенно не устраивали солдат и мало интересовали офицерство.

Несмотря (а, возможно, и учитывая) на прогрессирующее падение боеспособности русских войск, 14 апреля 1917 г. Австро-Венгрия (в рамках резких и почти прямо антигерманских мирных инициатив молодого императора Карла I) фактически предложила революционной России мир, однако доживавший свои последние дни первый состав Временного правительства отклонил этот проект. Особенности военной обстановки на Восточном фронте к началу лета 1917 г. привели к тому, что в официально бескомпромиссной борьбе между Германией и Россией, где обе стороны к этому моменту провозглашали себя освободителями от тирании всех угнетенных народов и обороняющими свое отечество от агрессии деспотизма, наступил немыслимый ранее момент. Теперь и германское, и русское, и уж тем более австро-венгерское командование полагали любые военные действия наступательного характера опасными и даже вредными для определения исхода войны. Германская пропаганда была вынуждена замалчивать,⁴⁷ а не беспредельно преувеличивать, как ранее, тактические успехи весны 1917 г. на Стоходе, ради того, чтобы не пробудить излишней патриотической тревоги в русских войсках, охваченных революционным брожением. Одновременно, уже в мае 1917 г., В. Ленин, рассчитывая, что русский Февральский переворот возымеет в ослабленной голодом и бесперспективностью борьбы Германии, а уж тем более в кайзеровской армии революционный эффект, считал любое русское наступление вредным, так как оно также вызовет подъем патриотизма в немецких войсках и повысит их устойчивость.⁴⁸

В пристальном внимании русских и австро-германских солдат друг к другу, ставшем особенно крепким из-за уважения к стойкости и профессионализму противника, после Февральской революции 1917 г. открылась новая страница. Неоднократные запреты и даже упорные слухи о намеренной провокации ни к чему не привели. Солдатская масса и с той, и с другой сто-

рон была уверена в лояльности противника во время самозванных перемирий. Здесь же выяснилась способность к общению на чужих языках, невзирая на низкий уровень образования. Процветали товарообмен⁴⁹ и, что особенно тревожило немецких офицеров, вольный обмен политическими мнениями. При угрюмом молчании и бессилии русских офицеров летом 1917 г. немецкое офицерство, например, А. Кессельринг на переговорах о перемирии на Дунае,⁵⁰ наблюдало то, что произойдет с их собственной армией на год позже, хотя генерал Гофман даже в Бресте зимой 1917—1918 гг. рассмеялся в лицо русскому адмиралу Альтфатеру, который предрек германской армии такой же развал, какой постиг русскую.⁵¹ Сочувствие к русским офицерам и поверженной империи имело место,⁵² но только в ходе Ноябрьской революции пришедшие в отчаяние кайзеровские офицеры начали подумывать о присоединении к русскому Белому движению,⁵³ так как враг у них теперь один и тот же — большевизм. Во время солдатских мятежей в германских войсках в конце 1918 г. русские белогвардейцы вступались за преследуемых германских офицеров, доходило до кровопролитных боев.

В 1917 г. раскол между здравым смыслом и реальностью продолжения войны выразился в поразительном сочетании смертельных боев, отказа от уборки трупов на поле боя, занятом противником⁵⁴, и почти через день, добрососедских бесед под гармошку. Ощущение, что такое поведение несовместимо и что один из элементов — «перемирие» или непрерывные атаки, в том числе штыковые, — лишний, быстро заставило забыть все победные лозунги начала войны. То, что война радикально меняла не только судьбу, но и кругозор простых солдат, вполне очевидно, однако порой недооценивается то, что не меньшие перемены претерпело и, казалось бы, более мотивированное, теоретически представлявшее себе, что его ждет, и в целом сравнительно образованное офицерство, а в известной степени и генералитет.

Война, несмотря на то что она явилась для многих генералов великолепным тестом на профессиональную пригодность и заставила-таки произвести ряд громких отставок, не смогла кардинально изменить состав военной элиты в российской армии, хотя открыла возможности многим честолюбцам проявить

себя и получить очень высокие награды.⁵⁵ При этом огромная потребность в младших офицерах и дефицит образованных кадров, теоретически подходящих к производству в офицеры после нескольких месяцев обучения, сильно изменили социальный состав младшего офицерства, которое совершенно преобразилось по сравнению с августом 1914 г. Помимо часто упоминаемой пропасти между офицерами и солдатами русской армии образца 1917 г., можно говорить еще об одной, почти сформировавшейся пропасти — между младшими офицерами и высшим командным составом. После Февральской революции сложившееся и сдерживаемое только консерватизмом монархии напряжение в командном составе было разрешено с потрясающей и роковой быстротой.⁵⁶ Неслучайно основным мероприятием военного министра первого состава Временного правительства А. И. Гучкова стала чистка высшего командного состава, проводимая не только из политических побуждений, как было принято считать, но еще и потому, что Гучков, всегда считавший себя специалистом по военным вопросам, давно ратовал за продвижение талантливых, решительных и (на словах) либеральных генералов вроде Крымова, Корнилова или Деникина.⁵⁷ Все они сделали себе имя на этой войне, все до этого участвовали только в русско-японской, а потому были настроены по отношению к имперской бюрократии достаточно критически, не позволяя убедить себя примерами из славного прошлого. Однако они отнюдь не считали русскую армию беспомощной, а ее командование бездарным, хотя и готовы были нещадно обвинять стариков из высших слоев генералитета и придворных из Ставки. Однако вслед за этими далеко не старыми (около 50 лет, а то и младше) честолюбцами шло поколение, вовсе не желавшее сохранить что-либо из прежнего наследия, именно оно составило себе имя в комитетах и комиссариатах, оно же и легко вступало в социалистические партии.

За несколько месяцев место Верховного главнокомандующего перекочевало от члена императорской фамилии, авторитетнейшего в армейских кругах военного (Николая Николаевича) к 36-летнему юристу без военного образования и опыта службы в армии (А. Ф. Керенскому), а затем — и к прапорщику военного времени и бывшему уклонисту (Н. В. Крыленко).⁵⁸

Налиествовал своеобразный эффект сжатой пружины. Очевидное профессиональное превосходство унтер-офицерского состава над офицерами ускоренного выпуска последних месяцев Великой войны наблюдалось не только в русской, но и в германской армиях, но, благодаря Гражданской войне, вопрос о том, кто умеет командовать войсками в современной войне, был разрешен в России окончательно.⁵⁹ Процесс радикального обновления элиты продолжался и в Белой, и в Красной армиях в течение всей Гражданской войны, пройдя несколько этапов кризиса и конфликта между поколениями командиров. Разумеется, процесс радикального обновления офицерского корпуса не мог быть исключительно трагедией,⁶⁰ предоставляя невиданные шансы не только честолюбцам, но и, например, тем, кто мог сделать карьеру в национальных частях просто за счет своей этнической (в том числе мнимой) принадлежности, однако и драматизма хватало.

Процесс отделения от собственно России ее более европейских окраин в сознании ее противников, разумеется, ускорился после Февральской революции, однако в реальности решать их судьбы без учета состояния русского колосса и его будущего было вряд ли возможно. В известной степени долгое время шли поиски возможности отколоть куски соседней империи, а не дезинтегрировать ее. Курляндия, прибалтийские герцогства, Литва, Польша, даже Украина оставались вспомогательными средствами для гарантирования германских земель от возможного в будущем русского вторжения. По мнению Людендорфа, битвы на Востоке в дальнейшем неизбежны.⁶¹ Все чаще и активнее стали обсуждаться различные проекты колониального стиля. Российские пространства и до войны были сферой интересов германского колониального ведомства, которое старалось проконтролировать процесс расселения на Востоке мигрантов из Германии. Теперь эти проекты начали перекраивать ради будущих обширных программ по наделению земель немецких солдат и переселяющихся из глубин России колонистов.⁶²

По ходу войны с неизбежностью одной из важнейших стала колониальная призма восприятия России,⁶³ тем более легко она была усвоена военными, ибо хорошо дополняла идею об оправдании понесенных потерь завоеваниями и ресурсами. Тем не

менее на определенном этапе такое колониальное восприятие российских пространств вступало в непреодолимое противоречие с лозунгом освобождения национальных меньшинств: Германия теперь уже никогда не смогла бы дать им гарантии, что взамен их прежних хозяев, обвиняемых в том, что они — колонизаторы, новыми (или старыми) не станут немцы.⁶⁴ Убедить в этом, например, латышей и эстонцев по понятным причинам не представлялось возможным. При этом дипломаты и политики весьма скептически относились к разнообразным проектам освоения и инкорпорирования земель Востока в Рейх, действительно плохо реализуемым, но ставшим предметом спекуляций в публицистике. После Февральской революции П. Рорбах, словно по заказу немецкой военной элиты, написал новую работу, где уточнялись представления о возможных аннексиях на Востоке и подводилась идейная основа под возможное продолжение войны с резко изменившимся восточным соседом.⁶⁵ В идейном смысле аннексии на Востоке были неразрывно связаны с Россией, несмотря на риторику об освобождении от царской тирании нерусских народов. Выделить Польшу и Прибалтику, а уж тем более Украину в самостоятельный, третий регион, «не-Германию» и «не-Россию» и не просто буфер между ними, в рамках имеющихся представлений и реалий было невозможно, причем в известном смысле вплоть до 1945 г.

Симпатии германской политической элиты (австро-венгерской — в меньшей степени) охотно подстраивались под текущий политический момент:⁶⁶ даже либеральные партии и буржуазные круги с одобрением следили за действиями в 1917 г. российских ультралевых во главе с Лениным.⁶⁷ Не хотелось бы вдаваться в дискуссию о «деньгах Германии для Ленина», чтобы не отвлекаться от основного предмета изложения, в особенности потому, что интересующемуся именно этой проблемой читателю следовало бы обратиться к специальным публикациям по данному вопросу, в которых он может встретить полный набор мнений и приговоров, на свой вкус.⁶⁸

Для военных внимание к таинственным событиям в России было жизненно необходимо из-за безнадежного стратегического положения Центральных держав. Даже не склонный признавать свои поражения Людендорф признавал, что если бы русские

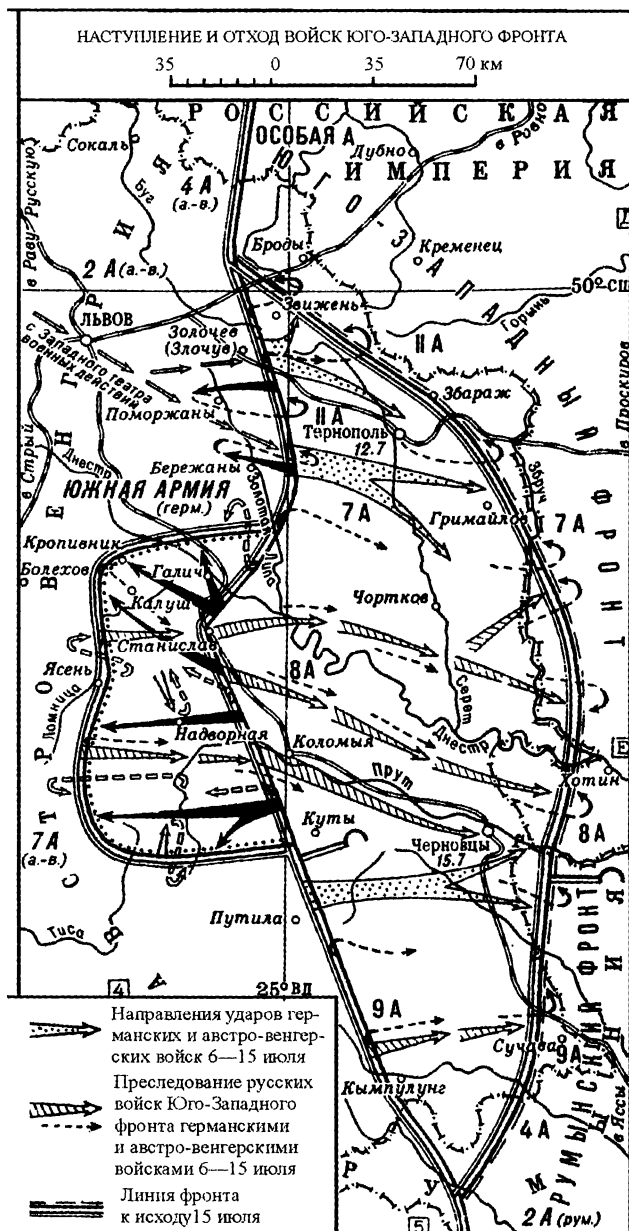
в апреле-мае 1917 г. поддержали наступление Нивеля на Западе, то он не представляет себе, как ОХЛ «вышло бы из создавшегося положения». ⁶⁹ К апрелю 1917 г. благодаря весеннему половодью и при блестящей работе артиллерии, руководимой все тем же Брухмюллером (Прорывом), германские войска смогли ликвидировать опасный Червищенский плацдарм на реке Стоход, где было пролито столько крови солдат русской армии, однако основанием для крупных наступательных планов это не стало. Теперь германские расчеты строились на разлагающем эффекте революции, который ни в коем случае не следовало прерывать вторжением извне. В какой-то степени опыт Французской революции, на который так любили ориентироваться российские политики, сказался и здесь: пруссаки не захотели вновь, как в 1792 г., сплотить разъедаемую внутренними противоречиями нацию просто самим фактом своего вторжения. Новой «Марсельезы» допускать было нельзя, поэтому Керенский и его сторонники охотно пользовались русской версией предыдущей. Именно в мае-июне 1917 г. германским командованием особенно последовательно соблюдался курс на отказ даже от локальных наступательных операций, чтобы не мотивировать русскую армию к боеготовности, не облегчать работу разъезжавшему по фронтам «главноуговаривающему» Керенскому.

Фальшивые триумфы: Галиция, Рига, Моонзундские острова

В отечественной исторической традиции по вполне понятным причинам все события 1917 г. на фронте принято рассматривать исключительно через призму русской революции, порой забывая о том, что для многих тогда она была не основным событием, а лишь следствием и обстоятельством продолжающейся Великой войны. Это особенно верно для тех, кто находился по другую линию фронта от России. Ведь летом 1917 г. грозные признаки опасного революционного брожения дали себя знать во многих армиях, особенно во французской, а также в австро-венгерской и даже на германском флоте. Хотя, например, во французской армии последствия солдатских мятежей

Июньское наступление

Русской армии 1917 г.

были более чем масштабными, последовали и репрессии, но для всех стран-участниц мировая война отнюдь не закончилась. Содержание ее осталось во многом прежним, а революция стала лишь одним из возможных вариантов развития вызванного военным истощением кризиса.

Наступление русской армии все-таки состоялось, оттягивать его, несмотря на усилия австро-германских войск не провоцировать конфликт, проантантовское Временное правительство более не могло. Определенные надежды не только в русских, но и в англо-французских, а также в американских политических кругах возлагали на достигший тогда своей кратковременного апогея культ Керенского. Хотя корнями своими популярность военного министра уходила в специфически русскую традицию отношения к главе государства,⁷⁰ «демократический Запад» полагал, что мобилизационного эффекта вкуче с усиленным военно-техническим сотрудничеством с окрепшей в техническом отношении русской армией, а также порции кредитов будет достаточно для решающего удара по Австро-Венгрии. На победу над германской армией, к тому моменту потопившей в крови попытки союзников наступать не только в Шампани, но и во Фландрии, фактически не рассчитывали. 1 июля 1917 г. начался так называемый 2-й Брусиловский прорыв, куда лучше обеспеченный техническими средствами и огневой поддержкой. Главный удар вновь наносился в Галиции, но были и вспомогательные атаки: на фронте по Двине, под Крево, Барановичами. Почти везде был достигнут по меньшей мере начальный успех, а Юго-Западный фронт и вовсе на некоторое время погрузился в победную эйфорию. Вновь захватывали множество пленных, брали богатые трофеи, австрийские части являли явные признаки разложения. Показали себя в бою и создаваемые национальные части, главным образом чехословацкие и польские. Готовились к переходу в наступление с помощью переподготовленной румынской армии и в Молдове. Однако почти сразу победные фанфары стали сменяться какофонией совсем других известий. В ряде случаев состоялись не только плохо прикрытые попытки саботажа наступления, но и открытые отказы исполнять приказы, причем по постановлению разного уровня комитетов. Воцарившийся в головах и в ре-

чаха хаос из обрывков революционных фраз, символов, клятв, обвинений и деклараций, а также немыслимые ранее «степени свободы» в отношении элементарных правил поведения на фронте и даже в боевой обстановке⁷¹ полностью дезориентировали не только солдатскую массу, но и офицеров военного времени и даже некоторых кадровых обер-офицеров.

Через три недели от бурных надежд на славные свершения армии свободной России не осталось и следа. Наступательный порыв трансформировался в халатность и мародерство, поэтому отражать контрудар германских резервов под Тарнополем оказалось некому. Конечно, даже в обстановке, достаточно точно охарактеризованной в знаменитой телеграмме Корнилова Керенскому («Армия обезумевших, темных людей бежит»), нашлись отдельные части, сумевшие спасти хотя бы свое честное имя. В частности, в эти июльские дни состоялся эпический финал более чем двухвековой истории первых полков русской гвардии, Семеновского и Преображенского. Петровская бригада попыталась спасти от провала чуть ли не весь Юго-Западный фронт. Однако общего итога это изменить не могло. К концу августа вся Галиция, впервые за три года войны, была для русской армии потеряна. По недомыслию и преступной халатности были оставлены важные позиции и на других участках фронта, в том числе те, за которые еще недавно было заплачено тысячами жизней. Определенным утешением была только упорная и успешная оборона на Румынском фронте, где в ожесточенных боях под Марештами и Марашештами было продемонстрировано, что не подвергшаяся революционному разложению румынская и менее распоясавшаяся вдаль от столицы часть русской армии австро-германским войскам не по зубам, по крайней мере без привлечения дополнительных резервов.

Несмотря на то что М. Гофман уверял, что к наступлению русских армий он готов, а блестящий контрудар против русских армий, осуществивших прорыв в Галиции, прошел без всяких тревожений, он не мог сдержать удивления: «Удивительный народ эти русские!.. они уже в течение двух дней яростно наступают огромными силами. Ничего подобного мы до сих пор не видели на Востоке. Против одной нашей дивизии — 7—8 русских. Это даже больше, чем я ожидал».⁷² Бес-

покойство германского командования, уверенного, что после «бойни Нивеля» крупного наступления от французов можно более не ждать, доказывают переброски ряда дивизий на Русский фронт летом 1917 г. И это были отнюдь не только полностью измотанные боями войска, отправленные «на отдых», но и полноценные в боевом отношении дивизии, в том числе даже гвардейские. Общая численность германских войск на Русском фронте перестала сокращаться и стабилизировалась на достаточно высоком уровне, вплоть до октября 1917 г. В желании еще раз подчеркнуть мужество германской армии Людендорф доходил даже до преувеличения опасности, исходившей от русских войск во время «наступления Керенского», одновременно снисходительно замечая, что это «уже не были прежние русские солдаты».⁷³ Уже после позорного бегства русских армий Юго-Западного фронта германское командование оказалось удивлено неожиданно упорным сопротивлением противника на Румынском фронте и в Буковине, сказывались жесткие меры по наведению порядка ген. Корнилова.

Положение Обер Оста усугублялось летом 1917 г. заявлением военного министерства о том, что пополнять будут только части Западного фронта, тогда как для Восточного фронта людских ресурсов нет.⁷⁴ В скорый сепаратный мир с Россией даже после позорного поражения русской армии в Галиции в ходе летнего наступления 1917 г. Обер Ост не особенно верил, даже в конце сентября планировалось наступление Макензена против Румынии, а не России, с целью полной оккупации первой и вывода ее из войны по договору с прогерманским правительством. Однако, к негодованию многих германских военных специалистов на Русском фронте, в том числе будущего создателя рейхсвера Г. фон Секта, и в связи с назревающим крушением австро-венгерской обороны на Итальянском фронте после 11 сражений на реке Изонцо было принято решение от масштабных операций против Румынии отказаться в пользу попытки радикально изменить обстановку в Альпах.

Новый раунд внутривосточной борьбы в России, связанный с так называемым Корниловским мятежом, а также раздраженное желание германской Ставки подтолкнуть Керенского к признанию бесперспективности дальнейшей войны привели

к Рижской операции. В начале сентября германская армия после блестящей артподготовки с использованием химических снарядов, тактика которой — «гутьеровская» — была положена затем в основу прорывов на Итальянском и Западном фронтах, решила важнейшую оперативную задачу последних двух лет: овладела всем Рижским укрепленным районом, а также впоследствии важными плацдармами на Западной Двине за исключением Двинска. Относительно упорное сопротивление на фоне полной дезорганизации и хаотических чисток в офицерском корпусе русской армии по поводу «корниловщины» оказали главным образом латышские стрелки,⁷⁵ однако этим они смогли лишь выиграть время для поспешного отступления остальных сил на тыловые венденские позиции. Из-за быстрого отхода пленных на этот раз взято было немного. Вскоре выяснилось, что так далеко продвигаться вперед немцы и не планировали, а потому после некоторой растерянности русские войска даже перешли в «контрнаступление», осторожно приблизившись к новой линии германской обороны. К столь быстрому успеху германская Ставка была не готова, да и не стремилась к большому. Громадная по возможным последствиям победа обратилась в очередной локальный, пусть и хлесткий, удар по революционной России и ее самолюбию. Следствиями были и очередной поток беженцев, и усиленное обсуждение возможных мер по эвакуации ближайших городов, и очередные проекты формирования по-настоящему готовых сражаться за свободу революционных частей, так как ударные батальоны, батальоны «смерти» оказались дискредитированы своей близостью к Корнилову, мнимой или истинной.

Захват 1—5 сентября 1917 г. почти полумиллионной столицы Лифляндии Риги, а также вообще овладение важным рубежом Западной Двины было громким успехом, однако в России он не столько породил стремление к миру, сколько дал повод к новому витку травли командования. Большевики, чтобы отвести от себя обвинения в содействии германскому наступлению, начали (и затем десятки лет декларировали) заявлять о том, что Корнилов специально сдал Ригу немцам, хотя эта версия не выдерживает даже простого хронологического сопоставления. Желаемый германской Ставке вывод о безусловной необходи-

мости заключить мир в проигранной войне сделал последний военный министр Временного правительства генерал-майор А. И. Верховский, однако, несмотря на открытое заявление об этом на заседании правительства 31 октября и угрозу отставкой, добиться соответствующих изменений в политическом курсе Керенского он не мог.

Не дождавшись нужного эффекта от очередного поражения, хотя Керенский и распорядился о подготовке эвакуации части правительственных учреждений в Москву, германское командование попыталось еще раз оказать давление за счет угрозы Петрограду. К октябрю 1917 г. под влиянием обострявшегося внутривосточного конфликта и роста аннексионистских настроений германское командование окончательно потеряло терпение и отказалось от прежней выжидательной тактики по отношению к России. Не имея сил для организации громадного наступления через Лифляндию, Нарву и Псков, германские вооруженные силы провели уникальную для Центральных держав совместную операцию армии и флота по захвату Моонзундских островов, являвшихся важнейшим звеном в оборонительных позициях Балтийского флота. «Альбион» прошел чрезвычайно успешно на суше и неожиданно непросто на море. Хотя помешать захвату фактически сданных армией островов русские корабли не смогли, но они все же оказали упорное сопротивление германскому флоту, дав ему крупнейшее сражение за всю войну. К концу октября 1917 г. все Моонзундские острова были под контролем понесшей незначительные (по официальным данным — 195 человек) потери германской армии.⁷⁶ Отступившие на континент остатки их гарнизона готовились отражать будущее наступление на Ревель, Рижский залив наконец перешел под контроль германского флота. Но на этом итоги операции и ограничивались: к выводу России из войны Германию она не приблизила, а действия находившегося под сильным большевистским влиянием Балтийского флота показывали, что вполне серьезная угроза Петрограду не парализует, а наоборот, лишь мотивирует разложившиеся русские войска, а особенно большевизированный флот к сопротивлению, чего так опасались еще весной 1917 г. С военной точки зрения, приложенные Германией усилия в этом сражении были явно избы-

точные,⁷⁷ а результаты почти не окупили неожиданно больших материальных затрат, так как удар имел смысл только в случае намерения в дальнейшем атаковать Петроград. Некоторым основанием для легко предсказуемой и потому только внешне блестящей победы (которая оспаривается в отечественной историографии из-за преувеличиваемых потерь германского флота) была необходимость поднятия боевого духа среди матросов, так как только недавно, в августе 1917 г., был раскрыт весьма опасный заговор, последовала казнь двух зачинщиков.

В целом же проведенные летом-осенью 1917 г. операции по соотношению потраченных сил и полученных результатов выглядели вполне выгодными для Германии, однако они не имели стратегических последствий (не считая, возможно, еще раз отложенного, но шедшего своим чередом и без внешних неудач развала австро-венгерской армии и захваченных сельскохозяйственных угодий, важных с учетом голода в Центральных державах), а потому, контрастируя с большими надеждами на мир, приводили к эффекту разочарования, ощущения напрасных усилий и бесперспективности дальнейшего продвижения на восток. Время по-прежнему играло против Центральных держав, и доказательства тому должны были последовать вскоре на всех фронтах, кроме Русского и Итальянского.

Накануне Октября: каким его ждали и каким увидели

К настоящему моменту все чаще принято отказываться от разделения революции 1917 г. на две, что по-своему верно в рамках концепции Великой русской смуты.⁷⁸ Тем не менее, с точки зрения событий на Русском фронте, Февраль и Октябрь оказались достаточно разными. Если весной 1917 г. еще возможно было обманываться надеждами на быстрый победный прорыв обновленной и очищенной от «пережитков царизма» армии, то к концу осени 1917 г. таких иллюзий не осталось даже у энтузиастов «великой и бескровной». Хотя линия фронта несколько изменилась, короче она не стала, скорее, наоборот. Это означало необходимость дальнейшего ее удержания для

обеих сторон, притом что внушительные ресурсы были потрачены и в ходе последней кампании. В России к ноябрю 1917 г. на сохранение хотя бы пассивного Русского фронта — и то в свете по-прежнему недалекой победы — надеялись только исходя из различных проектов добровольческих и национальных частей, начатки которых и стали потом важным этапом в развитии будущих красных, белых⁷⁹ и национальных армий. В Австро-Венгрии положение было бесспорно безнадежным со всех точек зрения, ведь армия явно деградировала, а признаки нервного истощения все чаще встречались и у штабного офицерства. Удержание фронтов, пусть и не угрожающих более ее территории, для двуединой монархии казалось непосильной задачей. В Германии за 1917 г. сумели провести максимально возможную оптимизацию состава фронтов, перемещая корпуса с одного на другой в зависимости от степени их истощения, однако и этому методу были положены пределы. Русский фронт становился фронтом для ополченцев даже не из ландвера, а из ландштурма (то есть допризывников и списанных с воинского учета), что и для Германии превращало его в максимально статичную обузу. Казалось парадоксом то обстоятельство, что наступать вроде бы возможно, только в этом не видно скольконибудь оправдывающего потери смысла.

В конце октября 1917 г. на Западном фронте возобновились атаки французов, а среди пленных стали попадаться американские солдаты. Антантовская пропаганда раструбила на весь мир о победах в Палестине, где войска Британской империи вскоре взяли Иерусалим. Разочарование германской военной элиты итогами кампании 1917 г. видно из фразы В. Грёнера, писавшего 3 ноября по итогам победы под Капоретто, что «так же, как летом верили в крушение России, теперь надеются на то же самое с Италией».⁸⁰ Именно поэтому даже «Декрет о мире» не сразу был воспринят как доказательство действительно нового этапа в участии России в Великой войне. Некоторое время в Германии полагали, что большевистский путч закончится быстрым его подавлением, Керенский или иная коалиция социалистов вернется к власти, но к 15—17 ноября хотя бы временная победа Ленина в столицах стала фактом, а потому германские переброски оживились. Принципиальный характер

очередной смены правительства был многим неочевиден даже в самой России.⁸¹ Это было очередным и почти чудесным спасением Германии и ее союзников от неминуемого вскоре поражения: ведь подводная война давала все меньшие результаты, фронт в Италии стабилизировался окончательно, а на Западном фронте с трудом сумели локализовать кризис под Камбре, запомнившийся действительно успешной и массовой атакой танков. Мятежи и разгром Ставки в Могилеве 1—3 декабря (его детали — зверское убийство последнего главковерха Духонина — были пока неизвестны), прямое обращение с предложением о мире убедили германское и австро-венгерское командования, что на этот раз, в отличие от весны 1917 г., можно и впрямь надеяться на мир с Россией, в том числе сепаратный.

Пристальный интерес и желание сориентироваться в том хаосе, который поразил еще недавно грозного противника, позволили немецким военным лучше разобраться в еще формально враждебной стране эпохи первых декретов Советской власти.⁸² Генштабисты с обеих сторон последовательно продолжали выполнять свою задачу, без излишнего восторга или возмущения в середине 1917 г., а в ноябре-декабре 1917 г. — с недоверием и готовностью к возобновлению серьезных боевых действий.⁸³ В этом процессе развала российской армии, дискредитации и даже порой резне офицерства в 1917 г., очевидного бессилия еще недавно выдерживавшего серьезные испытания российского бюрократического аппарата австро-германским военным аналитикам многое могла бы объяснить информация о кадровой эволюции армии русского противника. Однако для этого необходимо было признать весьма схожие и столь же грозные для стабильности процессы внутри уже германских вооруженных сил, а на это не хватало ни желания, ни политической воли.⁸⁴ Последствия недооценки и отсутствия должной рефлексии по поводу кадровых перемен в российской армии сказались осенью 1918 г. самым печальным для германской военной элиты образом.

Отличие революционной России от Германии и тем более Австро-Венгрии заключалось в том, что такие же и даже более широкие возможности для самореализации и использования единственного в своем роде шанса стать новым Бонапартом

открылись в нашей стране, скорее, в ходе Гражданской войны, нежели в ходе мировой. Именно поэтому такие личности, как М. Н. Тухачевский, устремились в РККА, так как в белых армиях вакансии стали не более льготными, а наоборот, девальвировали до последней степени — отсюда и офицерские полки Добровольческой армии, где рядовыми ходили в атаку поручики, штабс-капитаны и даже капитаны. Пока сохранялась монархия в России, оставалась неизменной ситуация с карьерным ростом в офицерском корпусе с традиционным упором на старшинство в производстве в чин, nepoтизмом и крайне незначительными шансами возглавить армейский корпус в возрасте младше 55—60 лет. Переприсяга Временному правительству не слишком обновила командный состав, ведь лишь единицы отказались клясться в верности повторно. Чистки генералитета Гучковым, ряд громких убийств и добровольный уход в отставку значительного количества офицеров и генералов по мере развала армии при Временном правительстве, а особенно в связи с выступлением Корнилова — все это существенно омолодило и обновило верхние этажи военной иерархии, теперь занимаемые полковниками и генерал-майорами, однако только большевистский переворот расколол военный аппарат окончательно, открыв дорогу к вершинам прапорщикам, поручикам и штабс-капитанам императорской армии, причем не только у красных, но и у белых.

Возможно, с лета 1917 г. и вплоть до ноября 1918 г. трансформировалась еще одна, специфическая для Первой мировой войны, составляющая европейского, а особенно немецкого образа в России и русского в Германии, все более учитываемая в военной среде, — межсоциалистические контакты. Казалось бы, после памятного голосования в рейхстаге 4 августа 1914 г. за военные кредиты и фактического развала Интернационала ни о каком единстве социалистов мира, тем более на его довоенном уровне, не может быть и речи. «Социал-национализм» в Германии подкреплялся и личным примером, например, один из видных молодых партийных деятелей СДПГ Людвиг Франк, депутат рейхстага, отправился добровольцем на войну и погиб за Отечество уже в сентябре 1914 г.,⁸⁵ лидер баварских социал-демократических молодежных организаций М. Шварц быстро

получил Железный крест. Во Франции и в России на позиции оборончества прочно встало большинство социалистов, а многочисленных радикалов подвергли не только официальным преследованиям, но и партийной анафеме. Однако даже осужденные большинством социалистов итоги попыток воссоздать довоенное социалистическое единство (имеются в виду Циммервальдская и Кинтальская конференции 1915 и 1916 гг.) продемонстрировали, что контакты надгосударственного, наднационалистического уровня в социалистическом движении остаются.⁸⁶

Разумеется, особые коллизии претерпели и иные каналы политических контактов между правящими кругами трех консервативных империй. Тяжелую трагедию довелось пережить не только консерваторам, но и умеренным либералам (например, С. Ю. Витте и М. Веберу), уверенным в неконструктивности конфликта между огромными империями континента, что в конечном счете пойдет на пользу морским державам Запада. Оборвались тысячи нитей между двумя немецкоязычными великими державами с одной стороны и громадной империей на Востоке, лишь претендующей на чисто славянский характер, — с другой. В условиях затянувшейся войны это казалось естественным, но временным явлением, однако тотальный конфликт закончился крахом консервативных монархий, поэтому «временный» и порой очень неохотный разрыв между элитами Германии/Австро-Венгрии и России стал бесповоротным и окончательным. Причиной тому было отнюдь не нежелание примириться. В годы войны среди консерваторов по обе стороны фронта крепло убеждение, что сепаратный мир будет не изменой Родине, в чем их так упорно обвиняли либералы, а наоборот, ее спасением. До масштабных проектов добиться сепаратного «консервативного» мира так и не дошло, в первую очередь из-за лояльности российских консерваторов к занимавшему в этом вопросе непреклонно-отрицательную позицию Николаю II. Лишь после его ареста и гибели крайне правые стали искать более активных контактов с Центральными державами. Тем не менее, в вихре революций и гражданских войн прежние, консервативные элиты были уничтожены, в том числе и физически, а потому ни о каком восстановлении былых контактов (за некоторым исключением в виде эмигрантских

съездов) не могло быть и речи. Никаких шансов на возобновление диалога не осталось у прочно связанных с англо-франко-американской коалицией либералов. Так, попытки П. Н. Милюкова⁸⁷ переориентироваться летом 1918 г. на Германию вызвали отторжение у большинства его соратников. Таким образом, с лета 1917 г. своего рода монополию на то, чтобы стать главным каналом дальнейшего русско-немецкого культурного диалога, получили социалисты разной степени радикальности.

Необходимость иметь четкую позицию по вопросам мира и войны заставляла крупнейших германских социал-демократов выступать с заявлениями и выпускать монографии,⁸⁸ на которые следовали отклики из стран-противников. В марте 1917 г. русские социалисты из Петросовета предоставили германским социал-демократам шанс возобновить даже в рамках войны самостоятельный и независимый от соблюдения государственных и военных интересов диалог, однако разговаривать с более свободной страной, чем Германия, без обвинения в государственной измене (по примеру К. Либкнехта и Р. Люксембург) германские социал-демократы не смогли.⁸⁹ Вплоть до большевистского переворота как официальная, так и умеренно-социалистическая пропаганда Германии находилась в очевидном затруднении. После событий ноября 1917 г. затруднения только возросли, ибо леволиберальная интеллигенция, надеявшаяся на превращение «военного социализма» в Германии в преддверии перехода к демократии,⁹⁰ неожиданно убедилась, что социализм может быть реализован и «татарством» и ничего общего с демократией не имеет. Возмущали и непредсказуемость хода и темпа русской революции, и нежелание русских социалистов признать казавшиеся столь очевидными немцам минусы дальнейшего союза с Антантой. По мере ухудшения экономического положения Центральных держав нервозность и озлобление как в парламентах, так и во дворцах и штабах нарастали.

Отчаянная надежда на чудо заставляла Людендорфа в октябре 1917 г. заявлять, что «если мы продержимся эту осень, мы выиграем войну»,⁹¹ поэтому события 7—8 ноября 1917 г. пришли как нельзя кстати. При этом восприятие очередной революции было на эмоциональном уровне резко отрицательным, в оценках М. Гофмана доминирует выражение «свинство».⁹²

Октябрьская революция, совпавшая с окончательным оформлением разгрома итальянцев под Капоретто, дала сигнал к подготовке будущего решающего натиска на Западе, первое совещание о котором Людендорф провел 11 ноября 1917 г. и начал словами: «...положение в России и Италии позволяет в новом году нанести удар на Западе».⁹³ Тем удивительнее были быстрые перемены в положении на фронте после переворота в Петрограде, к 30 ноября из 125 русских дивизий (по немецким оценкам) 20 подписали перемирие с противником на своих участках, остальные просто воздерживались от любых действий.⁹⁴

Вплоть до конца 1917 г. проекты передела Восточной и Южной Европы базировались на том, что интересы России совсем не учитывать не удастся, хотя по сравнению с «мирным предложением» декабря 1916 г. с весны 1917 г. акцент на аннексиях становился все более сильным. Если на Западе даже самые радикальные аннексионистские проекты опирались на некоторую историческую традицию (аллюзии со временами расцвета Священной Римской империи), то на Востоке от германского командования и правительства фактически требовалось создать государства заново, в границах, в которых они никогда не существовали. Однако, как бы внимательно и рационально военные аналитики и разведка ни относились к различным националистам с окраин Российской империи, германские проекты государств-сателлитов всегда являлись частью замысла создания буферных государств между Кайзеррейхом и Российской империей, в окончательный крах которой вплоть до Октябрьской революции было трудно поверить.

Явно антизападный характер большевистской революции оставлял Германии надежды на прочный союз на основе общей вражды с Антантой и ее союзниками в лице белых армий. Среди немецкой интеллигенции постепенно сформировались несколько движений, выступавших за союз с большевиками, несмотря на их радикальные воззрения и действия.⁹⁵ Политическая элита, особенно близкое окружение кайзера, в ходе переговоров в Бресте мыслила феодально-династическими категориями, строя разнообразные утопические проекты раздела будущих германских приобретений между царствующими домами. Саксонская или вюртембергская династии должны были получить

польский престол, боковая ветвь Гогенцоллернов — воцариться в Прибалтике, был выбран король Финляндии из Гессена и т. д., что доказывает абсолютную неспособность кайзера, уже занявшегося разработкой своего герба герцога Курляндского, и его окружения выйти на стратегический уровень планирования.⁹⁶

Германские военные, в отличие от политиков и интеллигентов, имели непосредственный опыт общения с большевиками в ходе переговоров в Бресте и затем — в ходе оккупации западных областей бывшей Российской империи и потому так же прагматично, но более трезво оценивали перспективы сотрудничества с новым Советским правительством. Тем не менее, среди военных были сторонники заключения с поверженной Россией умеренного мира (Сект, Брухмюллер, Гофман), так как они рассматривали Россию как будущего союзника или ценного нейтрального партнера на втором этапе глобальной мировой схватки,⁹⁷ когда вновь станет возможным обратить все силы против Великобритании. Россия даже в ослабленном революцией состоянии представлялась достаточным противовесом англо-американскому альянсу.⁹⁸ Уже в конце декабря 1917 г. германская комиссия отправилась в Петроград для оценки сырьевых возможностей России и состояния ее экономики, придя, однако, к верным и потому неутешительным выводам, особенно относительно транспорта.⁹⁹ В 1917—1918 гг. некоторые отделы Генштаба даже разрабатывали планы действий в ходе будущей, второй, мировой войны.¹⁰⁰ Еще до начала переговоров в Бресте, 29 ноября 1917 г. кайзер дал статс-секретарю по иностранным делам Кюльману поручение: выяснить, нельзя ли добиться с Россией «своего рода союзнических и дружеских отношений», поскольку так же, как и после русско-японской войны, «достичь этого будет легче, чем мы сейчас полагаем».¹⁰¹ 3 декабря 1917 г. Кюльман направил кайзеру меморандум, в котором излагал программу обширного сотрудничества и помощи России с учетом того, что Австро-Венгрия попытается конкурировать с Германией на этом направлении, и Вильгельм II с его доводами согласился. Наряду с этим уже в середине 1918 г. германское ОХЛ выступило с проектом, который основывался на новой концепции восприятия России. Теперь Германия должна была быть бастионом против большевизма, чья культурно-историческая миссия — защита

Восточной Европы от деспотизма, ранее бывшего «московитским»,¹⁰² а теперь — большевистским. Формальный проигрыш Россией военной борьбы на Русском фронте не устранял опасений относительно ее мощи в ближайшем будущем.¹⁰³ Эта позиция была быстро сформирована за счет старой и устоявшейся концепции особой миссии Германии — защита Европы и христианства от агрессии из Азии (имеется в виду и Россия) и борьба против «славянской агрессии и притязаний».

Для Австро-Венгрии Октябрьская революция и последующий развал русской армии могли показаться подарком судьбы, однако в действительности безусловно положительным следствием этого для умирающей с голоду двуединой монархии стали лишь надежды на оживление поставок продовольствия из бывшей Российской империи, долгое время крайне преувеличенные. С военной точки зрения состояние Русского фронта не внушало расположившейся на курорте Баден под Веной Ставке во главе генералом Арцем фон Штрауссенбургом никаких опасений: после вытеснения русских армий из Галиции и боевой ничьей на Румынском фронте можно было смело рассчитывать на вялую позиционную войну, которая вполне устраивала редующую австро-венгерскую армию. Более того, сохранение достигнутого к осени 1917 г. status quo позволяло даже выделить некоторые резервы для их задействования в частных наступательных операциях в Италии (в которых Германия, обеспечив разгром противника под Капоретто, была не заинтересована) или для укрепления внутривосточной стабильности. С другой стороны, оживление после перемирия контактов с революционной Россией на демаркационной линии означало усиление революционного брожения и в австро-венгерской армии, а потому в Вене желали либо прочного мира (даже на условиях «без аннексий и контрибуций»), либо затишья на фронте, но только ни того, что впоследствии пытался организовать Троцкий — «ни мира, ни войны». Строившиеся тогда большевиками планы на распространение мировой революции за счет всеобщего перемирия если и были верны, то лишь в отношении Австро-Венгрии, где действительно вспыхнули серьезные беспорядки. Они были подавлены так же, как и в Берлине, но оказали куда большее воздействие на руководство страны.

З а к л ю ч е н и е

ВОЙНА, ОКОНЧЕННАЯ НА БУМАГЕ

После начала в декабре 1917 г. мирных переговоров в Брест-Литовске наступила новая эпоха во взаимоотношениях Германии и России. Заключение перемирия 15 декабря 1917 г., — именно перемирия, а не Брестского мира! — положило конец тому, что корректно было бы называть «Русским фронтом». Разумеется, боевые действия на этом лишь прервались, но далеко не окончились, поэтому война не остановилась, не исчез даже и фронт — он остался и в географическом, и в количественном, и в организационном измерении, причем с обеих сторон. Однако в декабре 1917 г. его превращение во фронт иной войны, частично совершенно иного набора сторон, его болезненная трансформация в арену многоуровневого конфликта стала необратимой. Вплоть до большевистского переворота и даже до захвата большевиками Ставки и убийства 3 декабря 1917 г. Н. Н. Духонина многие генералы распадающейся русской армии продолжали питать надежды на продолжение противостояния с Центральными державами силами пересозданной на ином, чуть ли не добровольческом принципе армии и с помощью казавшихся неистошимыми «союзников». Последний главнокомандующий упорно готовил эвакуацию Ставки в Киев, а также разрабатывал план действий на случай нового крупного отступления к расположенным еще восточнее естественным рубежам. Перемирие в Бресте, сопровождавшееся интенсификацией первого этапа того, что несколько неточно принято называть Гражданской войной в России, привело к исчезновению русской армии еще до заключения мира. Конечно, с этим были согласны и осознавали это далеко не все, и не только по

ту сторону фронта, превратившегося вдруг скорее в зону усиленного информационного обмена, контрабанды и канал для перехода на нелегальное положение. И в Берлине, и в Вене, и «левым большевикам» в Петрограде пришлось вскоре прямо на ходу осознавать, что Русский фронт стал антибольшевистским, Украинским, а для Центральных держав наконец и попросту, без уточнений — Восточным, но только не «русским» в прежнем смысле этого слова.

В первые же недели после предложения советского правительства о мире германское командование резко активизировало взаимодействие и переписку с различными имперскими ведомствами относительно дальнейшего использования России и ее богатств для продолжения войны с Антантой. Характерно, что на деле германская военная элита оказалась не готова к развалу Российской империи, так как в проект Срединной Европы пространства Белоруссии, Украины и даже Литвы не вписывались, а иных вариантов масштабного переустройства Европы при крахе надежд на господство на море не существовало. Фактически германские элиты оказались способны планировать будущее только Конгрессовой Польши — остальные территории Российской империи отдавались на волю импровизированных псевдогосударственных проектов. Ослепительные перспективы долгожданного и все же неожиданного и полного развала империи на востоке немедленно дополнились ожесточенной борьбой за передел наследства, а спланируемые до того только общей угрозой союзы между членами прогерманского альянса затрещали по швам. Несколько месяцев Людендорф верил в возможность радикального вмешательства во внутренние дела и экономику России, чтобы вовлечь все ее территории «до Урала» в германский экономический механизм, решив проблему сырья и продовольствия и перестроив инфраструктуру (железные дороги).¹ При этом первоначальные условия перемирия вызывали у ОХЛ «разочарование»,² а претензии Австро-Венгрии на польские территории — опасения за судьбу Силезии в случае будущей войны с нынешним союзником.³ Неуступчивость «русских» и неясность модели поведения советской делегации, утопичность ее истинных целей заставили германское руководство уже 15 декабря 1917 г. принять решение о начале отдельных пе-

реговоров с самостоятельной, точнее — с антибольшевистской, Украиной.⁴

Тогда представлялось, что неизбежный эпилог противостояния на Русском фронте будет сводиться только к урегулированию территориальных и финансовых претензий. Однако вскоре выяснилось, что порожденные войной социально-экономические процессы (в особенности миграции) необратимы и требуют громадной и скоординированной работы. Попытки победившей Германии механически восстановить довоенный «порядок», например в торговых связях, разбивались о то, что по другую сторону сохранившегося, но уже иного фронта были твердо намерены строить пусть и экспериментальный, но ни в коем случае не довоенный порядок. Партнеры Германии и вовсе были готовы лишь к перераспределению наскоро захваченных пространств и ресурсов, но не к переустройству разрушенной войной системы взаимоотношений. Насыщенная история последующих немногих месяцев «послевоенных» отношений, пока официально был в силе Брестский мир и связанные с ним договоры, представляет собой отдельную и во многом более сложную страницу истории Центральной и Восточной Европы, которая нуждается в особом изложении. К этому вынуждает необходимость анализа громадного количества важных событий, которые при всей быстротечности ничуть не теряли в значимости, как это всегда бывает в точке исторической бифуркации. 9 месяцев между мартом и декабрем 1918 г. (да и последующие полгода) по насыщенности значительно превышают предыдущие 45 месяцев, если считать с июня 1914 г. Необходимость исключения этого короткого периода из повествования о Русском фронте, несмотря на полную его преемственность по отношению к противостоянию трех империй, связана с тем, что в полном смысле эпилогом, имеющим по отношению к истории Великой войны лишь подчиненное значение, эта эпоха не являлась. Это касается не только России, но и Германии, и Австро-Венгрии, точнее, тех государств, что сформировались на ее развалинах. Разумеется, было бы неверно и отказаться от краткого обзора этих событий, особенно в той их части, что касалась попыток действовать в рамках логики предшествующего противоборства. Именно такая манера была характерна для во-

енного и политического руководства Германской империи, что и предопределило судьбу их Ostpolitik.⁵

Уже в январе 1918 г. Гинденбург в письме на имя кайзера заявил, что недостаточные территориальные требования на Востоке «несовместимы с достоинством Германии», не окупают жертвы германского народа, результаты переговоров оказывают «неблагоприятное влияние на моральное состояние армии». В этом же документе Гинденбург обрушивался с критикой на ведущих переговоры в Бресте фактического главу Обер Оста Гофмана и возглавлявшего германское дипломатическое ведомство Кюльмана, как сторонников умеренного мира, считая их действия вредными для судьбы монархии и Пруссии.⁶ Старые аргументы о том, что присоединение слишком больших территорий на Востоке противоречит интересам Германской империи, так как приводит к обострению национальной проблемы, были отвергнуты. Под эгидой Людендорфа в Германии уже разворачивались колонизационные программы и сообщества, готовившиеся осваивать занятые земли в Курляндии и раздавать их солдатам.⁷ Ни в тылу, ни на фронте не видели в этом ничего особенного, так как масштабы немецкой колонизации востока Европы заставляли немцев поверить в естественность ее продолжения, но уже без санкции свергнутых Романовых. Именно поэтому условия Брестского мира были столь легко восприняты в Германии как относительно умеренные.⁸ Конфликт между правительством и ОХЛ нарастал, так как обычно уступчивый канцлер Гертлинг вступился за свое право самостоятельно направлять ход переговоров.⁹ Накал страстей был так велик, что Людендорф и Гинденбург начали публично нарушать субординацию по отношению к кайзеру, поддерживавшему сторонников умеренных требований.¹⁰ Дуэт начал ссориться даже друг с другом. Людендорф в ярости, в состоянии нервного срыва заявил, что «немецкий народ ставит его выше, чем персону кайзера».¹¹

Позиция военных окончательно возобладали после заключения «хлебного» (и тоже Брестского) мира с Украиной и разрыва переговоров с Советами 10 февраля 1918 г., прошедшего в связи со знаменитой формулой Троцкого «ни мира, ни войны», однако канцлеру удалось настоять на том, чтобы возобновление

германского наступления хотя бы выглядело как «спасение от разбойников».¹² Дискуссии между элитами Германии по украинскому вопросу выявили противоречия, которые остротой не уступали проблематике неограниченной подводной войны, однако Людендорф на этот раз был полон решимости во что бы то ни стало добиться нужного для наступления на Западе решения по Востоку. Военные вмешались в переговоры, а затем и вовсе взяли их судьбу в свои руки, что было вполне закономерно и показательно. Немецкая государственная машина и дипломатия, стремившиеся оставаться в рамках традиционных представлений и техник ведения международных переговоров, оказались до парадоксального бессильны перед экстравагантным даже по большевистским меркам решением Троцкого. Советы действовали в принципиально иной логике и тактике, порожденной тотальной войной, поэтому на их действия германское правительство всегда реагировало с позиции атакованного. Возможно, даже парадоксальная формула Троцкого «ни мира, ни войны» оказалась принятой и кое-как истолкованной МИД всех стран Четверного союза, если бы возобладала позиция Кюльмана, но ОХЛ не допустило этого. Тотальная мировая война, породив непосильные для «старого порядка» в Германии явления, сама же и дала противоядие — диктат военных, ставший выше не только внутри-, но и внешнеполитических нюансов, символом чего и стала операция „Faustschlag“, то есть «удар кулаком». Именно это, столь дорого обошедшееся разрубание гордиева узла, и было единственно приемлемым для сложившейся в правящих кругах Кайзеррейха обстановки и текущего стратегического момента. Однако уже на другой день после «хлебного мира» с Украиной начались последствия специфического стиля действий немецких военных в национальном вопросе. В 1918 г. было наглядно продемонстрировано, что лихие импровизации, построенные во многом на дерзости и вере в собственное превосходство, могут помочь в борьбе с таким неповоротливым противником, как русская армия, однако совершенно не годятся в геополитике. Создавая и бросая на полпути проекты новых государств, открывая новые эпохи в исторических судьбах народов Восточной Европы, германские военные опасно и легкомысленно не подумали об их вза-

имоотношениях друг с другом, начались «эффекты второго порядка», сопровождавшие всю восточную эпопею германских войск в 1918 г.¹³

По истечению 7-дневного срока после разрыва переговоров германские, а чуть позже и австро-венгерские войска перешли в наступление, не встречая серьезного сопротивления, ведь фронт русской армии давно растаял, а революционной РККА из добровольцев образовать почему-то не получалось. И М. Гофман, и В. Грёнер охарактеризовали операцию, начавшуюся 18 февраля, как «железнодорожную»,¹⁴ так как усилий, кроме транспортных, она поначалу не потребовала. Немецкие войска впервые за всю войну увидели бескрайние просторы украинских степей, быстро заняли города, которые до этого оборонялись годами, земли России казались бесконечными — возможно, потому, что их никто не оборонял. Шанс отличиться получили единственные германские части, которые не были остро необходимы на Западе — переформированные кавалерийские дивизии из резервистов и солдат старших возрастов. Австрийцы, оправившись от шока, в конце февраля спешно двинули на восток кадровые дивизии Восточной армии. В наступлении на главном — украинском — направлении участвовали 29 пехотных и 4,5 кавалерийских дивизии. Участие войск Рады в наступлении только подтвердило абсолютную зависимость независимой Украины от Центральных держав, основой ее вооруженных сил являлись обученные и вооруженные в Германии «сине-» и «серожупанная» дивизии, но и они без помощи немецких войск с трудом преодолевали сопротивление разрозненных большевистских полупартизанских отрядов.¹⁵ В течение следующих нескольких дней, заняв 1 марта Киев, германские военные существенно ужесточили свои требования по отношению к Советской России, однако это было обусловлено не наличием дальнейших территориальных претензий, а необходимостью спасти от ликвидации созданные под германским покровительством лимитрофные государства, в первую очередь — Украину и Финляндию.¹⁶

Несмотря на то что украинская политика Германии как со стороны иностранного ведомства, так и со стороны ОХЛ может быть охарактеризована как «поспешная и не всегда охотная им-

провизация»,¹⁷ иные концепции, кроме образования буферных государств (*Randstaaten*) в своем страхе перед восстановлением Русского фронта, германские дипломаты и военные не рассматривали. Список требований к большевикам в связи с этим значительно расширился и приобрел характер раздела погибшей империи, замаскировать который принципом самоопределения наций было невозможно. Новые условия мира были без обсуждения приняты советской делегацией, которая считала бесполезными и унижительными любые попытки их пересмотра. Надежды крайне левых в большевистской коалиции на революцию среди германских солдат, которая начнется в знак протеста против действий на Востоке ОХЛ, не оправдались.¹⁸ 3 марта 1918 г. был заключен Брестский мир, большая часть которого была посвящена даже не территориальным, а имущественным и правовым вопросам,¹⁹ что только подчеркивает его плохо скрываемый конъюнктурный характер, даже не подозревающий геополитических параметров поддержания стабильности и прочного порядка на распавшемся на части Востоке. Столь долго ожидаемый «немецкий», победный мир был заключен без одержанной над Россией победы, однако триумфаторы не желали этого замечать.

Заключенный мир не имел шансов отрегулировать новую расстановку сил на Востоке из-за особенностей участников, темпов принятия решений и размеров поставленных задач. Однако сам факт официального прекращения войны немедленно вызвал цепную реакцию событий, проверявших на прочность и целостность сформированные границы. Сфера интересов Германии отныне простиралась от Мурманска до Баку, к чему не были готовы ни немцы, ни их союзники и противники.²⁰ Более того, возникновение новых государств и автономий, такого размера, как Украина, вводило дополнительный элемент в и так сложные взаимоотношения двух немецкоговорящих великих держав. Раздоры между «Нибелунгами» только нарастали по ходу дележа продовольствия, доходя до откровенного произвола на транспорте и бесчестной конкуренции друг с другом на оккупированных территориях. Накал страстей тем более характерен, что германское ОХЛ фактически спасла от большой глупости заносчивость австрийцев, без которой не-

мецкие части на Востоке в преддверии большого наступления весны 1918 г. на Западе предлагалось сменить австрийцами,²¹ а в этом случае о сырьевых перспективах Германии и говорить не приходится, голодающие австрийцы вряд ли поделились бы хоть чем-то.

Установление дипломатических отношений с Германией и Австро-Венгрией в конце апреля 1918 г. принесло большевикам больше политических трудностей, нежели гарантий безопасности. Из-за специфического взгляда Советского правительства на соотношение официальной и партийной внешней политики, а также жадности националистических кругов окраин переговоры с «буржуазными правительствами» Финляндии и Украины зашли в тупик. Интервенция Антанты на Русском Севере казалась Германии постоянным фактором риска перехода большевиков на сторону англичан, а механизм совместных военных операций Советской России и Германии против общего врага в Брестском договоре прописан не был.

Быстро отыскать баланс между победителями, побежденными и вновь созданными буферными государствами, да еще и посреди разгорающейся серии войн было невозможно. Германское правительство и военные констатировали «полную неопределенность» в политическом и экономическом положении в России.²² Вместо гибкой политики в бурно меняющейся российской обстановке военные и правительство зачастую поддерживали противоположные проекты. Разумеется, этим они ставили под сомнение саму возможность долгосрочного сотрудничества с Германией каких-либо политических сил на развалинах Российской империи. Быстрый темп по-прежнему непредсказуемых для европейцев перемен в расстановке сил в России приводил к тому, что в Берлине и Вене не успевали реагировать на многие перспективные проекты. Единого мнения и последовательной программы действий не было не только у всех союзных Центральным державам, но и у элиты доминировавшей в коалиции Германии. Оценки и фантазии кайзера, военных и дипломатов относительно судьбы различных государственных образований на обломках Российской империи разнились, а согласия, несмотря на все усилия, приказы и соответствующие декларации, достичь не удалось.²³

5 ноября 1918 г. Германская империя разорвала дипломатические отношения с Советской Россией, ведь большевики использовали каналы посольства для участия в революционных событиях в Германии и легализации пропаганды. Кайзер, постоянно вспоминая о судьбе своего кузена и его ошибках в марте 1917 г., к которым он относил отсутствие в критический момент в Ставке, выехал на Запад из Берлина, но бежал от руководства ненадежными войсками в Голландию. После денонсации Брестского мира Советской Россией 13 ноября 1918 г.²⁴ и ареста германского дипломатического представительства в Москве новое руководство Германии и пытавшаяся сохранить управление армией германская Ставка должны были вновь серьезно рассматривать перспективу войны с «русско-советской» (как ее стали называть в документах, чтобы не путать с белогвардейскими войсками) армией. Это было вполне логично, так как никакого перемирия официально командованием на Востоке не подписывалось, а прекращение огня было не всегда выгодно большевикам. К удовлетворению большевиков, Русский фронт войны с опозданием на год, но все же стал обретать черты фронта мировой революции против коалиции империалистов.

Основания для такого расчета заключались не столько в марксистской теории, сколько в технических следствиях мобилизации миллионных армий. Подготовка народных масс к тому, чтобы они взялись за оружие, началась еще до 1914 г., что в известной степени гарантировало, с мобилизационной и технической точек зрения, будущую Гражданскую войну. Для нее было вполне достаточно всего лишь слабо управляемой демобилизации, за которую всем странам, воевавшим на Русском фронте, пришлось заплатить очень дорого, однако из этого были сделаны важные выводы. В рамках планирования участия в следующей мировой войне недостатки императорской России, не позволившие ей вести тотальную войну, были исправлены большевистским руководством с помощью идеологической работы, развития образования и мощной системы начальной военной подготовки всего годного к военной службе населения. В Германии неудача тотальной войны была связана с плохо продуманной экономической стратегией и техническими ошиб-

ками в использовании доступных резервов. Кроме этого, по результатам Первой мировой войны нацистское руководство попыталось с помощью дипломатии не допустить повторения ситуации, когда «немцы должны воевать со всем миром», однако избежать этого при претензиях Германии на статус мировой сверхдержавы оказалось невозможно.

Вероятно, лучше всего характеризует итоги противостояния на Русском фронте тот факт, что и 100 лет спустя далеко не ясной остается судьба тех, кто заплатил в этой войне своей жизнью и здоровьем. В оценках потерь русской армии западные исследователи соревнуются в смелости предположений, произвольно (и ничем не доказывая) называя цифры от 1.5 миллионов до 2.7 миллионов, хотя в 1920-х гг. по тому же поводу называлось количество в 800 тысяч... Современная официальная российская точка зрения исходит из данных, приведенных в базовых работах по этому вопросу коллектива авторов под руководством Г. Ф. Кривошеева, оспаривать которые по ряду проблем возможно и даже необходимо, но не принято.²⁵ До сих пор не выяснены биографии значительной части беженцев, интернированных и депортированных по обе стороны фронта, колеблются цифры взятых всеми сторонами военнопленных, путь которых домой оказался зачастую довольно извилистым, а то и затерялся в сполохах Гражданской... Русский фронт завершился отнюдь не так официально и привычно, как появился. Никакого мира по итогам его существования установлено не было, он увлек за собою в новую войну миллионы затронутых им людей во всех странах, что вели противостояние. Его масштабы продолжали расти, охватив чуть ли не всю северную Евразию, а волна насилия уже не подчинялась никаким приказам «сверху», кроме элементарных лозунгов, не прекращавших кровопролитие, а наоборот. Перечеркнувшие континент линии окопов превратились в быстро меняющиеся очертания редкие цепочки стрелков и кавалеристов, не желавших отвыкнуть от военных будней. Далеко не всех из них получили шанс вернуться к мирной жизни, а многие «окончили поход» лишь в 1922 г. Однако для того, чтобы великие державы сделали вывод, что фронты легче сформировать, нежели ликвидировать, понадобилась еще как минимум одна мировая тотальная война.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ *Ropponen R.* Die russische Gefahr. Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Aussenpolitik Russlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des Ersten Weltkriegs. Helsinki, 1976; *Paddock T. R. E.* German perceptions of Russia before the First World War. Berkeley, 1994.

² Одна из немногочисленных работ по данному аспекту: *Ланник Л. В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012.

³ Этот пробел пытаются восполнить, однако очевидно, что эта миссия потребует многих лет работы и, главное, пристального внимания массы читателей, на которое в наши времена рассчитывать особенно не приходится. См.: *Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011; *Шарый А., Шимов Я.* Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2010; *Черников И.* Гибель империи. М.; СПб., 2002.

⁴ Разумеется, зачастую этот штамп всего лишь используется как «эффектное заглавие», например, в сборнике переизданий работ участников Первой мировой, для которых она никак не могла быть «забытой». См., напр.: *Великая забытая война.* М., 2009.

⁵ Именно поэтому так назван сборник статей ведущих германских и российских специалистов: *Die vergessene Front — der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung* / Hrsg. von *G. P. Groß.* Paderborn, 2006.

⁶ См. например серию трудов П. В. Мультиули.

⁷ Включая великолепные и беспрецедентные в России публикации солдатских писем: *Письма с войны 1914—1917 гг.* / Сост. и комм. А. Б. Асташов, П. Симмонс. М., 2015. Целый ряд хранившихся в фондах российских архивов воспоминаний об эпохе Великой войны и революции (далеко не только офицерские или фронтовые) издан в рамках проекта издательства «Кучково поле». Продолжается и выборочная публикация дневников, см., напр.: *Первая мировая война 1914—1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии.* Сборник док-тов / Сост. С. А. Харитонов. М., 2016.

⁸ Особо следует выделить изучение офицеров Генштаба, но применительно к офицерству строевому пробел в исследованиях вплоть до недавнего времени был особенно ощутим. Достаточно назвать хотя бы по одной работе по офицерству каждой из трех империй, воевавших на Русском фронте, а также сравнительное исследование: *Schaar S. Wahrnehmungen des Weltkrieges: Selbstzeugnisse königlich sächsischer Offiziere 1914 bis 1918*. Paderborn, 2014; *Schmitz M. „Als ob die Welt aus den Fügen dinge“: Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914—1918*. Paderborn, 2016; *Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции*. Рязань, 2010; *Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung. Preussische und französische Städte und ihre Regimenter im Kriege 1870/71 und 1914—1919*. Baden-Baden, 2010.

⁹ В России же военной элите повезло больше, генералитет на волне желания вернуть события Великой войны в общую канву военной истории Отечества забвению не подвергался, см., напр.: *Порошин А. А. Проигравшие победители. Русские генералы*. М., 2014.

¹⁰ *Ланник Л. В. Историю пишут проигравшие // Новая и новейшая история*. 2014. № 6. С. 129—144.

¹¹ Особняком в этом ряду стоит масштабная работа А. Керсновского, вторая половина которой посвящена Великой войне: *Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т.* М., 1992—1994. Кроме того, можно лишь пожалеть, что общей работы по истории Великой войны не успел написать крупнейший военный мыслитель эмиграции Н. Н. Головин, успевший подробно описать кампанию 1914 г., а также события в России 1917—1918 гг. См.: *Головин Н. Н. Российская контрреволюция: в 2 т.* М., 2011; *Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте: в 2 кн.* М., 2014.

¹² Массу отечественной литературы по истории Великой войны, особенно межвоенного периода, можно найти на одном из лучших тематических сайтов: www.grwar.ru.

¹³ *Ронге М. Разведка и контрразведка*. СПб., 2004; *Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии*. СПб., 2005.

¹⁴ *Шапошников Б. М. Мозг армии: в 3 кн.* М., 1927—1929.

¹⁵ Например, на немецком вышел труд Ю. Данилова (*Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914—1915*. Берлин, 1924; в нем. переводе — *Russland im Weltkriege 1914—1915*), ряд работ о Восточной Пруссии и т. д.

¹⁶ Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О. В. Петровского: в 3 кн. М., 2014; Вооруженные силы России в Первой мировой войне / Под ред. В. В. Герасимова: в 2 т. М., 2014.

¹⁷ См. лучшие образцы: *Showalter D. Tannenberg: Clash of Empires*. Washington, 2004 (переиздание работы 1991 г.); *Barrett M. P. Prelude to*

Blitzkrieg. The Austro-German Campaign in Romania. Bloomington, 2013; *Buittar P.* Collision of Empires: The War on the Eastern Front in 1914. Oxford, 2014; *Buittar P.* Germany Ascendant: The Eastern Front 1915. Oxford, 2015; *Buittar P.* Russia's Last Gasp: The Eastern Front 1916—17. Oxford, 2016.

¹⁸ Они уже появились: *Stone D. R.* The Russian army in the Great War, the Eastern Front, 1914—1917. Lawrence, 2015.

¹⁹ *Churchill W.* The Unknown War: Eastern Front. L., 1931.

²⁰ *Stone N.* The Eastern Front 1914—1917. L., 1975.

²¹ *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. М., 2014.

²² См.: *Otto C. A. G.* Im Osten nichts Neues: Das Buch des Krieges wie er war. Nürnberg; Leipzig, 1929.

²³ *Каширин В. Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010; *Нахтигаль Р.* Мурманская железная дорога 1915—1919. Военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011.

²⁴ Несколько примеров: *Leonhard J.* Die Büchse der Pandora. München, 2014; *Miinkler H.* Der Große Krieg. Die Welt 1914—1918. B., 2013; *Айпанетов О. Р.* Участие России в Первой мировой войне: в 4 кн. М., 2013—2015.

²⁵ См., напр.: *Переслегин С. Б.* Первая мировая. Война между реальностями. М., 2016.

Глава 1

¹ В течение XVIII и в значительной степени XIX в. Россия воспринималась немцами как Север, а не как Восток, а понятие «Восточная Европа» вообще только начало формироваться после Венского конгресса. См.: *Lemberg H.* Der Russe ist genügsam. Zur deutschen Wahrnehmung Russlands vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg // Das Bild „des Anderen“ / Hrsg. von V. Aschmann, M. Salewski. Stuttgart, 2000. S. 122.

² См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 219—220.

³ Подр. см.: *Плохотнюк Т. Н.* Российско-германские трансграничные перемещения (1871—1925): историко-компаративный характер. Автореф... дисс. докт. наук. Ставрополь, 2004. С. 40—41.

⁴ Например, 21 августа 1914 г. ген. Гофман, знакомый с планом Шлиффена, писал: «Вчера я переживал самый тяжелый день моей военной карьеры: мы отступали перед русскими... Это позор! Бедная Восточная Пруссия!» См.: *Гофман М.* Записки и дневники... С. 150. Восточную Пруссию даже называли «ахиллесовой пятой Германии», что верно разве что в психологическом плане. См.: *Kritik des Weltkrieges.* S. 171.

⁵ Особенно эффект Танненберга, который был значительно больше в психологическом плане, нежели в оперативно-стратегическом. См.: *Volkman H.-E.* Der Ostkrieg 1914/15... S. 270.

⁶ Ген. Франсуа писал о первых же боях в Восточной Пруссии: «Весь горизонт на востоке поыхал горящими деревьями, горел и Эйдткунен. Это была типичная визитная карточка русских». См.: *Francois H. Marne-schlacht und Tannenberg*. S. 158. Ему вторит М. Гофман (запись в дневнике 23 августа 1914 г.): «Такой войны еще не было и никогда, вероятно, не повторится. Она ведется со звериной яростью. Русские сжигают все дотла». См.: *Гофман М. Дневники*. С. 151.

⁷ *Раушер В.* Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 45.

⁸ Цитата из письма Гинденбурга. Цит. по: *Раушер В.* Указ. соч. С. 52.

⁹ Тем более что вся военная элита Германии эпохи кайзера Вильгельма I была осыпана Александром II высшими русскими военными орденами за победы во франко-прусской войне, словно Россия в ней была таким же союзником Пруссии, как и в войне 1813—1814 гг.

¹⁰ См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 175—176.

¹¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 361.

¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 473.

¹³ Тем не менее произведения Ницше в 1914 г. лежали во многих солдатских рюкзаках и сумках младших офицеров, более утонченный генералитет и генштабисты предпочитали Гете, например, Мольтке-младший никогда не расставался с томиком «Фауста». См., напр.: *Герлиц В.* Указ. соч. С. 143.

¹⁴ Эта двойственность может быть объяснена, по мнению Д. Травина и О. Маргания, с помощью поколенческого подхода, так как философы и поэты (Фихте, Гегель, Гейне и др.) составляют одно поколение (или группу поколений), в то время как промышленники и магнаты (Крупп, Сименс, Борзиг и др.) — другое, следующее, отличное своими представлениями и приоритетами. См.: *Травин Д., Маргания О.* Указ. соч. С. 422—423.

¹⁵ Аналогично, французы не считали немцев «мировым народом», англичане и итальянцы отказывали им в «джентльменстве». См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 192.

¹⁶ Сравнение офицерского корпуса императорской России и Германской империи как основной прием анализа процессов в русской армии см. также в: *Taylor B. D.* *Politics and the Russian Army*. Cambridge, 2003. P. 56—63.

¹⁷ См., подр.: См.: *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. С. 197—203.

¹⁸ История первой мировой войны. Т. 1. С. 100. Однако приводятся и другие данные, например, С. В. Волков утверждает, что в 1912 г. из дворян происходило только 53,6 % офицеров, причем в пехоте этот процент опускался до 44,3 %, а из мещан и крестьян было 25,7 % офицеров. См.: *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 12. Это объясняется, по мнению некоторых исследователей, укреплением позиций дво-

рянства в офицерском корпусе в годы после первой русской революции (вплоть до приводимой цифры в 50.3 % дворян среди младшего офицерства). См.: *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. С. 183—184.

¹⁹ По указу 1856 г., в России потомственное дворянство давалось при присвоении чина полковника. См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988. С. 22.

²⁰ См.: История первой мировой войны. Под ред. И. И. Ростунова. М., 1975. Т. 1. С. 100. У С. В. Волкова по 1912 г. следующие цифры: из «податного сословия» генералов — 3.3 %, обер-офицеров — 28.9 %, что в целом подтверждает тенденцию. Среди всех офицеров дворянского происхождения в 1912 г. были 53.6 % из них. См.: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 394. Также см. статистику на 1913 г. в: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. С. 190—191.

²¹ См., напр.: *Игнатьев А. А.* Указ. соч. С. 80—81.

²² См.: *Сергеев Е. Ю.* Иная земля, иное небо... С. 87—93.

²³ Вплоть до того, что дуэльный вопрос в офицерской среде Русской императорской армии с 1874 г. разрешался по германскому образцу, а Николай II впоследствии в подражание кузену Вильгельму II только одобрил сохранение дуэлей как механизма защиты чести офицера и офицерского корпуса в целом.

²⁴ См.: *Rose O.* Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836—1991. München, 1995. S. 70—74, 138—140.

²⁵ Немецкие военные власти в Берлине вынуждены были запрещать к постановке пьесы, критикующие австрийцев или напоминающие об их разгромах пруссаками в войнах прошлого. См.: *Stark G. D.* All quiet on the Home Front... P. 71—72.

²⁶ Вот подборка цитат из дневника М. Гофмана за первый год войны: «У австрийцев все идет скверно. Дает себя чувствовать, что они в течение 20 лет на армию ничего не тратили (26.9.14)... Здесь все в порядке, но уж эти австрийцы! Если бы они хоть согласились двигаться! (8.10.14) ... на австрийцев совершенно нельзя полагаться... (18.10.14) ...русские считают, что они одержали полную победу над Австрией. Собственно, так оно и есть (6.3.15)». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 152—158. Наконец, апофеозом 2-летнего военного союза стала убежденность Гофмана в том, что «...нельзя требовать ни от одного германского офицера, которому приходилось сражаться с ними плечом к плечу, чтобы он относился к ним с нежностью». (12.3.16) *Гофман М.* Записки и дневники... С. 195.

²⁷ Именно поэтому одна из важнейших работ в австрийской историографии Первой мировой войны называется «Гибель двуглавого орла», причем имеется в виду, разумеется, не Россия, а Австро-Венгрия. См.: *Rauchensteiner M.* Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie. Wien, 2013.

²⁸ О близости двух стран и культур, а также подборку примеров основных реакций см.: *Кёнен Г.* Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900—1945. М., 2010.

²⁹ Именно Австро-Венгрию и Россию сейчас наиболее часто сравнивают в рамках проблематики интеграции в империи, ее механизмов и возможностей. См.: *Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century* / ed. by J. Leonhard, U. von Hirschhausen. Göttingen, 2011.

³⁰ Подробно исследованные напр. в: *Aretin K. O., Conze W.* Deutschland und Rußland im Zeitalter des Kapitalismus 1861—1914. Göttingen, 1977; *Китанина Т. М.* Россия в первой мировой войне. СПб., 2003. Ч. 1. С. 42—56.

³¹ При этом кайзер во время дискуссий о заключении торгового соглашения с Россией в 1894 г. заявлял: «Я не желаю быть втянутым в войну с Россией из-за сотни тупых юнкеров». См.: *Макдоно Дж.* Указ. соч. С. 295.

³² *Хальгартен В.* Указ. соч. С. 557.

³³ См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 124. Прим. 22.

³⁴ См.: *Субботин Ю. Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники. С. 219, 266—267.

³⁵ *Брусилев А. А.* Мои воспоминания. Мн., 2002. С. 51—53.

³⁶ См.: *Игнатъев А. А.* Указ. соч. С. 90—91.

³⁷ До 1/3 руководителей отделений Пангерманского союза имели степень доктора философии. См.: *Коржалка И.* Указ. соч. С. 84.

³⁸ М. Вебер уже в ходе Великой войны полагал, что ведение войны Россией — следствие «стремления к власти партии великого князя (Николая Николаевича) и панславистской мечты» (см.: *Weber M.* Zur Politik im Weltkrieg... S. 341). Бюлов в 1905 г. полагал, что в республиканской или парламентской России большой вес получают «принципиально и фанатично антинемецки настроенные панславистские элементы». См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 301.

³⁹ *Бернгарди Ф.* Указ. соч. С. 38—39, 63, 133.

⁴⁰ *Ленин В. И.* Соч. Т. 23. С. 182—184.

⁴¹ Г. Мольтке-младший. «Грядущая война будет схваткой между германством и славянством», 22 июля 1913. См.: *Generaloberst Helmut von Moltke: Erinnerungen, Briefe, Dokumente, 1877—1916* / Hrsg. von E. Moltke. Stuttgart, 1922. S. 374.

⁴² См., подр.: *Ланник Л. В.* Увеличение германских вооруженных сил в 1911—1913 гг. и германская военная элита // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сб. докл. и ст. под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М., 2014. С. 296—318.

⁴³ См. письмо Чиршки от 4 апреля 1913 г.: *Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917*. S. 161. Под влиянием событий

1-й Балканской войны постоянная критика Австро-Венгрии со стороны германских политиков прекратилась. См.: *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 555—557.

⁴⁴ Примеры «расовых» высказываний политических и военных лидеров Германской империи в 1912—1914 гг. см. в: *Hamilton R. F., Herwig H. H.* *The Origins of the World War I.* P. 162—164.

⁴⁵ Акцент на этнографической и демографической ситуации в Восточной Европе делался даже в школьных учебниках истории, что оказывало серьезное влияние на подрастающее поколение. См.: *Бендик Р.* Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн / Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998. С. 504—514.

⁴⁶ В романе А. Цвейга возмущенный наглостью пруссаков и их давлением на Австрию австрийский офицер кричит: «Нет больше Австрии! Нет Моцарта и Шуберта, нет Габсбургов и Вены!.. Разве вы не смотрите на нас как на ваши колониальные войска, как на грязных негров? Но сами вы негры, польские ублюдки! Шиллер на устах, а в голове „Пупсик“ — метисы, сброд еретиков...» См.: *Цвейг А.* Спор об унтере Грише. С. 235.

⁴⁷ Рейнландский магнат Тиссен писал: «Восточная Германия с навязанным ей воинственным прусским духом так и не избавилась от своего колониального менталитета завоевателя славян... Семь лет нацистской тирании доказали мне полную несовместимость двух Германий — колониальной, рабской Германии Востока, первоначально населенной славянами, ставшими прусскими крепостными, и Германии Запада, где христианский и римский гуманизм был основной цивилизующей силой». *Тиссен Ф.* Я заплатил Гитлеру. С. 20.

⁴⁸ См., подр.: *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

⁴⁹ См., подр.: *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910—1914 гг. М., 1985.

⁵⁰ Финансист и вице-канцлер К. Гельферих приводит русское бравирование в 1912 г. огромным имуществом в Германии (якобы в 700 млн марок) как пример несостоятельной угрозы. См.: *Гельферих К.* Накануне мировой войны. С. 72.

⁵¹ *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. С. 190.

⁵² Именно эта мирная партия попыталась не допустить эскалации конфликта между Германией и Россией в 20-х числах июля, действуя совершенно независимо и параллельно коронованным особам. См.: *Гельферих К.* Накануне мировой войны. С. 124—129.

⁵³ *Аветян А. С.* Указ. соч. С. 246.

⁵⁴ См.: *Дурново П. Н.* Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6.

⁵⁵ См.: *Розен Р. Р.* Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 г. Пг., 1917.

⁵⁶ См., подр.: *Субботин Ю. Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914). М., 1996. С. 212—215, 227—232.

⁵⁷ Подр. см.: *Ropponen R.* Die russische Gefahr. S. 165—173.

⁵⁸ Лучшей биографией Вильгельма II, бывшего весьма неоднозначной личностью, является трехтомный труд Д. Г. К. Рёля, событий Великой войны касается последний том, см.: *Röhl J. C. G.* Wilhelm II: Der Weg in den Abgrund 1900—1941. München, 2008. S. 972—1012, 1040—1067.

⁵⁹ Реакция общественного мнения Германской империи на русские кораблестроительные программы была весьма нервной. См.: *Ropponen R.* Die russische Gefahr. S. 75—76.

⁶⁰ См., подр.: *Шилов С. П.* Указ. соч. С. 292—302, 307. При этом подготовки каких-либо крупных операций флота против России на случай войны проведено не было. Газетная кампания не должна была иметь последствий, флот в войну против России вступил без четкого наступательного плана. См.: *Шеер Р.* Указ. соч. С. 118—119.

⁶¹ См.: *Paddock T. R. E.* Op. cit. P. 357—369.

⁶² *Сухомлинов В.* Россия хочет мира, но готова к войне. Биржевые ведомости. 27 февр. 1914. *Цит. по: Тарсаудзе А.* Указ. соч. С. 185—187. 13 июня последовала статья под названием «Россия готова, должна быть готова и Франция», вызвавшая широкий резонанс. См.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 279.

⁶³ См.: *Showalter D.* Tannenberg... P. 21.

⁶⁴ Именно так характеризует это Х. Лемберг, подчеркивая отсутствие собственно национальной границы при имеющихся границах имперских. См.: *Lemberg H.* Der Russe ist genügsam... S. 122—123.

⁶⁵ См., подр.: *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000.

⁶⁶ Лидерами двух лагерей можно назвать Бисмарка и Шувалова в кон. XIX в., затем соответственно А. фон Тирпица, а с российской стороны С. Ю. Витте, «бывшего до своей смерти (1915 г. — *Л. Л.*) надежным сторонником мирных и дружественных отношений между Германией и Россией» (*Бюлов Б.* Указ. соч. С. 197), накануне и в ходе Первой мировой — это соответственно А. Тирпиц и П. Н. Дурново, вместе с которым можно назвать В. Н. Коковцова, всегда стремившегося к предотвращению конфликта с Германией. Впоследствии именно Коковцов был избран председателем Союза защиты русских интересов в Германии, осенью 1918 г. германские дипломаты пытались содействовать его выезду из большевистского Петрограда; в эмиграции бывший русский премьер выступал за умеренные условия мира с Германией и ее интервенцию против Советской России. См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Кн. 2. С. 328, 362—363, 391—393, 412.

⁶⁷ См.: *Матвеев Г.* Пилсудский. М., 2008. С. 137—198.

⁶⁸ См. краткий обзор пророссийского взгляда на польскую проблему накануне и в годы Великой войны: *Зубачевский В. А.* Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917—1923): геополитический аспект. Омск, 2005.

⁶⁹ См.: *Шлянта П.* «Братья-славяне» или «азиатские орлы»? Польское население и российская оккупация Галиции в 1914—1915 годах // Большая война России. Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 21—40.

⁷⁰ Бывший рейхсканцлер князь Бюлов, жестоко обиженный своей отставкой в 1909 г., затем яростно критиковал не только поведение германской верхушки в дни Июльского кризиса, но и общие замыслы территориальной экспансии, особенно на Восток, указывая, в частности, на то, что «поляков более чем достаточно внутри наших границ». См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. М., 1935. С. 392, 403.

⁷¹ Например, за статью с названием «Ще Польшка не згинела» с историческим обзором восстания 1830 г. автор получил 2 месяца тюрьмы. См.: *Stark G. D.* Banned in Berlin: literary censorship... P. 106.

⁷² Это прекрасно понимали и подчеркивали русские публицисты националистического и славянофильского толка (П. Б. Струве, В. В. Розанов, П. Н. Савицкий и др.). Так, П. Б. Струве в 1908 г. даже полагал, что либеральное решение «польского вопроса», которого, безусловно, «не потерпит Германия», есть ключ к взаимопониманию с другой славянской (!) державой — с Австро-Венгрией. См., напр.: *Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост. С. М. Сергеев.* М., 2004. С. 236—239.

⁷³ См. подр.: *Ther P.* Deutsche Geschichte als imperiale Geschichte... // *Das Kaiserreich transnational...* S. 137—144.

⁷⁴ Например, будущий глава Польского корпуса Довбор-Мусницкий при поступлении в русскую Академию Генерального штаба в 1899 г. свое польское происхождение скрыл, выдавая себя за лютеранина. См.: *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 93.

⁷⁵ В 1902 г., не сделав надлежащих выводов из «гуннской речи», кайзер в той же стилистике призвал капитул ордена иоаннитов «ударить орденским мечом в мощной руке по сарматам, наказать их за дерзость и уничтожить их». Стараниями Бюлова полный текст речи, весьма встревожившей русского посла графа Остен-Сакена, в газеты не попал. См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 229.

⁷⁶ См.: *Сергеев Е. Ю., Улунян А. А.* Военные агенты Российской империи. С. 71—74.

⁷⁷ Недавно его труды были переизданы: *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 2017.

⁷⁸ См., подр.: *Hausner A.* Die Polenpolitik der Mittelmächte und die österreichisch-ungarische Militärverwaltungen in Polen während des Weltkrieges. Wien, 1935.

⁷⁹ В русских правящих кругах колебания господствовали вплоть до Февральской революции. Подр. см., напр.: *Russian Diplomacy and Eastern Europe*. N. Y., 1963. P. 1—77, 124—161.

⁸⁰ При всех заигрываниях с Пилсудским и его сторонниками еще в 1916 г. в Познани была запрещена театральная пьеса о восстании против русских 1863—1864 гг., так как «она приветствует революционные идеи и освобождение Польши». *Stark G. D. Banned in Berlin: literary censorship...* P. 107.

⁸¹ См.: *Эрибергер М.* Указ. соч. С. 145—149.

⁸² «...до сих пор для меня остается загадкой, почему наше Верховное главнокомандование не наложило решительное вето, почему оно почитало возможным усилить свои войска за счет польских частей. Тот, кто провел месяцы и даже годы войны в русской Польше, кто наблюдал в мирное или военное время за образом мышления поляков и имел возможность судить о нем не через розовые очки, тот не поддался бы никаким иллюзиям, как это случилось с генерал-губернатором в Варшаве». *Ботмер К.* С графом Мирбахом... С. 195—197.

⁸³ См., напр., текст специального разъяснения по этому поводу: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 488—489.

⁸⁴ «Людендорф совершенно ясно представляет себе положение и те результаты, к которым польское королевство может привести, но мы нуждаемся в новых войсках и должны пойти на некоторые уступки». *М. Гофман* 5 ноября 1916 г. писал: «Восточный фронт является неисчерпаемым источником. Но постепенно иссякает и этот источник». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 221.

⁸⁵ Бюлов назвал решение о провозглашении независимости Польши 5 ноября 1916 г. «величайшей ошибкой, когда-либо совершенной государственным деятелем», имея в виду канцлера Бетман-Гольвега. См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 441.

⁸⁶ Бюлов выражался и еще более резко: «...потребовался Бетман-Гольвег, человек, не понимавший традиций... Под восторженные аплодисменты Дельбрюка, Рицлера и других подобных дураков, а может быть, также и под влиянием Австрии, которая поймала его на удочку, Бетман совершил эту огромную ошибку и тем самым подрубил корни прусского государства». См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 227, 489.

⁸⁷ Будущий Виленский вопрос был сформирован уже в эти годы, мнение о литовцах германской военной элиты было крайне негативным: «Литовцы могут управлять собой точно так же, как моя дочка Ильза может сама себя воспитать». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 235.

⁸⁸ См. краткое описание деятельности проавстрийских украинских организаций в 1914—1917 гг. в: *Milow C.* Die ukrainische Frage... S. 18—20.

⁸⁹ Советско-германские отношения... Т. 2. С. 65.

⁹⁰ Раушер В. Указ. соч. С. 114.

⁹¹ Bernhardt F. Наша будущность. Пг., 1914. С. 15, 120, 133.

⁹² Bernhardt F. Deutschland in nächsten Krieg. S. 100—102, 176—177.

⁹³ Дошло до того, что единственным действительно всеобщим национальным праздником в кайзеровской Германии, не считая традиционных христианских, было 2 сентября (1870 г.) — день Седана. Вплоть до 1914 г., несмотря на протесты пацифистов и нежелательные дипломатические инциденты, власти постоянно расширяли масштабы празднеств в этот день. См.: Epkenhans M. Die preussisch-deutsche Armee: die Gloriele der Siege von Düppel, Königgrätz und Sedan in der kollektiven Erinnerung // Die Suche nach Orientierung in deutschen Streitkräften / Hrsg. M. Epkenhans. Potsdam, 2006. S. 15—17; Сдвижков Д. А. Против «железа и крови»: пацифизм в Германской империи. М., 1999. С. 120.

⁹⁴ Среди которых доля немцев, преимущественно прибалтийских, зачастую сохранявших тесные связи с Германией и немецкой культурой вообще, достигала 10 %, постепенно увеличиваясь в более высоких армейских кругах. Так, среди полных генералов немцами были 24 из 82, т. е. — 29,27 %; среди генерал-лейтенантов 27 из 115, т. е. 23,48 %, среди 36 командиров корпусов немцами были 10 человек, или 27,78 %. См.: Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России 1900—1914. М., 2001. С. 81. П. А. Зайончковский писал, что каждый шестой полный генерал был немец. См.: Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны / Зайончковский П. А. (1904—1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 31. Приводятся данные даже о каждом пятом генерале-немце. См.: Меленберг А. А. Немцы в российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 127—130.

⁹⁵ Е. Ю. Сергеев приводит данные, согласно которым в начале XX в. в среднем до 25 % высших чиновников Российской империи были военными. См.: Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России 1900—1914. М., 2001. С. 50.

⁹⁶ Сложные маневры вокруг сохранения Тройственного союза см.: Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 2002.

⁹⁷ Сильная склонность русского интеллигента к анализу вместо приверженности к активным действиям стала, по мнению В. Флуга, одним из главных недостатков высшего командного состава Русской Императорской Армии. См.: Флуг В. Высший командный состав. Основные причины, мешавшие усовершенствованию русского высшего командного состава // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 289—290, 304—305.

⁹⁸ Широко известна взаимная ненависть Николая II и русской интеллигенции; для сравнения: канцлер Булов озабоченно писал, что «было

бы желательно, чтобы Вильгельм II не слишком оскорблял самолюбие интеллигентских кругов своими автократическими аллюрами...» См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 286.

⁹⁹ Например, подготовленных еще до войны метких и остроумных описаний русского национального характера и анализа влияния его недостатков на боевые качества русской армии.

¹⁰⁰ См., подр.: *Strachan H.* Die Ostfront. Geopolitik, Geographie und Operationen // *Die vergessene Front...* S. 11—28.

¹⁰¹ Тем не менее после войны утверждалось, что против России в первую очередь были настроены австро-венгерские военные, а не германские генштабисты, которые сдерживали своих союзников. Мольтке-младший еще в 1913 г. говорил, что Германия не вступит в войну «из-за каких-то событий на Балканах». См.: *Папен Ф. фон.* Указ. соч. С. 16—18.

¹⁰² Что, по мнению Лиддел-Гарта, имело серьезное психологическое значение для исхода битвы на Марне. См.: *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. С. 194; *Лиддел-Гарт Б.* Правда о Первой мировой. С. 55—56. Справедливости ради следует отметить, что слухи о прибытии русских широко распространены были и среди самих британцев. См.: *Томсон Б.* Шпионаж во время войны // *Шпионаж во время войны.* М., 2007. С. 15, 69.

¹⁰³ Например, в ходе битвы при Танненберге при штабе 1-го армейского корпуса был университетский профессор, лейтенант резерва, считавшийся «знатоком русских». См.: *Francois H.* Marneschlacht und Tannenberg. S. 216.

¹⁰⁴ Осознание факта, что германская армия очень плохо осведомлена о самом грозном вероятном противнике, нисколько не улучшило информированности о результатах реформ в русской армии в 1905—1914 гг. См.: *Куль Г.* Германский генеральный штаб... С. 84.

¹⁰⁵ Справедливости ради следует сказать, что такое же банкротство в русистике постигло и германскую научную элиту. Несмотря на наличие многочисленной литературы о русской культуре и духе русского народа, в 1917 г. Г. Кранольд признавался, что события войны и революции в России убедили немцев в том, что невежество германской интеллигенции относительно ситуации в России еще более катастрофично, чем считалось ранее. См.: *Кёнен Г.* О духе русской революции... С. 60.

¹⁰⁶ О. Чернин в связи с этим даже хлестко заявил, что «изо всех людей, населяющих землю, пруссаки менее всех других способны вникнуть в психологию другого человека». См.: *Чернин О.* Указ. соч. С. 88.

¹⁰⁷ М. Вебер даже дал рациональное обоснование враждебности России, власти которой стремятся к территориальной экспансии, чтобы не решать земельный вопрос за счет внутренних резервов, что выглядит логично, но неправдоподобно. См.: *Mommsen W. J., Steinberg M. S.* Op. cit. P. 204.

¹⁰⁸ Например, по свидетельству А. А. Игнатьева, в начале XX в. не было карт подробнее 10—верстных даже близкой к столице Псковской губернии. См.: *Игнатьев А. А.* Указ. соч. С. 108.

¹⁰⁹ В Германии очень остро реагировали на угрозы балтийским немцам. См.: *Paddock T. R. E.* German perceptions of Russia. P. 227—241.

¹¹⁰ *Андреева Н. С.* Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 105—108.

¹¹¹ Представителями этого течения были известный публицист П. Рорбах, историки Т. Шиман и И. Галлер и др., которые после переезда в Германию испытали сильное влияние ультранационалистической профессуры, например Г. Трейчке. На правах бывших подданных Российской империи и знатоков этнических проблем, они утверждали, что восточный сосед обязательно распадется на несколько независимых государств. Т. Шиман имел огромное влияние на кайзера, с которым часто встречался. См.: *Paddock T. R. E.* Op. cit. P. 287—301; *Lemberg H.* Der Russe ist genügsam... S. 124.

¹¹² В российской историографии обобщающего труда о развитии концепции мировой державы до сих пор нет, поэтому приходится ориентироваться на зарубежные работы: *Neitzel S.* Weltmacht oder Untergang: die Weltreichslehre im Zeitalter des Imperialismus. Paderborn u.a. 2000; *Мюнклер Г.* Империи: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США / Науч. ред., пред. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014.

¹¹³ См., напр.: *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. Оперативные исследования по истории Мировой войны / Пер. с нем. под ред. проф. В. А. Меликова. М., 1937.

¹¹⁴ См., напр.: *Müller M.* Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegführung: das Deutsche Reich und Österreich-Ungarn in der Offensive 1917/1918. Graz, 2003. Более общий характер имеет новейшая работа: *Watson A.* Ring of Steel: Germany and Austria-Hungary in World War I. N. Y., 2014.

¹¹⁵ См.: *Павлов А. Ю.* Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны 1914—1917 гг. СПб., 2008; Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2 кн. / Под ред. И. Н. Новиковой. СПб., 2014. Особенно важна в данном случае 2-я книга — «Россия в стратегии Центральных держав», однако главы о русской разведке и о военно-техническом сотрудничестве держав Антанты, имевшем огромное значение для Русского фронта, находятся в 1-й книге.

¹¹⁶ Книга Х. С. Чемберлена «Основные черты девятнадцатого столетия» была с восторгом принята кайзером, который стал ее самым влиятельным сторонником и пропагандистом. См.: *Чемберлен Х. С.* Основания XIX столетия: в 2 кн. / Пер. с нем. Е. Б. Колесниковой. СПб., 2012.

¹¹⁷ Возмущение тем более показательно, что накануне и во время русско-японской войны Германия оказала русскому флоту значительную помощь именно в пику английскому морскому владычеству, вплоть до совместных походов по Индийскому океану.

¹¹⁸ Самой известной из них стало скандальное интервью монарха лондонской «Daily Telegraph», где Вильгельм II по недосмотру своих советников и министерства иностранных дел сумел без купюр высказать свое мнение об Англии, нравах ее народа и сформулировать несколько угроз, что привело к дипломатическому скандалу в 1908 г., а затем и к прениям в возмущенном рейхстаге, перед которым кайзера не смог оправдать даже канцлер Бюлов, вскоре поплатившийся за это отставкой. См.: *Winzen P. Das Kaiserreich am Abgrund. Die Daily-Telegraph-Affäre und das Hale-Interview.* Stuttgart, 2002.

¹¹⁹ И это несмотря на то, что еще в 1912 г. кайзер, ссылаясь на лорда Холдена, заявил канцлеру, что Англия нападет тотчас же (sofort), а не по факту (nachträglich) разгрома. См.: *Röhl J. C. G. Kaiser, Hof und Staat...* S. 196.

¹²⁰ В частности, П. Н. Савицкий, анализируя проекты великой Германии середины XIX в. и их развитие, в т. ч. у П. Рорбаха, писал о роковом заблуждении германских аналитиков в будущем союзе с Англией, что противоречило в целом верной логике их построений, но они этого не замечали. См.: *Савицкий П. Н. Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост. С. М. Сергеев. М., 2004. С. 287—288, 296—299.*

¹²¹ Мотив славянской угрозы с англофобией Г. Класс в сентябре 1914 г. увязывал так: «Ненависть русских ко всему немецкому, которой так не хватает мстительности иностранцев, развяжет эту борьбу, имея в качестве подстрекателя и погонщика Англию...» См. его меморандум от сентября 1914 г.: *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen...* S. 93.

¹²² Пример подобного труда — *Russland 1913 // www.ostfront.net.*

¹²³ См., напр.: *Военно-статистическое описание Германии. Ч. 3. СПб., 1912.*

¹²⁴ См.: *Николаи В. Указ. соч. С. 133.*

¹²⁵ Начиная с 1880-х гг. был выпущен целый ряд брошюр, рассматривающих перспективы будущей войны против России. Подр. см.: *Машикин М. Н. Из истории германской милитаристской пропаганды конца XIX—начала XX в. // Славяно-германские отношения. М., 1964. С. 140—142.*

¹²⁶ См.: *Гофман М. Главный противник — Россия. М., 2015.*

¹²⁷ По расчетам немецкого Генштаба, примерно к 1917 г. См., напр.: *Bauer. Konnten wir... S. 7.*

¹²⁸ Мольтке-младший в 1912 г. позволил себе заявить, что состояние русских войск не внушает беспокойства. См.: *Хальгартен Г. Указ. соч.*

С. 560. За довольно популярную во время русско-японской войны идею атаковать Россию, пока она занята на Дальнем Востоке, генштабист А. фон Тэр, недавно побывавший там, едва не был переведен «в строй», то есть почти что в ссылку, так как Мольтке-младший посчитал его доклад открытым призывом к нападению на Россию. См.: *Thaer A. Generalstabdienst an der Front und in der OHL. Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen* / Hrsg. von S. Kaehler. Göttingen, 1958. S. 7—8.

¹²⁹ Шлиффен А. Современная война // Шлиффен А. Канны. М., 1938. С. 358.

¹³⁰ Даже представители германской прессы при русской Ставке были из отставных офицеров, что позволяло им трезво оценивать обстановку, а не гоняться за сенсациями. Германские атташе, в противовес злорадству и эмоциям представителей других держав, подчеркивали не только отрицательные, но и положительные стороны русской армии. См.: *Игнатьев А. А.* Указ. соч. С. 192, 205.

¹³¹ Оценки русско-японской войны в кругах германских военных и изменения, вызванные ею в обучении и тактике войск, см., подр.: *Schulze V. F. Die deutsche Armee 1900—1914.* S. 199—232.

¹³² Одним из эмиссаров был М. Гофман, работавший в этом подразделении до 1911 г. В 1904—1905 гг. после обучения в Военно-морской академии в России был офицер флота, будущий гросс-адмирал Э. Редер, изучавший русский язык на специальных курсах, организованных в Киле. Позднее он перевел русскую литературу по военно-морской тематике. См.: *Редер Э.* Указ. соч. С. 32, 36—37, 42.

¹³³ Например, изучавший опыт русско-японской войны в Великобритании полковник Суинтон пришел к абсолютно верным выводам о прочности основанной на пулеметах обороны и потому (по мнению Б. Лиддел-Гарта) является «отцом танка» в тактическом смысле. Тем не менее к нему долгое время не прислушивались, даже после начала на Западном фронте позиционной войны. См.: *Лиддел-Гарт Б.* Правда о Первой мировой. С. 155.

¹³⁴ См., подр.: *Zimmerman S. Die Vision von Krieg der Zukunft: die deutsche Rezeption des Russisch-Japanischen Krieges 1904/05 // Reform, Reorganisation, Transformation...* S. 225—228.

¹³⁵ В феврале 1905 г. германские войска были вызваны на русскую границу в Польше из-за опасения распространения агитации и возможной волны забастовок из-за контактов с приезжающими в Кайзеррейх трудовыми мигрантами из Российской империи. См.: *Johansen A.* Op. cit. P. 284.

¹³⁶ В. Грёнер: «С 1906 по 1909 г. не существовало никакой склонности требовать от рейхстага больших средств для усиления армии. Русская мощь была в упадке, от рискованной мысли — создать океанский флот — также нельзя было ожидать войны». *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. С. 185.

¹³⁷ Это, наряду с сокрушительной критикой царского режима, признавали и выдающиеся советские специалисты, см., напр.: *Шацилло К. Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000; *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986; *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю: Царизм и военная промышленность. М., 2008.

¹³⁸ Об эволюции этого плана см. новейшее и исчерпывающее исследование: *The Schlieffen Plan: International Perspectives on the German Strategy for World War I* / ed. by. H. Ehlert, M. Epkenhans, G. P. Gross, D. T. Zabecki. Lexington, 2014.

¹³⁹ Согласно главе железнодорожного отдела Генштаба Грёнеру, в 1914 г. по сравнению с планом 1905 г. не хватало только половины кадрового корпуса и половины резервного. На Восточном фронте все больше использовался ландвер, который и был единственным подкреплением 8-й армии и австрийцам до конца августа 1914 г. См.: *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. С. 190.

¹⁴⁰ См., подр.: *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. С. 101—106.

¹⁴¹ Так, В. Николаи, несколько прибеднясь, жалуется на то, что русские офицеры и чиновники «проявляли сильное национальное сознание... дело очень редко доходило до действительных услуг германской разведке, по большей же части имелись лишь попытки надуть ее». См.: *Николаи В.* Указ. соч. С. 69.

¹⁴² Именно так 3 августа 1914 г. полагал будущий генерал-фельдмаршал А. Макензен, в ту пору командующий 17-м ак в 8-й армии. См.: *Förster S.* Einführende Bemerkungen // *Die vergessene Front...* S. 31.

¹⁴³ Однако это не означает, что на Восточном фронте в августе 1914 г. было в 7 раз меньше войск. Вместе с ландверными и ландштурмистскими частями 8-я армия была вдвое больше, например, 3-й армии из ударного правого крыла. К тому же, в отличие от них, она оборонялась на своей, хорошо подготовленной к этому территории.

¹⁴⁴ «...Приттвиц был назначен к командованию на востоке, потому что по своему образованию и личным взглядам казался для этого особенно подходящим. Генерал фон Приттвиц в мирное время ничем не выказал стратегических способностей; его деятельность протекала в областях, которые не имели ничего общего с вождением армий». *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. С. 108.

¹⁴⁵ См., подр.: *Kronenbitter G.* Krieg im Frieden. Die Führung der k. u. k. Armee und die Großmachtspolitik Österreich-Ungarns 1906—1914. München, 2003.

¹⁴⁶ А его пытались учесть в планах на быстротечную кампанию на западе в Берлине. См., подр.: *Foerster W.* Aus der Gedankenwerkstatt des deutschen Generalstabes. В., 1931.

¹⁴⁷ См., подр.: *Elze W. Tannenberg. Das deutsche Heer von 1914. Seine Grundzüge und deren Auswirkung im Sieg an der Ostfront.* Breslau, 1928. S. 70—86; *Власов Н. А.* Россия в австро-германской коалиционной стратегии Первой мировой войны. С. 173—213.

¹⁴⁸ Сравнительно краткий обзор германских представлений об основных противниках см. в первой части работы одного из лучших германских генштабистов Г. Куля: *Куль Г.* Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 8—188.

¹⁴⁹ См.: *Brose E. D.* Op. cit. P. 173.

¹⁵⁰ Прапорщик в начале XX в. получал около 40 рублей в месяц, поручик — около 50 руб. в месяц, с 1909 г. — 80—90 руб., капитан — 120 руб., командир роты — 145 руб., что перед Великой войной было сравнимо с зарплатой квалифицированного рабочего, а зачастую и уступало ей. Размеры пенсий военным были в среднем в 1.6—1.8 раза меньше, чем во Франции и Германии, где хорошую пенсию получали даже унтер-офицеры. См., напр.: *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 56—57; *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. С. 388—390; *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус... С. 50.

¹⁵¹ На 1 апреля 1914 г. не хватало 3380 обер-офицеров, т. е. некомплект достигал 8 %. См.: *Зайончковский П. А.* Русский офицерский корпус... С. 50; *Кавтарадзе А. Г.* Указ. соч. С. 24.

¹⁵² См.: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. С. 367—369.

¹⁵³ Подр. см.: *Туполев Б. М.* Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX—начале XX в. // *Славяно-германские отношения.* М., 1964. Об эволюции концепции «Срединной Европы» см.: *Brandt H. H.* Von Bruck zu Naumann. „Mitteleuropa“ in der Zeit der Paulskirche und des Ersten Weltkrieges // *Ungleiche Partner* / Hrsg. von M. Gehler, R. F. Schmidt, H. H. Brandt. Stuttgart, 1996.

¹⁵⁴ Тем не менее, пользуясь преимуществом ретроспективного взгляда, советская историография настаивала на том, что пангерманские проекты и до войны были восприняты германским руководством и Генштабом. См., напр.: *Нотович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке 1914—1918. М., 1947.

¹⁵⁵ См. реакцию немецкой прессы в: *Ropponen R.* Die russische Gefahr. Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Aussenpolitik Russlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1976. S. 52—55.

¹⁵⁶ При этом меры откровенно мобилизационного характера принимали все великие державы еще за одну-две недели до 1 августа 1914 г., в особенности Германия и Франция. Однако эти подготовительные мероприятия официально не считались началом мобилизации.

¹⁵⁷ Достаточно высокий накал страстей вызвала ставшая бестселлером книга К. Кларка с громким названием «*Sleepwalkers*» — «Лунати-

ки». См.: *Clark C. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012.*

¹⁵⁸ См. подр.: *Fischer F. Krieg der Illusionen... S. 542—564.*

¹⁵⁹ См., подр.: *Фишер Ф. Рывок к мировому господству / пер. и комм. Л. В. Ланника. М., 2017.*

¹⁶⁰ См.: *Röhl J. C. G. Kaiser, Hof und Staat... 175—177.*

¹⁶¹ См.: *Röhl J. C. G. Kaiser, Hof und Staat... S. 192—196.*

¹⁶² За воинственными пометками кайзера на полях докладов, на которые так любят ссылаться исследователи, доказывая агрессивность кайзеровской Германии, ничего не стояло. Кайзер сам заявлял: «Не надо ловить меня на слове, используя мои пометки». *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 188. По мнению Э. Вайцеккера, ознакомившегося с документами в Морском кабинете, собранные вместе, эти заметки «не свидетельствовали о том, что кайзер придерживался определенной точки зрения», «часто его пометки противоречили друг другу... министерства считали их реакцией на событие, а не прямым указанием или приказом». См.: *Вайцеккер Э.* Указ. соч. С. 19. Кронпринц был весь в отца, поэтому Людендорф с полным основанием писал: «Кронпринцу вредили его откровенные высказывания; он был гораздо достойнее, чем можно было судить по ним». *Людендорф Э.* Мои воспоминания... С. 24.

¹⁶³ Выступление кайзера перед главами армейских инспекций, состоявшееся в эти недели, имело (по оценке Мюллера) весьма миролюбивый характер. См.: *Röhl J. C. G. Kaiser, Hof und Staat... S. 197.*

¹⁶⁴ Бернгарди, несмотря на антирусскую истерию, писал, что Россия на Германию в ближайшее время не нападет. См.: *Бернгарди Ф.* Указ. соч. С. 120.

¹⁶⁵ См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 421—422.

¹⁶⁶ Достигнутый благодаря консультациям Коковцова с канцлером и кайзером в ноябре 1913 г. в Потсдаме компромисс в целом не устраивал обе стороны, так как Германия поступилась формой миссии Лимана фон Сандерса, но не содержанием. Коковцов, улаживавший инцидент, к переговорам был не готов, никаких инструкций ни от МИДа, ни от военных не имел. См., подр.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Кн. 2. С. 173—192.

¹⁶⁷ Так, даже жалуясь на недостаточное развитие германской разведки до войны, В. Николаи мог констатировать: «Дислокация русской и французской армий, их вооружение, подготовка и снаряжение, строение системы крепостей и стратегической сети железных и шоссейных дорог, равно как и предполагаемое выступление обеих армий были к началу войны германскому Генеральному штабу известны». См.: *Николаи В.* Указ. соч. С. 90.

¹⁶⁸ Подр. об этом см.: *Гейдорт Г.* Монополии, пресса, война. Исследование внешней политики Германии с 1902 г. по 1914 г. М., 1964. С. 499.

Даже к концу войны не удалось избавиться от дилетантских утечек информации, например, примерный план германского наступления «Михаэль», последовавшего 21 марта 1918 г., англичанин Репингтон опубликовал в газете еще 24 февраля 1918 г. См.: *Дельбрюк Г., Куль Г.* Указ. соч. С. 268.

¹⁶⁹ Начальник французской разведки Дюпон утверждал, что план Шлиффена был в точности известен французам еще в 1909 г. См.: *Дюпон.* Указ. соч. С. 12. Заместитель Жоффра Кастельно на предупреждение о мощи германского правого крыла заявил: «Отлично, мы перережем их пополам», имея в виду знакомство с планом Шлиффена и разработанное противодействие германскому маневру в виде контрудара в центре фронта. См.: *Такман Б.* Первый блицкриг. М., 2001. С. 70—71.

¹⁷⁰ Большая осведомленность, например, итальянского военного агента в Париже о французской армии была основана на тщательно отобранных вырезках из провинциальных газет, упоминавших маневры, праздники резервистов и т. д. «„Французы так болтливы!“ — объяснял итальянец». См.: *Игнатъев А. А.* Указ. соч. С. 273—274.

¹⁷¹ Е. В. Тарле прямо писал: для того чтобы находиться в курсе русских военных секретов, «едва ли потребны были очень уж напряженные усилия». См.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 269—270.

¹⁷² *Гофман М.* Указ. соч. С. 8, 37.

¹⁷³ См. *Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905—1917 гг. М., 2000. С. 194.

¹⁷⁴ Более того, русские офицеры, несмотря на убеждение в том, что Николай занимается шпионажем, «выказывали товарищескую заботливость» о его судьбе. Один из высших чиновников, которому Николай передал привет от родственников в Германии, отвел его в сторону и «прямо спросил, что я хотел бы узнать». См.: *Николай В.* Указ. соч. С. 64.

¹⁷⁵ Винтерфельдт — Игнатьеву в 1913 г.: «Окажите же услугу Германии (!). Попросите, чтобы некоторые из ваших выводов были бы тем или иным способом доведены до сведения нашего императора. Он окружен такой компанией сорвиголов, что они нуждаются в хорошем холодном душе. Я чувствую, что с некоторых пор моим донесениям в Берлине не доверяют. А Петербург (!!) может это сделать». См.: *Игнатъев А. А.* Указ. соч. С. 387.

¹⁷⁶ Особенно много хлопот Николай доставлял полковник Батюшин, который из Варшавы координировал действия русской разведки на германском направлении. В т. ч. изданные под руководством Мольтке-младшего в 1910 г. «только для служебного пользования» для германского генералитета «Основные принципы высшего командования войсками» уже в 1912 г. были изданы в переводе Батюшина для офицеров Варшавского военного округа.

¹⁷⁷ Развитие плана обороны в Восточной Пруссии см.: *Грёнер В.* Забвение Шлиффена. С. 112—118.

¹⁷⁸ См.: *Иссерсон Г.* Канны мировой войны // Катастрофы Первой мировой войны / Сб. М., 2005. С. 19—26.

¹⁷⁹ Что было несложно, ввиду их регулярности и шаблонности сценария: по словам Франсуа, командир, игравший за русских, заранее знал свою судьбу — охват с обоих флангов. См.: *Francois H.* Marneschlacht und Tannenberg. S. 126.

¹⁸⁰ См., подр.: *Schlachtenfelder im Ostpreußen* / Hrsg. von W. Reichenau. Königsberg, 1932. S. 59—62; *Нелипович С. Г.* Восточно-Прусская операция... С. 128.

¹⁸¹ Пример подобного произведения: *Рассторгуев А.* Атака мертвецов. М., 2014.

¹⁸² См., напр.: *Ронге М.* Разведка и контрразведка. С. 8—12, 77—84. Редль удостоился и особой биографии к 100-летию скандала: *Moritz V., Leidingner H.* Oberst Redl. Der Spionagefall, der Skandal, die Fakten. Salzburg, 2013.

¹⁸³ *Рорбах П.* Война и германская политика. М., 1915.

¹⁸⁴ Там же. С. XI.

¹⁸⁵ При чем никакой аргументации к этому заявлению не приводится. Там же. С. XIII.

¹⁸⁶ Там же. С. 64—70. Особенно примечательно это мнение выглядит на фоне твердого убеждения советской историографии в абсолютной зависимости в военных вопросах, наоборот, России от Франции. К. Гельферих писал после войны, ссылаясь на книгу Э. Мореля, что этот факт уже «доказан». См.: *Гельферих К.* Накануне войны. С. 44.

¹⁸⁷ Там же. С. 105.

¹⁸⁸ См.: *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1930. С. 19, 23, 27—30.

¹⁸⁹ См.: *Francois H.* Marneschlacht und Tannenberg. S. 230.

¹⁹⁰ См.: *Гуцин Ф. А., Жебровский С. С.* Указ. соч. С. 13—16.

¹⁹¹ В. Николаи описывает свои геополитические взгляды накануне его прикомандирования к Большому Генеральному штабу в 1904 г., типичные для молодых германских офицеров, так: «Армии, окружавшие Германию, в том числе армии Тройственного союза, были лишь второстепенным предметом преподавания. Франция была врагом. К враждебности России мы еще не привыкли». См.: *Николаи В.* Указ. соч. С. 63.

¹⁹² К ужасу российского МИДа 100-летие побед над французами было отпраздновано в 1913 г. при участии представителей России. См.: *Epkenhans M.* Die preussisch-deutsche Armee: die Gloriole der Siege... // *Die Suche nach Orientierung...* S. 22. Более того, русские генералы планировали познакомиться с возможными противниками — командирами вос-

точнопрусских корпусов, см.: *Francois H. Marneschlacht und Tannenberg*. S. 274—275.

¹⁹³ См.: *Пурталес Ф.* Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г. Пг., 1923.

Глава 2

¹ См.: *Koenen G. Der Russland-Komplex...* S. 50.

² Вайцзеккер переживал: «В памяти еще были свежи воспоминания о свадьбе дочери (Вильгельма II), где два иностранных монарха, английский король Георг V и русский царь Николай II, шли по разным сторонам от принцессы Виктории-Луизы в факельном шествии». *Вайцзеккер Э.* Указ. соч. С. 20—21. Кайзер зимой 1914 г. утверждал, что война — результат заговора против него лично его двоюродных братьев Джорджи и Ники, который они составили на вышеупомянутой свадьбе, причем Вилли застал их за этим занятием. См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 466.

³ Характерный случай описывает Бюлов. Зимой 1914/15 гг. он в Риме столкнулся с послами стран Антанты, его бывший лучший друг, посол Франции Баррер, в ужасе отвернулся, а русский посол Крупенский пожал руку и поспешил заверить, что его личное чувство дружбы несколько не изменилось. См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 471.

⁴ Например, командующим 4-й русской армией в августе 1914 г. был фон Зальца, дальний родственник которого в это же время был саксонским посланником в Берлине. Двое однофамильцев и дальних родственников командующего обороняющей Восточную Пруссию 8-й армией фон Приттвица были генералами русской армии. Командующий наступлением германских войск в Курляндии весной 1915 г. генерал фон Лауэнштейн прослужил 12 лет адъютантом Николая II и был главой германских наблюдателей при русской армии в русско-японской войне. Генерал барон Фрайтаг-Лорингховен, один из видных военных специалистов в германской Ставке при Фалькенгайне, до 21 года, когда его семья переехала в Германию, служил в русской армии. Покойная жена канцлера в 1894—1900 гг. Гогенлоэ владела поместьями в России, за что его упрекали в русофильстве (*Бюлов Б.* Указ. соч. С. 137).

⁵ См., например, российскую версию в духе классического «англичанка гадит»: *Данилов О. Ю.* Пролог «Великой войны» 1904—1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010.

⁶ Например, несмотря на русско-французский союз и разработку плана Шлиффена, летом 1905 г. Вильгельм II в личной переписке позволял себе давать Николаю II советы узковоенного характера, например предлагал ликвидировать часть привилегий гвардии по сравнению с армейскими частями. До этого он пытался подобным образом вести себя и

с Александром III, однако тот быстро пресек это. См., напр.: Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894—1914. С. 382, 386. Отношения между флотами иллюстрирует заимствование друг у друга элементов военной формы морского офицера Германии и России соответственно в знак дружбы. См.: *Редер Э.* Указ. соч. С. 33.

⁷ См.: *Volkman H.-E.* Der Ostkrieg 1914/15... S. 263.

⁸ Термин, употребляемый О. Черным и другими свидетелями нравов при дворе, достаточно характерный и имеющий российский подтекст. См. подр.: *Kohlrausch M.* Op. cit. S. 176—185.

⁹ Например, в «Поединке» Куприна блестящая карьера в мечтах молодого русского офицера включает в себя успешную шпионскую миссию именно в Германии.

¹⁰ Важнейшие товары, например оптику, медикаменты и запчасти, Германия продолжала продавать России через нейтральные страны, со временем достигнув значительных объемов в этой торговле с врагом через Швецию и Швейцарию, чем пользовались не только спекулянты, но и русские военные атташе. См., напр.: *Игнатъев А. А.* Указ. соч. С. 549.

¹¹ См. для сравнения и о Западном фронте: *Meteling W.* Ehre. Einheit, Ordnung. S. 222; *Ланник Л. В.* Победоносные проигравшие. С. 182—185.

¹² Итоги многолетних исследований по этому вопросу ведущего российского специалиста С. Г. Нелиповича должны увидеть свет в виде монографии уже в 2017 г.

¹³ Это стало основанием для названий его новейшей биографии: *Dornik W.* Des Kaisers Falke: Wirken und Nach-Wirken von Franz Conrad von Hötzendorf. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013.

¹⁴ Помимо классических официальных версий, из новейшей литературы следует отметить очень богатый фактологией труд С. Г. Нелиповича: *Нелипович С. Г.* Кровавый октябрь 1914 г. М., 2013.

¹⁵ Австрийская ставка сокращенно называлась АОК. Несмотря на господство немецкого языка в обеих союзных армиях, различия в терминологии на самых разных уровнях не только сохранялись, но и подчеркивались.

¹⁶ Биографий обоих, причем различного уровня и отношения авторов — масса, отметим лишь новейшие и наиболее масштабные: *Pyta W.* Hindenburg. Herrschaft zwischen Hohenzollern und Hitler. В., 2007; *Nebelin M.* Ludendorff: Diktator im Ersten Weltkrieg. München, 2010.

¹⁷ Единственной до сих пор его современной биографией, где вполне продемонстрированы особенности его характера и методика принятия решений является труд Х. Афлербаха: *Afflerbach H.* Falkenhausen: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994.

¹⁸ Их состояние, да еще после масштабных диверсий, предпринятых с промежутком в месяц обеими сторонами, было таково, что германские

генералы весьма образно писали, что «в Польше они открыли еще одну, пятую стихию — грязь».

¹⁹ Именно так выглядит версия событий, представленная в основной официальной биографии Макензена: Mackensen. Briefe und Aufzeichnungen / Hrsg. von W. Foerster. Leipzig, 1938. Что же касается относительно современной версии жизнеописания этого полководца, то она — в манере современной западноевропейской историографии — уделяет внимание почти исключительно политическим ее аспектам, а не военным. См.: *Schwarz Müller T. Zwischen Kaiser und „Führer“: Generalfeldmarschall August Mackensen. Eine politische Biographie. München, 1995.*

²⁰ Разумеется, и в Восточной Пруссии в русской 10-й армии хватало ошибок и халатности. См.: *Будберг А. П.* Из воспоминаний о войне 1914—1917 гг. Третья восточнопрусская катастрофа. 25 янв. — 8 фев. 1915 г. Сан-Франциско, 1937.

²¹ См., напр.: История первой мировой войны: в 2 т. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1975. Т. 1.

²² Этот термин цитировал командовавший тогда 8-й армией А. А. Брусилов.

²³ В связи с этим интерес представляют мемуары представителей Германии при австро-венгерской Ставке и наоборот: *Cramon A. von. Unser österreichisch-ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege. B., 1922; Krauss A. Die Ursachen unserer Niederlage: Erinnerungen und Urteile aus dem Weltkrieg. München, 1920.*

²⁴ См., подр.: *Власов Н. А.* Военно-техническое сотрудничество в комплексе австро-германских отношений периода Первой мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. Часть 2. СПб., 2016. С. 65—74.

²⁵ См.: *Kabisch E. Mackensen rettet Berlin. Stuttgart, 1939.*

²⁶ См., подр.: За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

²⁷ У англичан, разумеется, была совсем иная позиция, ведь союзники России от ее расширения на юг были отнюдь не в восторге. См., подр.: *Лунева Ю. В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907—1914). М., 2010.

²⁸ Именно поэтому период август-октябрь 1914 г. вполне уместно назван «странной войной», см.: *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море (август-октябрь 1914 года). М., 2009.

²⁹ См., подр.: *Лорей Г.* Операции германо-турецких сил в 1914—1918 гг. СПб., 2004.

³⁰ См. информацию в приложениях к наиболее доступному неспециалисту, но вполне достоверному источнику: *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. М., 2001. (или любое другое издание).

³¹ Это сравнение господствует после работ Э. Юнгера. См.: *Meschnig A. Der Wille zur Bewegung: militärischer Traum und totalitäres Programm. Eine Mentalitätsgeschichte vom Ersten Weltkrieg zum Nationalsozialismus.* Bielefeld, 2008. S. 138—145.

³² См., напр.: *Kehr E. Krieg und Geld im Zeitalter Maschinenrevolution / Kehr E. Op. cit.* S. 198—234.

³³ *Вильгельм II.* Указ. соч. С. 128—129.

³⁴ См.: *Groß G. P. Im Schatten des Westens. Die deutsche Kriegführung an der Ostfront bis Ende 1915 // Die vergessene Front...* S. 53.

³⁵ См.: *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. С. 111, 117—119.

³⁶ Даже в Ставке были осведомлены о том впечатлении, которое своим богатством и развитием цветущая Восточная Пруссия произвела на привычного к неприглядной российской и польской глубинке русского солдата, пытавшегося награть даже то, ценности чего он не мог оценить, в т. ч. шоколад и какао. См.: *Шавельский Г.* Воспоминания протопресвитера русской армии. Нью-Йорк, 1954. С. 143—144.

³⁷ Миф о Танненберге и теперь известен в Германии «едва ли не каждому школьнику» (что маловероятно), а убеждение в том, что в 8-й армии Приттвица унд Гаффрона было около 120 тысяч человек (т. е. в полностью отобилизованных 13 дивизиях (!!!)), противостоявших 360 тысячам русских, что не выдерживает даже полупрофессиональной критики, до сих пор встречается в серьезных немецко- и англоязычных исследованиях. См., напр.: *Groß G. P. Im Schatten des Westens. Die deutsche Kriegführung an der Ostfront bis Ende 1915 // Die vergessene Front...* S. 51—52.

³⁸ Основные клише и штампы, позднее доминировавшие в немецком образе русских войск, появились в германских газетах уже во второй половине августа — начале сентября 1914 г. См., напр.: *Hoegen von J. Der Held von Tannenberg: Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos.* Köln; Weimar, 2007. S. 48—52.

³⁹ По свидетельству М. Позека, казаки старались не попадаться в плен германским солдатам и даже специально спарывали особые казачьи погоны, что наводит на аналогии с опытом противостояния во Второй мировой войне. См.: *Позек М.* Указ. соч. С. 179—180. Это было вызвано тем, что немцы после разгрома усадеб Восточной Пруссии перестали воспринимать казачьи части как регулярные, считая их наемниками, «вольными стрелками». См.: *Morgen K. v. Meinen Truppen Heldenkämpfe.* S. 17. Погоны срывали также солдаты и офицеры гвардейских частей, но, естественно, по иным соображениям. См.: *Нагорная О. С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922). М., 2010. С. 238.

⁴⁰ См. рассуждения командира одного из полков 1-го резервного корпуса: *Immanuel.* Erinnerungen aus den Tagen der Tannenberger Schlacht, Au-

gust 1914 // *Ruhmeshalle unserer alten Armee* / bearb. von M. Lezius. Leipzig, 1930. S. 296—297.

⁴¹ За непродолжительное пребывание в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г., несмотря на последовательный разгром 2-й и 1-й армий, в Россию было угнано 135 тыс. лошадей, 250 тыс. голов крупного рогатого скота, 200 тыс. свиней и т. д. См.: *Нелипович С. Г.* Восточно-Прусская операция... С. 138.

⁴² Людендорф после быстрого восстановления разрушенных русскими железнодорожных узлов в Восточной Пруссии даже извлек из этого «урок на будущее» — нужны «особые технические указания». См.: *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 65.

⁴³ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 71—72.

⁴⁴ См., подр.: *Пахалюк К. А.* Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914—1915 гг. // *Рейтар.* 2009. № 1. С. 135—175.

⁴⁵ Германские военные специалисты были предупреждены об этом, однако эмоции оказались сильнее. Макс фон Галльвиц, оказавшийся на Востоке 1 сентября, писал: «...много раз беседовал с беженцами. Они говорили, что русские ведут себя по-разному, одни части сохраняют полный порядок, другие грабят и бесчинствуют, в особенности жаловались на казаков. Это различие соответствовало тому, что знали о неоднородности русских резервов и офицерства в зависимости от происхождения, места рождения и рода войск, о разнице между гвардией и линейными войсками». *Gallwitz M. v. Meine Führertätigkeit im Weltkriege 1914—1916.* Belgien — Osten — Balkan. B., 1929. S. 30.

⁴⁶ Отсюда и соответствующие названия даже вполне профессиональных сборников статей, с неперенным казаком Крючковым на обложке, напр.: *Забывтая война и преданные герои* / Сост. Е. Н. Рудая. М., 2011.

⁴⁷ Разумеется, есть весьма квалифицированный разбор этой легенды, см.: *Нелипович С. Г.* Крючковиана: мертворожденная легенда // *Время Великой войны: от глобального переустройства до трансформаций повседневности* / Сб. статей под ред. И. О. Дементьева. Калининград, 2016. С. 35—50.

⁴⁸ Есть даже специальный том в уважаемой по-прежнему на постсоветском пространстве серии «ЖЗЛ»: *Бондаренко В.* Герои Первой мировой. М., 2013.

⁴⁹ См. его мемуары в сборнике: *Заморские театры Первой мировой войны.* М., 2003.

⁵⁰ См., подр.: *Leonhard J.* Die Büchse der Pandora. S. 862—914.

⁵¹ Многократно исследованное историками «сшитое» дело полковника, давно уже вызывавшего ненависть либеральных кругов, в особенности Гучкова, вызвало такие последствия, что даже в Германии процесс сочли безумием, так как дискредитировать во время войны военного министра — значит убить всякое доверие к командованию со стороны ниж-

них чинов. См.: Генерал В. А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы / Сост. М. В. Абашина, О. В. Чистяков и др. М., 2014.

⁵² См.: *Raynax P. P. фон*. Указ. соч. С. 110—134; *Tarсаудзе А.* Четыре мифа о Первой мировой М., 2007.

⁵³ См., подр.: *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

⁵⁴ См., подр.: *Francois H.* Marneschlacht und Tannenberg. S. 128.

⁵⁵ Генерал-квартирмейстера Штейна по прибытии в Берлин в августе 1914 г. бдительные обыватели попытались сдать полиции как русского шпиона. См.: *Stein v. War* reminiscences. P. 69—70.

⁵⁶ См., напр.: *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели... С. 67—68.

⁵⁷ Помимо карательных по своей сути и конфискационных мер местной и военной администрации в приграничных губерниях и в Остзейском крае, широкую известность получили погромы в Москве в октябре 1914 г. и особенно в мае 1915 г. См.: *Айрапетов О. Р.* Репетиция настоящего взрыва. Немецкий погром в Москве: бои на внешнем и внутреннем фронте // Родина. 2010. № 1. С. 84—90.

⁵⁸ Это позволяет исследовать особый феномен внешней политики в медийную эпоху: Außenpolitik im Medienzeitalter. Vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Hrsg. von F. Bösch, P. Hoeres. Göttingen, 2013.

⁵⁹ См., подр.: *Kiessling F.* Das Paradox der Geheimdiplomatie. Offizielle Außenpolitik und Öffentlichkeit vor 1914 // Außenpolitik im Medienzeitalter. S. 73—94.

⁶⁰ Итогом русского пребывания в Восточной Пруссии, по немецким данным, стала гибель 1620 гражданских лиц, потеря 873 тысяч голов скота, 100 тысяч человек остались без крова. Данные, однако, существенно разнились даже в отчетах чиновников, что снижает их достоверность, хотя факт откровенного и массового грабежа отрицать невозможно. См.: *Hoeres P.* Die Slawen. Perzeptionen des Kriegsgegners bei der Mittelmächte. Selbst- und Feindbild // Die vergessene Front... S. 190—191.

⁶¹ См.: *Volkmann H.-E.* Der Ostkrieg 1914/15... S. 265.

⁶² Поначалу газеты высказывали порой противоположные мнения. Например, официоз правительства «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» утверждал, что у России улучшилось материальное обеспечение, но слабые солдаты. Обозреватель «Leipziger Volkszeitung», наоборот, полагал, что русский солдат храбр и стоек, но плохо вооружен. См.: *Paddock T. R. E.* German perceptions of Russia. P. 369—370.

⁶³ Уже в октябре 1914 г. Генеральный штаб централизовал цензуру, открыв координирующее цензурные управления главное ведомство (Oberzensurstelle), которое перешло к жесткому регулированию только с середины 1917 г.

⁶⁴ Подр. о германской пропаганде с многочисленными цитатами из газет см. в: *Paddock T. R. E. German Propaganda: the limits of Gerechtigkeit // A call to arms: propaganda, public opinion and the newspapers in the Great War / ed. T. R. E. Paddock. Westport, 2004. P. 115—160.*

⁶⁵ Общее число газет перед войной в Германии достигало 4100 наименований.

⁶⁶ О том, как военное министерство координировало весной 1917 г. начало кампаний в прессе см.: *Wrisberg E. von. Wehr und Waffen. S. 55—56.*

⁶⁷ Э. Редер называет его «всесильным», Хамманн курировал связи виднейших аналитиков и публицистов с офицерами отделов Адмиралштаба. См.: *Редер Э. Указ. соч. С. 39—40.* Хамманн издал свою версию событий (см.: *Hammann O. Der neue Kurs. Erinnerungen. B., 1918.*) Также см.: *Koszyk K. Deutsche Pressepolitik im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968.*

⁶⁸ См.: *Hoeres P. Die Slawen. Perzeptionen des Kriegsgegners... // Die vergessene Front... S. 193.*

⁶⁹ *Lipp A. Op. cit. S. 47—54; Lindner-Wirsching A. Patrioten im Pool: Deutsche und Französische Kriegsberichterstatte im Ersten Weltkrieg // Augenzeugen: Kriegsberichterstattung vom 18. bis 21. Jahrhundert / Hrsg. von D. Ute. Göttingen, 2006. S. 113—140.*

⁷⁰ Крупнейшей газетой такого рода на Западе стала «Die Lillere Kriegszeitung», а на Востоке — «Zeitung der 10. Armee». См. о германской фронтовой прессе: *Kurth K. Die deutschen Feld- und Schützengrabenzeitungen des Weltkrieges. Leipzig, 1937.*

⁷¹ См.: *Nelson R. L. German Comrades — Slavic Whores. Gender images in the german soldier newspapers of the First World War // Home/front... P. 70.*

⁷² См.: *Groener W. Lebenserinnerungen... S. 531.*

⁷³ См., напр.: *Leidinger H., Moritz V., Dornik W., Moser K. Habsburgs schmutziger Krieg: Ermittlungen des österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914—1918. St. Pölten, 2014.*

⁷⁴ *Грёнер В. Завещание Шлиффена. С. 107.*

⁷⁵ См., подр.: *Ненюков Д.В. От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания 1914—1920. М., 2014. С. 114—115.*

⁷⁶ То, что операция немцев в Курляндии была вызвана именно набегом на Мемель и его грабежом, утверждал, например, сотрудник русской Ставки М. К. Лемке, а также командовавший силами прикрытия границы генерала С. Гребенщиков. См., напр.: *Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке. С. 311—313.*

⁷⁷ Подр. об этом см.: *Позек М. Германская конница в Литве и Курляндии в 1915 г. М.; Л., 1930.*

⁷⁸ Лишь недавно она стала предметом специальных исследований, см.: *Из истории Карпатской операции / сост. О. В. Чистяков и др. М., 2015.*

⁷⁹ См.: *Позек М.* Германская конница в Литве и Курляндии в 1915 г. С. 56—63.

⁸⁰ См.: Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009. С. 97—124.

⁸¹ Действия одной из германских дивизий, сыгравших важную роль в прорыве, даже стали предметом специального исследования эффективности ведения боевых действий, см.: *Stachelbeck C.* Militärische Effektivität im Ersten Weltkrieg: die 11. Bayerische Infanteriedivision 1915 bis 1918. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2007.

⁸² См.: *Afflerbach H.* Falkenhayn. P. 10—11.

⁸³ См.: *Kritik des Weltkrieges: Das Erbe Moltkes und Schlieffens im Großen Kriege. Von einem Generalstäbler.* Leipzig, 1921. S. 147—159.

⁸⁴ Лиддел-Гарт утверждает, что для Фалькенгайна даже знаменитая газовая атака под Ипром 22 апреля 1915 г. была всего лишь экспериментом в преддверии широкомасштабного использования отравляющих веществ против русской армии. См.: *Лиддел-Гарт Б.* Правда о Первой мировой. С. 111. Это утверждение вызвано лишь тем, что Лиддел-Гарт просто не знал, что на Русском фронте химические атаки были еще до Ипра, в январе-феврале 1915 г.

⁸⁵ См.: *Rahn W.* The Naval War in the Baltic, 1914—1918. A German Perspective // The Danish Straits and German Naval Power 1905—1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G. P. Groß. Potsdam, 2010.

⁸⁶ См.: *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914—1917). М., 2013.

⁸⁷ Длительные споры в историографии относительно перспектив войны на Восточном фронте в 1914—1915 гг. давно стихли и нуждаются в радикальном обновлении взглядов, однако пока целостного исследования действий Обер Оста в период 2-го ОХЛ нет. Имеющиеся работы, как правило, исходят из биографий Людендорфа и Гинденбурга, не ставя Восточный фронт в фокус внимания. В целом историография остается с багажом 20—30-х гг. См.: *Groß G. P.* Im Schatten des Westens. Die deutsche Kriegführung an der Ostfront bis Ende 1915 // Die vergessene Front... S. 49—50.

⁸⁸ *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 67.

⁸⁹ Записи подполковника Лоссберга см.: *Der Erste Weltkrieg. Dokumente* / Hrsg. von H. Otto, K. Schmiedel. S. 137—138.

⁹⁰ *Грёнер В.* Завещание Шлиффена. С. 106.

⁹¹ *Gallwitz M. v.* Meine Führertätigkeit. S. 325.

⁹² Целый ряд не менее резких и верных оценок В. В. Шульгина составляет переиздавать его многочисленные труды до сих пор. См., напр.: *Шульгин В. В.* Россия, Украина, Европа: Избранные работы / Сост., комм. А. В. Репникова. М., 2015.

⁹³ См., подр.: *Schmitz M.* «Als ob die Welt aus den Fugen ginge». Kriegserfahrungen österreichisch-ungarische Offiziere 1914—18. Paderborn, 2016. S. 63—102.

⁹⁴ См., подр.: *Das Bayernbuch vom Weltkriege 1914—1918: 2 Bde /* Bearb. von K. Krafft von Dellmensingen. Stuttgart, 1930; *Württembergs Heer im Weltkrieg. Bd. 20 /* bearb. von A. von Haldenwang. Stuttgart, 1936; *Hoffmann J.* Die sächsische Armee im Deutschen Reich 1871 bis 1918. Diss. Dresden, 2007.

⁹⁵ См., подр.: *Deak I.* Der K. (u.)K. Offizier: 1848—1918. Wien; Köln; Weimar, 1991. Характерно, что подзаголовком к этой работе венгерский автор выбрал фразу «По ту сторону национализма».

⁹⁶ См.: *Cramon A. v.* Deutschlands Schicksalsbund mit Österreich-Ungarn. B., 1932.

⁹⁷ См.: *Strachan H.* Die Ostfront. Geopolitik, Geographie und Operationen // *Die vergessene Front...* S. 19.

⁹⁸ Германские генералы были решительно недовольны даже относительно густой польской дорожной сетью: после постоянных жалоб на грязь и раскисшие шоссе Галльвиц начинает отзываться о них так: «...дороги были в нормальном польском состоянии». Естественно, российские просторы и дороги должны были нанести еще больший удар по восприятию. См.: *Gallwitz M. v.* Meine Führertätigkeit. S. 150.

⁹⁹ Таким образом, операции на охват и уничтожение в духе Седана возможные были только «на бумаге и в головах некоторых офицеров Генштаба», причем по объективным, инфраструктурным причинам. См.: *Groß G. P.* Im Schatten des Westens. Die deutsche Kriegführung an der Ostfront bis Ende 1915 // *Die vergessene Front...* S. 64.

¹⁰⁰ В работе Г. Редерна о сражении в Мазурии зимой 1915 г., изданной германским Генштабом уже осенью 1917 г., говорится: «...будто вместо винтовок их вооружили дубинами. По собственному наблюдению и опыту, я могу засвидетельствовать, что не видал ни одного русского солдата с дубиной вместо винтовки... Он (русский солдат) скорее решался погибнуть, нежели оставить свой пост без приказа своего офицера». См.: *Редерн Г.* Зимняя операция в районе Мазурских озер. Пг., 1921. С. 57—58.

¹⁰¹ Однако в ходе войны продолжали использоваться не только военные, но и литературные дарования Бернгарди, в 1917 г. он стал редактором сборника воспоминаний о победах на Русском фронте в 1915 г. См.: *Wie Helden sterben: Erlebnisse an der Ostfront Aug./Sept. 1915 /* Von Frau C. L., hrsg. von F. von Bernhardi. Leipzig, 1917.

¹⁰² Однако Людендорф, критикуя слабость германской пропаганды вообще, утверждает, что «русские сами работали над своим несчастьем», т. е. на Востоке особых агитационных усилий якобы не предпринималось. См.: *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 379—381.

¹⁰³ См.: *Volkman H.-E. Der Ostkrieg 1914/15...* S. 264.

¹⁰⁴ В официальной баварской версии истории Великой войны Восточный фронт начинает рассматриваться лишь с февраля 1915 г., в связи с образованием группы, а затем корпуса Ботмера. См.: *Die Bayern im Großen Kriege 1914—1918. München, 1923. S. 161 ff.*

¹⁰⁵ На ее бедность, отсталость и грязь жалуются многие германские офицеры, но Макс Галльвиц, например, честно признает, что внутренняя Польша куда лучше обустроена: «Вообще состояние хозяйства и качество почв лучше в центральной Польше, чем в приграничной. Местность стала ровнее, дороги лучше, реки полнее». *Gallwitz M. v. Op. cit. S. 50.* Это частично подтверждает версию о намеренном саботировании русским правительством развития приграничных районов во избежание создания хорошей дорожной сети и экономического тяготения Польши к Европе. Демонстрацией подобного стремления может служить, например, выкуп в казну Варшаво-Венской железной дороги по политическим соображениям перед самой войной.

¹⁰⁶ М. Гофман, сидя в Ченстохове, жаловался (29.10.1914): «Что касается меня, я буду благодарить Создателя, когда нам удастся выбраться из этой прекрасной страны. Нельзя себе представить этих дорог, этой грязи и паразитов. А между тем, страна очень богатая и плодородная». *Гофман М. Записки и дневники...* С. 155.

¹⁰⁷ *Раушер В. Указ. соч. С. 56.*

¹⁰⁸ Примеры высказываний немецких офицеров о поляках Конгрессовой Польши см. в: *Volkman H.-E. Der Ostfront 1914/15...* S. 277—278.

¹⁰⁹ В августе 1915 г. немецкая пресса ликовала по поводу торжественного взятия в плен миллионного пленного в Карпатах. См.: *Hinz U. Die deutschen «Barbaren»...* S. 344—346.

¹¹⁰ Цит. по: *Showalter D. Comrades, Enemies, Victims...* P. 217.

¹¹¹ *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. P. 34—35.*

¹¹² См., подр.: *Фишер Ф. Рывок к мировому господству. С. 339—361, 452—487 и т. д.*

¹¹³ См., подр.: *Новикова И. Н. Молодые финны обязаны были «служить Германской империи всеми силами и на любых участках фронта» // ВИЖ. 2004. № 9. Подробнее см.: Никитин В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017.*

¹¹⁴ Например, второй человек в германском военном министерстве Э. фон Врисберг писал о Парвусе так: «Доктор Гельфанд... сам — русский...» См.: *Wrisberg E von. Op. cit. S. 41.*

¹¹⁵ См.: *Volkman H.-E. Der Ostfront 1914/15...* S. 280—281.

¹¹⁶ Точнее, белорусскую, которая произвела на Э. Людендорфа, например, очень тяжелое впечатление, а его попытки разжечь белорусский национализм разбились о неграмотность и инертность местного населения. См.: *Людендорф Э. Указ. соч. С. 185, 201—203.*

¹¹⁷ В какой-то степени намеренной, т. к. среди части русского командования господствовало мнение, что приграничная полоса в оборонных целях должна иметь наихудшую систему дорог и плохую инфраструктуру вообще — для затруднения возможного вторжения противника.

¹¹⁸ См.: *Николаи В.* Указ. соч. С. 134.

¹¹⁹ См., подр.: *Западные окраины Российской империи.* М., 2007.

¹²⁰ Одно из исследований западных окраин Российской империи с такой точки зрения: *Hirschhausen U. von.* Die Grenzen der Gemeinsamkeit: Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860—1914. Göttingen, 2006.

¹²¹ Начало становлению мифа о Танненберге, по официальной версии, положил Гинденбург, который после совещания с Людендорфом направил кайзеру специальное прошение о присвоении имени Танненберга боям против 2-й русской армии Самсонова. См.: *Раушер В.* Указ. соч. С. 50.

¹²² *Liulevicius V. G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000. P. 19.

¹²³ *Liulevicius V. G.* Op. cit. P. 39—41.

¹²⁴ См.: *Liulevicius V. G.* Op. cit. P. 55—59. Историографию изучения немецких источников, где обсуждалась «культурная миссия на Востоке», см. в: См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 149. Прим. 207.

¹²⁵ Для этих целей активно привлекался труд русских военнопленных, к концу 1917 г. 205 тыс. из них работали в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях. См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 129.

¹²⁶ Командованием на Востоке была выпущена специальная книга по этому вопросу. См.: *Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen, Bjalostok-Grodno / Hrsg. im Auftrage Oberbefehlshaber Ost, bearb. von der Presseabteil. B.; Stuttgart, 1917.* См. о пропаганде и ее роли в восточной политике: *Damm E.* Ostpolitik und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Frankfurt/M., 2002.

¹²⁷ В частности, он писал: «В каждом городе развелись канцелярии с писарями, офицеры, чиновники, щеголявшие в военной форме. С надменным видом они хлопали дверями, третируя и глубоко презирая население за „некультурность“. Население втайне платило им такой же ненавистью... Некоторые влиятельные офицеры уже высматривали для себя поместья... К населению они относились так, как эльбские помещичьи зубры к своим польским батракам и батрачкам». См.: *Цвейг А.* Указ. соч. С. 75.

¹²⁸ См.: *Liulevicius V. G.* German Military Occupation... P. 206.

¹²⁹ В связи с недостатком литературы на русском языке можно рекомендовать лишь: *Исламов Т. М.* Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи / НИИ. 2001. № 5. Базовой работой для зарубежных исследователей остается много раз переиздававшаяся монография о «гибели

двуглавого орла»: *Rauchensteiner M. Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie. Wien, 2013.*

¹³⁰ См., подр.: *Ясу О. Распад Габсбургской империи. С. 169—267.*

¹³¹ См.: *Айранетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию 1907—1917. М., 2003.*

¹³² *Буржуазия накануне Февральской революции / Подг. Б. Б. Граве. М.; Л., 1927.*

¹³³ См., напр.: *Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (на материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002.*

¹³⁴ Достаточно емкое и профессиональное описание намеренной дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в 1915—1917 гг. см.: *Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.*

¹³⁵ См., напр.: *Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны / Сост. Р. Ш. Ганелин и др. СПб., 1999.*

¹³⁶ *Дворян-немцев в России, многие из которых традиционно выбирали военную карьеру, было немало, а в дворянстве Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний они составляли от 62 до 38 %. См.: Беккер С. Миф о русском дворянстве. С. 293.*

¹³⁷ Например, талантливый командир III Кавказского армейского корпуса, герой обороны Порт-Артура стал в 1915 г. из Ирмана Ирмановым. Генерал Цеге фон Мантейфель стал Николаевым...

¹³⁸ Характерно, что зачастую потомки французской знати даже сохранили в титуле французское «*baron*» вместо немецкого «*freiherr*».

¹³⁹ См. подр. о структуре главной квартиры кайзера и ее функциях: *Hull I. V. The entourage... S. 174—177.*

¹⁴⁰ Это не относится к эльзасцам, оказавшимся в ситуации в буквальном смысле братоубийственной войны. См.: *Stark G. D. Banned in Berlin: literary censorship... P. 108.*

¹⁴¹ См.: *Reimann A. Der Erste Weltkrieg. S. 36.*

¹⁴² *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front. P. 2—3.*

¹⁴³ Сильные впечатления приводили к попыткам литературного творчества. Например, знаменитая песня «*Lily Marleen*» была написана солдатом Восточного фронта Первой мировой войны. Примеры стихов, отражающих впечатления от войны на Востоке, см. в: *Liulevicius V. G. German Military Occupation and Culture on the Eastern Front in the World War I // The Germans and the East / ed. C. W. Ingrao, F. A. J. Szabo. Purdue Univ. Press, 2008. P. 203—205.*

¹⁴⁴ *Hoeres P. Die Slawen. Perzeptionen des Kriegsgegners... // Die vergessene Front... S. 192.*

¹⁴⁵ *Dülffer J. Deutsch-russische Beziehungen // Deutschland, Frankreich, Russland. Begegnungen und Konfrontationen. München, 2000. S. 95.*

¹⁴⁶ См.: *Раунах Р. Р. фон. Facies Hippocratica* (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 г. СПб., 2007. С. 84—89.

¹⁴⁷ См.: *Айранетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели...* С. 75—76.

¹⁴⁸ *Dülffer J. Deutsch-russische Beziehungen...* S. 104—105. Ф. Степун приводит примеры того, что этот процесс продолжался и в годы войны, которая заставила некоторых российских немцев сильнее почувствовать свои исторические корни. См.: *Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста*. С. 172—174.

¹⁴⁹ Бюлов характеризовал его так: «Теодор Шиман принадлежал к числу тех балтийцев, которые рассматривают все события и обстоятельства, все мировое положение с узкой точки зрения своей родины в самом узком смысле этого слова...» См.: *Бюлов Б. Указ. соч.* С. 321.

¹⁵⁰ См.: *Schiemann T. Die letzten Etappen zum Weltkrieg. Deutschland und die große Politik anno 1914. 2. Aufl. B., 1915.*

¹⁵¹ См.: *Dülffer J. Deutsch-russische Beziehungen...* S. 105—106.

¹⁵² См.: *Koenen G. Der Russland-Komplex...* S. 41—42.

¹⁵³ См., подр.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914—1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие военные формирования в России. 1914—1917 гг. М., 2013; *Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г. Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу во время Первой мировой войны*. М., 2014.

¹⁵⁴ См.: *Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. Сб. стат...* С. 156—162.

¹⁵⁵ В том числе в Россию через Швецию попадали товары военного значения, например немецкие медикаменты и термометры, в Германию — корма и продовольствие. См.: *Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»...* С. 183—184.

¹⁵⁶ Их положение официально регулировалось Гаагской конвенцией. См.: *Плохотнюк Т. Н. Указ. соч.* С. 46—48.

¹⁵⁷ См.: *Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги?* М., 2008.

¹⁵⁸ Характерный пример массовой русской литературы, доказывающей обывателям презрение, зверство и враждебность немцев ко всему русскому: *Поливанов. Правда о немцах*. Пг., 1916; *Шарков В. В. Германия — наш главный враг*. СПб., 1914; *Глубоков Г. Высокомерный народ*. Пг., 1914; *Наши враги-немцы*. М., 1914; *Резанов А. С. Исследования немецких зверств*. СПб., 1914.

¹⁵⁹ В этом не так легко разобраться и с помощью статистики, хотя формула «до 1913 года» стала составной частью советской мифологии и соответствующей контрмифологии. Статистику см., напр.: *Россия нака-*

нуне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М., 2008.

¹⁶⁰ См.: Китанина Т. М., Потолов С. А. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг.: Очерки правительственной Политики. Л., 1978.

¹⁶¹ Среди многочисленной литературы достаточно указать на юбилейную коллективную монографию: Россия в годы Первой мировой войны. Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014.

¹⁶² Германская точка зрения на события в Причерноморье и в Проливах: Mühlmann С. Das deutsche-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940; Лорей Г. Операции германо-турецких сил в 1914—1918 гг. М., 2004.

¹⁶³ См., подр.: Черников И. Гибель империи. С. 519—540.

¹⁶⁴ См.: Ланник Л. В. Победоносные проигравшие. С. 275—277, 297—299.

¹⁶⁵ Новых корпусов более не формировалось, только новые дивизии, а потом и лишь полки. См. о германской армии: Cron H. Geschichte des Deutschen Heeres im Weltkriege 1914—1918. В., 1937. Данные об австрийской лучше всего представлены в 7-томной официальной версии.

¹⁶⁶ См., напр.: Österreich-Ungarns letzter Krieg: 7 Bde. Wien, 1931. Bd. 1. S. 45—48.

¹⁶⁷ Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях. М., 2014. С. 136—142.

¹⁶⁸ Гофман М. Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925. С. 97—98; Kabisch E. Streitfragen des Weltkrieges 1914—1918. Stuttgart, 1924. S. 167—191, 363—369.

Глава 3

¹ Подр. см.: Müller S. O. Die Nation als Waffe und Vorstellung. Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002. S. 120—123.

² В том числе в их самых неприглядных формах, подр. см.: Nelson R. L. German Comrades — Slavic Whores... // Home/front... P. 78—80.

³ Специально для того, чтобы опровергнуть расхожее мнение о более легкой, чем на Западе, войне на Русском фронте, была выпущена серия статей участника Великой войны В. Бекмана, который приводил примеры обратного. См.: Бекман В. Немцы о Русской Армии. Прага, 1939. С. 35—36.

⁴ В том числе за счет высокого уровня заболеваемости, граничащего с пандемией. Германские войска потеряли в 4 раза больше заболевшими, чем ранеными. См.: Showalter D. Comrades, Enemies, Victims... P. 218. Not. 44.

⁵ По крайней мере, в течение первых двух лет войны. См.: *Liulevicius V. G. War Land on the Eastern Front*. P. 22. Потери австро-венгерской армии зимой 1915 г. в Карпатах оцениваются как самые тяжелые за Великую войну при учете продолжительности операции. См.: *Österreich-Ungarns letzter Krieg*. Bd. 2. S. 269—271.

⁶ А. Смирнов в своей статье, сравнивая русскую и германскую армии Первой мировой войны, весьма оптимистично заявляет о превосходстве или, как минимум, паритете двух армий по целому ряду качественных показателей. См.: *Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // Родина*. 2004. № 9. С. 17—23.

⁷ См.: *Volkman H.-E. Der Ostkrieg 1914/15...* S. 271.

⁸ Например, командующий Отдельным корпусом жандармов ген. Джунковский описывал в донесении случай массовой сдачи в плен русских солдат в феврале 1915 г., после поражения в зимнем сражении в Мазурии: «ничтожная горсть немцев (человек 40, преимущественно мальчишек) загнала русских в залы вокзала и заперла до утра». См.: 1917. Разложение армии. С. 38—39.

⁹ Типичное представление о русском солдате и офицере германского военного: «На русском офицере недостатки национального характера отражались особенно. У него были крепкие нервы, холодная кровь, и ему не откажешь в особой личной молодцеватости, однако ему сильно не хватало чувства долга и ответственности. Он слишком сильно зависел от личной тяги к удобствам, был умственно и физически ленив, несамостоятелен и беспомощен при непредвиденных обстоятельствах. Офицеры Генштаба много занимались научной работой, однако имели мало склонности к практическому руководству войсками. Еще менее надежны были военные чиновники». См.: *Francois H. Marneschlacht und Tannenberg*. S. 133—134.

¹⁰ Для сравнения: Макс Галльвиц на Сомме о высоко котировавшейся британской армии отзывался так: «Нигде я не видел таких львов, которыми предводительствовали бы такие бараны», что чрезвычайно показательно для мнения немецких генералов об их коллегах из Великобритании.

¹¹ Например, Людендорф утверждал, что если бы план великого князя Николая Николаевича в Варшавской операции октября 1914 г. удался, то «победа Антанты была бы обеспечена». Далее следовало описание блестящей обороны германских войск. См.: *Людендорф Э. Указ. соч.* С. 88—96. Высокую оценку получил и замысел Нарочской операции 1916 г. См.: *Kritik des Weltkrieges*. S. 170.

¹² Как всегда в случае оценки немцами потерь русской армии, называемые цифры абсолютно неправдоподобны. П. Гинденбург: «5 или 8 млн потерь русских... горы трупов перед нашими позициями» (*Гин-*

денбург П. Указ. соч. С. 48—49). После Великой войны потери русской армии по отношению к немецким «умеренно» оценивались как 1:3. См.: *Armee und Revolution...* S. 13.

¹³ И познакомились они, что характерно, на кайзеровских маневрах 1897 г.

¹⁴ См.: *Kritik des Weltkrieges*. S. 172.

¹⁵ См.: *Groß G. P. Im Schatten des Westens. Die deutsche Kriegführung an der Ostfront bis Ende 1915 // Die vergessene Front...* S. 62—63. Можно согласиться с Д. Шовалтером, который впечатления от русских солдат в германской армии резюмировал так: «Русского солдата тяжело убить, но легко победить». См.: *Showalter D. Comrades, Enemies, Victims...* P. 217.

¹⁶ См.: *Балк В. Развитие тактики в мировую войну*. С. 130, 133.

¹⁷ См.: *Showalter D. Tannenberg...* P. 64.

¹⁸ См.: *Балк В. Развитие тактики в мировую войну*. С. 129—130.

¹⁹ См.: *Seeckt H. v., Rabenau F. Bd. 1. Aus meinem Leben 1866—1917. Leipzig, 1938.*

²⁰ *Куль Г., Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 53.*

²¹ Цит. по: *Гушин Ф. А., Жебровский С. С. Указ. соч. С. 132.*

²² См.: *Strachan H. Die Ostfront. Geopolitik, Geographie und Operationen // Die vergessene Front...* S. 22—23.

²³ Этот факт лучше всего продемонстрирован в германской версии истории военных железных дорог: *Das deutsche Feldeisenbahnwesen. Bd. 1. Die Eisenbahnen zu Kriegsbeginn. Berlin, 1928. S. 152ff.*

²⁴ Подр. об этом см.: *Fischer F. Krieg der Illusionen...* S. 761, 783.

²⁵ См., подр.: *Remer C. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt/M., 1997. S. 199—210.*

²⁶ О взаимосвязи идейных концепций пангерманцев, экономических интересов германских промышленных кругов и геополитических взглядов германских военных при планировании переустройства Восточной Европы см.: *Теодорович И. М. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914—1915 гг. // Первая мировая война...* М., 1968.

²⁷ Впрочем, главного идеолога концепции «Mittleuropa» многие оценивали скептически, например, А. Баллин говорил о нем Бюлову: «Неужели, ваше сиятельство, все еще не заметили <...>, что наш добряк Науман политически феноменально глуп?» См.: *Бюлов Б. Указ. соч. С. 375.*

²⁸ См. подр.: *Rathenau W. Industrialist, Banker, Intellectual, and Politician. Notes and Diaries 1907—1922 / ed. H. Pogge von Strandmann. Oxf., 2005. P. 195—207; Кёнен Г. «Переселение народов снизу». Вальтер Ратенау о России и Советском Союзе / Германия и русская революция...* С. 240—250.

²⁹ Цит. по: *Koenen G. Der Russland-Komplex...* S. 71.

³⁰ Цит. по: Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen... S. 127—128.

³¹ Например, в духе, близком к рассуждениям идеологов III Рейха, еврей-банкир писал: «Россия имеет национальные особенности, но не располагает чувством национального достоинства. Россия любила всех своих завоевателей, как русская крестьянка просит побоев». Цит. по: *Koenen G. Der Russland-Komplex...* S. 72.

³² И то, и другое заставляло немецкое командование на Востоке считать, что они воюют против «половины Азии», эта оценка активно использовалась в пропаганде. См., напр.: *Раушер В.* Указ. соч. С. 68.

³³ *Hull I. V.* Op. cit. P. 248.

³⁴ *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 62.

³⁵ См.: *Volkman H.-E. Der Ostkrieg 1914/15...* S. 288—289.

³⁶ М. Гофман писал (6.3.1915): «Я только что прочел записку Каппа. Вот подлец! ...он указывает, что нам гораздо легче наступать на Москву... Я считаю совершенно невероятным, чтобы нас побили, но точно так же мы не в состоянии одержать такие победы, которые дали бы нам возможность диктовать условия». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 157.

³⁷ *Бубнов А., Вандам А., Головин Н.* Неуслышанные пророки грядущих войн / Сб. сост. Образцов. И. В. М., 2004. С. 133.

³⁸ Например, воззвания католических и протестантских организаций Германии.

³⁹ См.: Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // ВИЖ. 2003. № 9. С. 34. См. также полную их версию: *Снесарев А. Е.* Дневник 1916—1917 гг. М., 2014.

⁴⁰ См.: *Головин Н. Н.* Военные усилия России. С. 113—115, 165—172.

⁴¹ В современной историографии общее количество русских военнопленных в германских лагерях в 1918 г. оценивается уже в 1.5 млн человек. Однако в конце 1917 г., по данным германского Генштаба, их было все-таки 1.2 млн. См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 9, 129.

⁴² Немецкие контрольные органы порой вынуждены были привлекать к ответственности охранников, работодателей, обывателей и особенно женщин за чересчур сочувственное отношение к военнопленным, приводившее к различным нарушениям режима и даже к содействию побегам со стороны немцев. См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 135—136, 140—146.

⁴³ Например, П. Гинденбург позволял себе такие высказывания: «Русская пехота постепенно заявляет всюду, что она больше сражаться не будет, но она же **по своей тупости** (выделено мной. — Л. Л.) остается в окопах». См.: *Гинденбург П.* Указ. соч. С. 47.

⁴⁴ Тирпиц утверждал, что русских и немцев заставили истреблять друг друга коварные англичане. См.: *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 270. В. Балк

последовательно утверждал, что русских солдат в атаку гнали нагайками, к недоумению советского переводчика. См.: *Балк В.* Развитие тактики в мировую войну. С. 139—141.

⁴⁵ См., напр.: *Hinz U.* Die deutschen ‚Barbaren‘... S. 357—359.

⁴⁶ «...Россия не имеет выраженного мировоззрения. Лишь некоторую враждебную предубежденность, особенно в придворных кругах и у высшей буржуазии, которая была вызвана, скорее, неудачной политикой Германии. У традиционной дружбы Германии и России было еще много приверженцев. Огромная масса народа была индифферентна, так что Россия вступила в войну без внутреннего порыва, без руководящей идеи, будучи в действительности жертвой англо-французских интриг и подкупа. Это несчастье, что народ, столь близкий к немцам своим благородством и добротой, силой и жертвенностью, что, конечно, требует важной культурной миссии, оказался им враждебен». *Bauer M.* Der Große Krieg... S. 289.

⁴⁷ См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 34—35.

⁴⁸ Своеобразной вершиной подобных акций стало переданное через американское посольство в Вене уведомление российского МИД от 14 ноября 1916 г., что в связи с плохим обращением с русскими военнопленными Россия не будет считать себя связанной Гаагской конвенцией по отношению к военнопленным Центральных держав. См.: *Wurzer G.* Die Kriegsgefangene der Mittelmächte in Rußland. S. 19.

⁴⁹ М. Гофман писал в январе 1916 г.: «В лагерях для военнопленных нет ни одного лишнего рта. Все трудоспособные военнопленные работают, а отовсюду поступают к нам требования: давайте военнопленных, нам нужны еще батальоны военнопленных». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 191.

⁵⁰ Об использовании труда военнопленных, например, в Саратовской губернии, см.: *Калякина А. В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье 1914—1922. М., 2014. Так, хорошо информированный полковник Хауз в январе 1916 г. писал, что прусские юнкера не хотят мира, так как у них за 6 центов трудятся русские военнопленные, а до войны работникам приходилось платить по 75—80 центов в день. См.: Архив полковника Хауза. Т. 1. С. 360.

⁵¹ О исследованиях национального, религиозного и расового состава солдат российской армии в Германии см.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 149—151.

⁵² Подр. см.: *Греков Б. И.* Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война: Пролог XX века / Сб. стат. Отв. ред. А. В. Мальков. М., 1998. С. 419—432.

⁵³ Не считая известных в Европе «финского», «польского» и «еврейского» вопросов. См.: *Сергеев Е. Ю.* Иная земля, иное небо... С. 184—195.

⁵⁴ *Liulevicius V.G.* Op. cit. P. 7.

⁵⁵ См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 149—150.

⁵⁶ *Baranowski S.* Nazi Empire: German Colonialism and Imperialism from Bismarck to Hitler. Cambridge, 2010. P. 90.

⁵⁷ В этом обвиняли и ревность к победам на Востоке Фалькенгайна, и чрезмерную скупость на повышения военного кабинета, возможно, это было искусственно раздутой интригой дуумвирата против Фалькенгайна, специально подчеркивавшего нежелания главы 2-го ОХЛ идти навстречу исправно посылаемым представлениям. «Фалькенгайн, persona gratissima у кайзера, кажется, смотрел на фигуру народного героя Гинденбурга не без ревности. Поэтому он отказывал во многих запросах Обер Оста... Мое представление об особом награждении генералов Сурэна, фон Штаабса и барона фон Тумба... было также отклонено военным кабинетом, что я считал несправедливым по сравнению с другими свершениями, однако это объяснялось недооценкой подвигов на востоке вообще. В связи с этим мы имели слишком мало повышений». *Gallwitz M. v. Meine Führertätigkeit.* S. 256.

⁵⁸ См.: *Cron H.* Geschichte des Deutschen Heeres. S. 7.

⁵⁹ Прусский военный министр Вильд фон Хоэнборн заметил, что невозможно понять, «измотана ли Россия». См.: *Hohenborn W. A.* Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des preussischen Generals als Kriegsminister und Truppenführer im Ersten Weltkrieg / Hrsg. H. Reichold. Boppard/R., 1986. S. 90.

⁶⁰ *Евдокимова Н. П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914—1917 гг. М.; Л., 1985. С. 58—59.

⁶¹ Тем не менее, Варшава была взята немцами 5 августа, а Вильна — 19 сентября того же года.

⁶² М. Гофман писал (6.3.15): «...здесь в России, я против всяких территориальных захватов. О балтийских провинциях не может быть и речи, мы их не завоевали и не в состоянии завоевать. Кроме того, местное население далеко не немецкое и нас знать не хочет». Уже после «Великого отступления» русской армии он все равно придерживался осторожных оценок (6.10.15): «Если Россия будет вести переговоры с нами, можно было бы с ней поторговаться. Пожалуй, придется вернуть Варшаву... Отдать ее Австрии мы не можем, для нас она была бы слишком тяжелой обузой, как и польское буферное государство». К декабрю 1915 г. аппетиты Гофмана стали включать помимо приграничной полосы Литву и Курляндию, но по-прежнему без основной части Польши и Варшавы. *Гофман М.* Записки и дневники... С. 158, 181—182, 188.

⁶³ *Гофман М.* Записки и дневники... С. 219.

⁶⁴ См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 500—501.

⁶⁵ См.: *Zabecki D.* Steel Wind: Colonel Georg Bruchmüller and the Birth of Modern Artillery. Westport, CT, 1994; *Брухмюллер Г.* Германская артиллерия во время прорывов в Мировой войне. М., 1923.

⁶⁶ В западной историографии версия о возможном «русском факторе» в судьбе Вердена и вовсе фактически не рассматривается. См.: *Foley R. T.* German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the development of Attrition 1870—1916. Cambridge, 2005.

⁶⁷ Сражения Первой мировой войны на территории Беларуси. Битва у Нарочи. 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении (Нарочская операция). Брест, 2016.

⁶⁸ Ряд предположений и претензий на стратегические последствия удачных шпионских действий, приведших к гибели лорда Китченера, см. в сборнике самых известных работ (Томсона, Букара, Ривьера) о германском (и не только) шпионаже: Шпионаж во время войны. М., 2007.

⁶⁹ См.: *Больных А. Г.* Величайшее морское сражение Первой Мировой. Ютландский бой. М., 2010.

⁷⁰ Попытки свести в единый ряд наиболее масштабные по последствиям операции Первой мировой войны уже предпринимались, см. сборник: Катастрофы Первой мировой. М., 2005.

⁷¹ См.: *Брусилов А. А.* Воспоминания. С. 232—254.

⁷² В германской серии «Сражения Великой войны» была выпущена специальная работа, быстро переведенная на русский язык: *Фогель В.* Барановичи 1916. Пг., 1921.

⁷³ См.: *Фогель В.* Барановичи. С. 26.

⁷⁴ На русском языке на эту тему существуют лишь, к сожалению, не всегда легко доступные массовому читателю и даже специалистам работы В. В. Миронова. См.: *Миронов В. В.* Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011.

⁷⁵ См., напр.: *Barrett M. P.* Prelude to Blitzkrieg. The Austro-German Campaign in Romania. Bloomington, 2013.

⁷⁶ См. меморандум Гинденбурга от 23 декабря 1916 г., адресованный канцлеру: *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen...* S. 136.

⁷⁷ Столь прокливаемый впоследствии аннексионистами Бетман еще 4 января обсуждал с Гинденбургом условия мира, близкие к проектам ОХЛ, и собирался на основе этих требований вступить в переговоры с США, но они не состоялись из-за решения о начале неограниченной подводной войны. См.: *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen...* S. 138—140.

⁷⁸ См.: *Евдокимова Н. П.* Указ. соч. С. 77.

⁷⁹ См., напр.: *Morgen C. v.* Op. cit. S. 78.

⁸⁰ См.: *Нойманн И.* Указ. соч. С. 193—207.

⁸¹ Рейхсканцлер Бетман-Гольвег 2 апреля 1916 г. заявил в рейхстаге: «Никогда Германия не выдаст русскому реакционному режиму освобожденных ею народов, будь то поляки, эстонцы, курляндцы или литовцы». В интерпретации ненавидевшего его Бюлова это было сделано в угоду социал-демократам, которые действительно строили свою поддержку войны на мотиве борьбы с «русским деспотизмом». См.: *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 490; *Царуски Ю.* От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм» / Германия и русская революция / Пер. с нем. под ред. Я. Драбкина. М., 2004. С. 104—109.

⁸² Первая монография о военнопленных генералах русской армии вышла сравнительно недавно, но уже готовится к переизданию. См.: *Луцин Ф. А., Жебровский С. С.* Пленные генералы Российской императорской армии 1914—1917. М., 2010.

⁸³ Обзор статистики о германских пленных, как российской, так и зарубежной см.: *Wurzer G.* Op. cit. S. 22.

⁸⁴ Для сравнения: русских офицеров в плену у Центральные держав было около 14,5 тысяч. См.: *Wurzer G.* Op. cit. S. 488.

⁸⁵ В конце 1916 г. при обсуждении вопроса об обмене некоторых пленных генералов русская Ставка констатировала, что пленных германских генералов нет вовсе, а штаб-офицеров только 15 человек. См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 45—46.

⁸⁶ В связи с этим обстоятельством с сожалением можно констатировать, что появившаяся в последние десятилетия литература о военнопленных Первой мировой пока сосредоточена на истории «маленького человека», его «повседневности». См. подр.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 17—25; *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914—1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt/M., 2005; *Rachimov A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2002; *Overmanns R.* „Hunnen“ und „Untermenschen“ — deutsche und russisch/sowjetische Kriegsgefangenschaftserfahrungen im Zeitalter der Weltkriege // *Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: ein Vergleich* / Hrsg. von V. Thoß. Paderborn, 2002. S. 335—365.

⁸⁷ В октябре 1918 г. в немецком плену находилось 40,2 тысячи офицеров и 2374,8 тысяч нижних чинов, среди которых по-прежнему преобладали русские, даже французов было почти в 3 раза меньше (около 500 тысяч). См.: *Hinz U.* Die deutschen „Barbaren“... S. 339.

⁸⁸ См.: *Liulevicius V. G.* War land on the Eastern Front. P. 22.

⁸⁹ М. Гофман 5 ноября 1916 г. писал: «Восточный фронт является неисчерпаемым источником. Но постепенно иссякает и этот источник». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 220.

⁹⁰ См.: *Головин Н. Н.* Военные усилия России. М., 2001. С. 32—34, 83—84.

⁹¹ К сожалению, пока в полной мере современного и масштабного исследования этой страницы российской военной истории не написано, а потому незаменимой остается обобщающая работа межвоенного периода: *Данилов Ю. Н.* Русские отряды на Французском и Македонском фронтах 1916—1918 гг. Париж, 1933.

⁹² В годы Первой мировой особенно до разгрома Сербии старый миф «креста над Св. Софией» обсуждался особенно рьяно, см., подр.: *Каширин В. Б.* Бессилие и лукавство у порога Балкан: проблема применения военной силы России на черноморско-балканском направлении в 1914—1915 гг. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 300—366.

⁹³ Одно из описаний этого периода со всеми особенностями биографического жанра см.: *Зырянов П. Н.* Колчак. М., 2013. С. 262—286.

⁹⁴ См., подр.: *Гурко В. И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914—1917 гг. М., 2007. С. 261—272.

⁹⁵ См., подр.: *Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917—1923* / ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014.

Глава 4

¹ Подробно о мерах по пресечению большевистской пропаганды на фронте и инструкциях Генерального штаба прессе рассказывала советская историография: *Брюнин В. Г.* Первые отклики рабочего класса... С. 192—196.

² Это признавали и адмиралы кригсмарине на основе опыта обеих мировых войн, см.: *Assmann K.* Deutsche Seestrategie in zwei Weltkriegen. Heidelberg, 1957. S. 94—96.

³ Вайцеккер цитирует эти взгляды: «Если бы мы только знали, что это произойдет, мы бы не заставили Америку воевать против нас». *Вайцеккер Э.* Указ. соч. С. 32.

⁴ См.: *Koenen G.* Der Russland-Komplex... S. 101—102.

⁵ См., напр.: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России 1905—1917. М., 1990; *Войтиков С. В.* Армия и власть. Корнилов, Вапетис, Тухачевский 1905—1937. М., 2016; *Оськин М. В.* Главнокомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.

⁶ Достаточно подробно и убедительное (с учетом особенностей жанра) полотно вызревания Февральской революции дал А. И. Солженицын в своей эпопее «Красное колесо».

⁷ См., напр.: *Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке. Мн., 2003; *Сенсарев А. Е.* Дневник 1916—1917. М., 2014; *Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции. С. 77—135.

⁸ Перешедший на сторону большевиков граф А. А. Игнатьев полагал, что «слишком противна духу царизма сама идея милиционной армии и

то доверие к населению, на котором эта идея была основана». См.: *Игнатьев А. А.* Указ. соч. С. 345.

⁹ Профессиональное сравнение развития резерва и использования людских ресурсов в Германии и в России дал генерал-лейтенант Н. Н. Головин. См.: *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 18—21, 397.

¹⁰ Особенности образования дивизий 2-й очереди в мобилизации 1914 г., безответственность, халатность и принципиальные просчеты русского командования см. в: *Симанский П.* Мобилизация 1914 г. и ее недостатки // *Война и революция* // www.grwar.ru; *Незнамов А.* Стратегия темперамента // *Сборник статей по военному искусству.* М., 1921 // www.grwar.ru.

¹¹ См.: *Гофман М.* Записки и дневники... С. 226—228. В своей записке канцлеру 19 апреля 1917 г. Людендорф сдержанно, но решительно утверждал, что военное положение «складывается для нас столь удачно, что можно не рассчитывать в ближайшее время на наступление русских... раньше или позже русская армия окончательно сложит оружие, предвидеть невозможно». *Der Erste Weltkrieg. Dokumente* / Hrsg. von H. Otto, K. Schmiedel. S. 234.

¹² К. Рицлер весной 1917 г. с горечью заметил, что ни о каких переговорах не может быть и речи, «люди играют в комитетах...». См.: *Riezler K.* Op. cit. S. 84—85.

¹³ Специального исследования российской версии этой послевоенной легенды до сих пор нет, зато есть блестящая работа о самом известном «ударе ножом в спину», германском: *Barth B.* Dolchstoßlegende und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914—1933. Düsseldorf, 2003.

¹⁴ См., подр.: *Граф Келлер* / С. В. Фомин, Р. Г. Гагкуев, С. С. Балмасов. М., 2007.

¹⁵ См.: *Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов* / сост. и ред. А. А. Иванов, С. Г. Зирин. М., 2008.

¹⁶ *Кёнен Г.* О духе русской революции // *Германия и русская революция 1917—1924* / Пер. с нем. под ред. Я. С. Дробкина. Т. 5—1. М., 2004. С. 53.

¹⁷ М. Гофман писал 6 апреля 1917 г.: «Англия объявила новый лозунг: „Мы ведем войну не против Германии, не против германского народа, но лишь против Гогенцоллернов и их прусских прихвостней“». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 228.

¹⁸ М. Гофман, 12 мая 1917 г.: «Мы уговариваем русских, что пора наконец бросить все эти глупости и заключить мир, но они, однако, еще не согласны с этим. Вчера в первый раз несколько наших офицеров поехали... в русский штаб. Никаких ощутительных результатов это не дало», 29 мая 1917 г.: «Ген. Драгомиров, командующий русским Северным фронтом, разрешил явиться к нему нескольким немецким офицерам.

Оказывается, не он этого хотел, а солдаты заставили его так поступить... Он расписался в получении письма, но ничего не ответил». См.: *Гофман М.* Записки и дневники... С. 228—230. Характерно, что и в годы Третьего рейха в официальной версии истории Великой войны не преминули написать про германские попытки использовать революционные настроения в русской армии, а также наладить контакт напрямую с солдатскими советами через голову командования. См.: *Der Weltkrieg 1914 bis 1918.* Bd. 12—13.

¹⁹ См. телеграмму Циммермана и Бетмана от 7 мая 1917 г.: См.: *Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917.* S. 276—277.

²⁰ См.: *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht... S. 289—292.

²¹ См.: *Wrisberg E von.* Op. cit. S. 43. Anm. 1. За что, вероятно, и был вскоре отправлен в строй командовать резервной бригадой с производством в генерал-майоры.

²² См.: *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen...* S. 140—141; *Федюшин О.* Указ. соч. С. 63—65.

²³ Такое заявление он сделал другу кайзера магнату А. Баллину 1 августа 1914 г. См.: *Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917.* S. 189—190; *Бюлов Б.* Воспоминания. С. 440.

²⁴ См.: *Tirpitz A.* Deutsche Ohnmachtspolitik... S. XI; *Эггерт З. К.* Указ. соч. С. 44; *Бюлов Б.* Указ. соч. С. 494. К. Каутский писал во время войны, что он и его товарищи голосовали за кредиты, в т. ч. «ради освобождения России от царизма». Цит. по: *Ленин В. И.* Соч. Т. 28. С. 244.

²⁵ О позициях немецкой социал-демократии и ее лидеров в 1917 г. см.: *Бровко Л. Н.* Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии // *Первая мировая война. Пролог XX века...* С. 250—274; *Кардашова Е. В.* Эволюция образа большевистской России в СДПГ в 1917—1919 гг. // *Россия и Германия в XX в.: События, образы, люди / Под ред. Туполева Б. М.* Вып. 1. Воронеж, 1998. С. 25—31.

²⁶ См.: *Müller S. O.* Die umkämpfte Nation... S. 159—160.

²⁷ По ехидному замечанию Грёнера, «массы хотят вместо мяса и хлеба накормить избирательными бюллетенями». Цит. по: *Feldman G. D.* Op. cit. P. 422.

²⁸ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 446—447.

²⁹ Так, Г. Дельбрюк писал: «Русские стали свободными только из-за нашей победы». Цит. по: *Эггерт З. К.* Указ. соч. С. 398.

³⁰ *Царуски Ю.* От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм» // *Германия и русская революция...* С. 106.

³¹ См.: *Bruendel S.* Volksgemeinschaft oder Volksstaat... S. 81—82.

³² См., подр.: *Oppelt U.* Op. cit. S. 120—125.

³³ См., подр.: *Baumeister M.* „L'effet de reel“. Zum Verhältnis von Krieg und Film von 1914 bis 1918 // *Krieg und Militär im Film des 20. Jahr-*

hundreds / Hrsg. B. Chiari, M. Rogg, W. Schmidt. München, 2003. S. 252—256.

³⁴ *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917—1920. Wien; Köln; Weimar, 2003.

³⁵ В братаниях, впрочем, иногда участвовали и офицеры. Например, Шоберта (в будущем — ген.-полк. вермахта) за это едва не судили в 1916 г. на Западном фронте.

³⁶ См., напр.: *Брюнин В. Г.* Указ. соч. С. 126—132. В начале марта 1915 г. в боях под Праснышем, неудачных для немцев, симпатии поляков качнулись в сторону России: «В ландштурменном батальоне Шроды были отмечены случаи нарушения воинской дисциплины и даже братания поляков с русскими... Пришлось отправить его на Запад, мы получили взамен полк ландвера из имперской территории (т. е. из Эльзаса. — *Л. Л.*)». *Gallwitz M. v. Meine Führertätigkeit.* S. 220.

³⁷ *Болезславский Р.* Записки улана. М., 2006. С. 11—12.

³⁸ К организации братаний в апреле 1917 г. активно призывал Ленин, надеясь на успешную пропаганду среди немецких солдат своих воззваний. См.: *Ленин В. И.* Соч. Т. 31. С. 264—265, 459—461.

³⁹ В этом не могли не помочь младшие офицеры русской армии немецкого происхождения. См.: 1917. Разложение армии. С. 287.

⁴⁰ См.: Революционное движение в армии и на флоте 1914—февраль 1917 / Под ред. А. Л. Сидорова. М., 1966. С. 174—175, 419. Док. № 110 от 18 апр. 1916.

⁴¹ См., подр.: *Базанин С. Н., Пронин А. В.* Бумеранг братания. Подрывная деятельность австро-германских спецслужб против русских войск в 1917 г. // ВИЖ. 1997. № 1, 3.

⁴² См., напр., донесения из армий о противодействии братаниям и воспоминания о них участников: 1917. Разложение армии. С. 148—151, 153, 160—161, 163—164, 332—333 и т. д.

⁴³ Например, после беседы немцев с рядовым, пошедшим за ягодой, был прицельно обстрелян штаб полка: 1917. Разложение армии. С. 280—282.

⁴⁴ См. рапорт командующего 11-й армией Гутора от 24 апреля 1917 г.: 1917. Разложение армии. С. 146.

⁴⁵ См.: Революционное движение в армии... С. 318. Док. № 201 от 12 сент. 1915.

⁴⁶ См., подр.: Народы Габсбургской монархии в 1914—1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1. М., 2012.

⁴⁷ *Гофман М.* Указ. соч. С. 142—143.

⁴⁸ См.: *Ленин В. И.* Соч. Т. 24. С. 341—342.

⁴⁹ См., напр.: Революционное движение в армии... С. 285. Док. № 187 от 2 февр. 1917.

⁵⁰ Будущий генерал-фельдмаршал вермахта, а тогда — офицер Генштаба баварской пехотной дивизии писал: «Моим партнером по переговорам был русский офицер Генштаба, которого сопровождал в качестве переводчика генерал медицинской службы. Меня поразили две вещи: во-первых, невероятный интерес противоположной стороны к вопросам тактики позиционной войны и, во-вторых, поведение представителей так называемых солдатских советов, выделенных для охраны участников переговоров. Эти представители показались мне неотесанными, необразованными мужланами, но при этом вмешивались в наш разговор и держались так спесиво, словно это они командовали офицерами, а не наоборот. Помнится, тогда я подумал, что подобное никогда не могло бы произойти в германской армии. Однако через какой-нибудь год я понял, что ошибался. Действия отдельных подразделений в Кельне в 1918 году очень напоминали поведение русских революционеров». *Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха, 1933—1947. М., 2003. С. 13—14.*

⁵¹ *Гофман М.* Указ. соч. С. 165—166. Схожий случай был тогда же и с генералом Моргеном: «При прощании Баумгартен (нач. штаба русской 9-й армии) пожал мне руку, будучи явно тронут, и обратился ко мне с пророческими словами: „Я желаю Вашему Превосходительству, чтобы Ваше Отечество и Вашу армию никогда не постигло то состояние, которое теперь наступило у нас“. Годом позже оно было у нас: солдатские советы, утрата дисциплины, разбазаривание военного имущества, крушение вооруженных сил и народа». *Morgen С. в. Ор. cit. S. 129.*

⁵² Характерный пример — строки К. Ботмера в его дневнике: «Не будь Россия в течение нескольких лет нашим заклятым врагом и не будь большая часть революционного правительства нам столь несимпатична, можно было бы разве что посочувствовать России — этому живому трупу». См.: *Ботмер К. С графом Мирбахом...* С. 125.

⁵³ См., напр.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 2. С. 9.

⁵⁴ Это предложение Красного Креста было отвергнуто русской стороной для того, чтобы «не снижать враждебность по отношению к противнику». См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 40.

⁵⁵ Так, например, уже за первые бои августа 1914 г. в Восточной Пруссии кавалером ордена Св. Георгия стал ротмистр П. Н. Врангель, что стало некоторым основанием для его репутации и будущей блестящей карьеры в Белом движении. Не менее яркой была карьера, например, у Бермондта-Авалова или атамана Семенова.

⁵⁶ В отставку было отправлено более 50 % высшего командного состава, на уровне командующих фронтами этот показатель достигал 60 %. См.: *Жебровский С. С.* Командный состав русской армии весной 1917 г. / Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2., вып. 2.

⁵⁷ В результате этого, даже несмотря на поспешную раздачу чинов, во главе фронтов и русских армий к осени 1917 г. стали генерал-лейтенанты (до этого они командовали только армейскими корпусами), средний возраст их составлял всего 51,4 года, что было на 10—15 лет меньше, чем в других армиях.

⁵⁸ Бывший во время «гучковской чистки» весной 1917 г. главкомверхом М. В. Алексеев писал: «Рука „великого реформатора“ вымела... около 120 генералов на основании более чем сомнительных аттестаций анонимных „талантливых полковников и подполковников“... „Реформатор“ мечтал освежить командный состав... и вызвать „небывалый подъем духа“ в армии». Цит. по: *Архинов И. Л.* Указ. соч. С. 278.

⁵⁹ Достаточно вспомнить легендарных командиров РККА, бывших бравами унтер-офицерами в Русской императорской армии — Чапаева, Буденного, Блюхера, Жукова и др.

⁶⁰ Именно так этот процесс воспринимался в белогвардейской традиции и ее современными продолжателями, например выдающимся специалистом и автором многих мартирологов С. В. Волковым. См.: *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002.

⁶¹ *Wehler H. U., Traynor K.* Op. cit. P. 213.

⁶² См., подр.: *Eisfeld A.* Deutsche Kolonien an der Wolga 1917—1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985.

⁶³ Можно согласиться с подобной точкой зрения, высказываемой О. С. Нагорной применительно к восприятию военнопленных из России в Германии, распространив ее и на Россию в целом, тем более, когда рассматриваются аннексионистские круги Кайзеррейха. См.: *Нагорная О. С.* Указ. соч. С. 157.

⁶⁴ См.: *Bruendel S.* Volksgemeinschaft oder Volksstaat... S. 289—290.

⁶⁵ См.: *Rohrbach P.* Unser Kriegsziel im Osten und die Russische Revolution. Weimar, 1917; *Нотович Ф. И.* Указ. соч. С. 40—44.

⁶⁶ Официоз СДПГ, «Vorwärts», еще недавно резко критиковавший царизм, революцию, его свергнувшую, объявил переворотом, инспирированным Антантой. См.: Цит. по: *Koenen G.* Der Russland-Komplex... S. 111—113.

⁶⁷ Предупреждения консервативных публицистов о политической «русской опасности» также последовали, но на фоне эйфории о победе на Востоке они были неубедительны. См., напр.: *Haller J.* Die russische Gefahr im deutschen Hause. Stuttgart, 1917. Кроме того, быстро последовали опровержения со стороны сторонников социал-демократов и «русифилов». См.: *Hoetzsch O.* Russische Probleme: die Entgegnung auf J. Hallers Schrift „Die russische Gefahr im deutschen Hause“. В., 1917.

⁶⁸ См., напр.: *Соболев Г. Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009; Германия и революция в России 1915—1918. Сборник док-тов / Сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 2013.

⁶⁹ *Людendorff Э.* Указ. соч. С. 424.

⁷⁰ О динамике формирования и специфике образа и культа Керенского см.: *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017.

⁷¹ См. о революционной символике в России 1917 г.: *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2012.

⁷² Запись в дневнике 2 июля 1917 г. *Гофман М.* Записки и дневники... С. 231.

⁷³ *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 433—436.

⁷⁴ См.: *Куль Г., Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 70.

⁷⁵ См., подр.: *Germanis U.* Oberst Vacietis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974. S. 224—241.

⁷⁶ Еще столько же потерял германский флот. См.: *Косинский А. М., Чишвиц А. Г.* фон. Моонзунд 1917. Последнее сражение русского флота. М., 2009. Одним из убитых был знаменитый германский поэт 29-летний Вальтер Флекс, его застрелили отказавшиеся сдаваться в плен русские солдаты.

⁷⁷ *Herwig H. H.* The Dynamics... P. 98—99.

⁷⁸ Германские коллеги разделяют такой подход. См., подр.: *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; *Altrichter H.* Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 2017 (1997).

⁷⁹ См., напр.: *Абиякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917—1920 гг. Орел, 2005; *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. Ч. 1. 1917—1918 гг. М., 2008.

⁸⁰ *Groener W.* Lebenserinnerungen... S. 561.

⁸¹ Лично наблюдавший обе революции жандармский генерал Глобачев полагал, что Октябрьский переворот «произошел легче и безболезненнее, чем Февральский. Один день, и дело было, в сущности, кончено». См.: *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. С. 169.

⁸² Однако в целом недостаток информации о России оставался очень ощутимым. Гинденбург резюмировал: «О России нечего много говорить. Мы смотрим на ее состояние, как на открытую огненную пучину». См.: *Гинденбург П.* Указ. соч. С. 63.

⁸³ См., подр. о российских генштабистах в годы Великой войны: *Ганин А. В.* Закат Николаевской военной академии 1914—1922. М., 2014.

⁸⁴ Более того, при очевидной тревоге за настроения в армии, многое замалчивалось, например, без последствий для государственной внутренней политики обошелся заговор матросов, раскрытый летом 1917 г. на линейных кораблях.

⁸⁵ Хотя всего за полгода до войны он был главным организатором и пропагандистом совместных конференций социалистов из Германии и Франции. См.: *Шейдеман Ф.* Указ. соч. С. 23.

⁸⁶ По мнению Е. В. Тарле, обе конференции наибольший резонанс вызвали именно в Германии и среди СДПГ. См.: Тарле Е. В. Указ. соч. С. 336—338.

⁸⁷ См., подр.: Милуков П. Н. Воспоминания. М., 2001.

⁸⁸ См., напр.: Kautsky K. Wie der Weltkrieg entstand. В., 1919.

⁸⁹ Прошедшая весной-летом 1917 г. Стокгольмская конференция и опосредованные контакты немецких социал-демократов с Керенским и Чхеидзе остались без последствий. См.: Шейдеман Ф. Указ. соч. С. 177—200, 205—208.

⁹⁰ См.: Bruendel S. Volksgemeinschaft oder Volksstaat... S. 265—266.

⁹¹ См.: Epkenhans M. Die Politik der militärischen Führung 1918: „Kontinuität der Illusionen und das Dilemma der Wahrheit“ // Kriegsende 1918... S. 218.

⁹² Гофман М. Записки и дневники... С. 237—240 и т. д. Слово «свинство» по отношению к собственным войскам появится только 31 декабря 1918 г., когда немцы не смогут удержать Ригу. Гофман М. Записки и дневники... С. 263.

⁹³ Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / bearb. im Reichsarchiv. Bd. 14. S. 53—54.

⁹⁴ Der Erste Weltkrieg. Dokumente / Hrsg. von H. Otto, K. Schmiedel. S. 276.

⁹⁵ Дюнё Л. Под знаком Версальского мира. «Восточная идеология» и «национал-большевизм» в Веймарской республике // Германия и русская революция... С. 176—204.

⁹⁶ М. Гофман писал 17 июня 1918 г.: «В газетах писали о предстоящей личной унии между Литвой и Саксонией... Я считаю этот проект глупостью. Литовцы будут создавать величайшие затруднения, а саксонцы не имеют достаточно чиновников, чтобы занять все посты». Гофман М. Записки и дневники... С. 249.

⁹⁷ См.: Герлиц В. Указ. соч. С. 173—174, 189, 195; Der Erste Weltkrieg. Dokumente / Hrsg. von H. Otto, K. Schmiedel. S. 258—259.

⁹⁸ См.: Volkman H.-E. Der Ostkrieg 1914/15... S. 287.

⁹⁹ См.: Куль Г., Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 34—35.

¹⁰⁰ Ферстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шнитцер Г. Указ. соч. С. 180.

¹⁰¹ Советско-германские отношения. Т. 1. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. С. 12, 82.

¹⁰² Точно такие же пропагандистские штампы («Германия — главный страж европейской культуры») встречались и накануне войны. См.: Ropponen R. Die russische Gefahr. S. 203.

¹⁰³ Еще до Первой мировой войны анализ тенденций развития России приводил европейских экономистов к выводу о неизбежной гегемонии России в Европе как в экономическом, так и в демографическом плане. К. Рицлер осенью 1917 г. опасался мощи России, которую она будет иметь через пару десятилетий. См.: Riezler K. Op. cit. S. 422.

Заключение

¹ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 82, 98—102, 188.

² Формальное согласие Центральных держав на советскую платформу мира («без аннексий и контрибуций») вызвало яростный отпор военных, полагавших это предательством интересов Германии. Оценка советской стороны была иной: день 27 декабря 1917 г. Нотович назвал «черным днем германского империализма», так как ответ германо-австрийской делегации «вскрыл» истинные намерения империалистов и тем ускорил крушение германских армий. См.: *Нотович Ф. И.* Указ. соч. С. 109.

³ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 176—178.

⁴ См.: *Milow C.* Die ukrainische Frage... S. 92.

⁵ Непревзойденный до сих пор ее обзор: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.

⁶ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 194—198.

⁷ *Людendorф Э.* Указ. соч. С. 466—467.

⁸ См.: *Пленков О. Ю.* Указ. соч. С. 228—229.

⁹ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 198—199, 207—208.

¹⁰ *Раушер В.* Указ. соч. С. 144—145.

¹¹ См.: *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik... S. 18.

¹² Советско-германские отношения... Т. 1. С. 322—329.

¹³ Наиболее показателен пример украино-польских споров, начавшихся в феврале 1918 г.: «Поляки, по-видимому, из-за Холмского вопроса совершенно с ума сошли. В Варшаве забастовка и т. д. Эти люди — форменные фантазеры в политике. Они ради своего королевства палец о палец не ударили и, как дети, хотят все получить готовеньким». *Гофман М.* Записки и дневники... С. 239.

¹⁴ *Groener W.* Tagebuchaufzeichnungen, 1—2 März // *Baumgart W.* Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman März bis November 1918. Göttingen, 1971 S. 264—266.

¹⁵ Сурово критиковали украинские части М. Гофман и В. Грёнер. См.: *Гофман М.* Записки и дневники... С. 239; *Groener W.* Tagebuchaufzeichnung, 3, 10—11 März. // *Baumgart W.* Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. S. 285, 290, 293. Подполковник Энгелин до начала операции «Удар кулаком» считал наступление украинских частей (30—40 тысяч) против большевиков совершенно невозможным. См.: *Куль Г., Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 37.

¹⁶ Там же. С. 328, 336—338, 342. Советская делегация в Бресте предлагала немцам для начала убедиться в существовании в Киеве правительства Украины и Центральной Рады, прежде чем заключать с ними мирный договор. См.: *Нотович Ф. И.* Указ. соч. С. 176.

¹⁷ Федюшин О. Указ. соч. С. 74, 102.

¹⁸ Хотя советская пресса, «Известия ЦИК», 27 февраля 1918 г. и публиковала приветственные письма немецких солдат к русским, якобы составленные в окопах германских дивизий и переданные через фронт.

¹⁹ Советско-германские... С. 365—430.

²⁰ См.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik... S. 93—207.

²¹ Австро-венгерское командование очень оскорбилось тем, что ОХЛ не хотело привлекать австро-венгерские дивизии для удара во Францию, считая их способными только на то, чтобы сменить германские части на относительно спокойном Востоке. При этом немцы не хотели выводить свои войска с Итальянского фронта, пока не будет завершена операция под Капоретто, открыто не доверяя ее продолжение одним австрийцам. Те, в свою очередь, отказывались обсуждать смену германских частей на Востоке австро-венгерскими до тех пор, пока хоть одна германская дивизия находится в Италии. См., подр.: Куль Г., Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 58—60.

²² Там же. С. 558—560. Г. Куль назвал положение на Востоке после Бреста «бесперспективным» для прочного мира. Дельбрюк Г., Куль Г. Указ. соч. С. 53.

²³ Советско-германские отношения. Т. 1. С. 571—574.

²⁴ Советско-германские отношения... Т. 1. С. 679—681. Большевики этим актом ничего не нарушали, так как отказ Германии от Брестского и Бухарестского договоров был уже зафиксирован в ст. 15 Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г.

²⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. 1917. Разложение армии / Авт.-сост. В. Л. Гончаров. М., 2010.
2. *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: Социальный состав, мировоззрение. 1917—1920 гг. Орел, 2005.
3. *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910—1914 гг. М., 1985.
4. *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907—1917). М., 2003.
5. *Айрапетов О. Р.* Репетиция настоящего взрыва. Немецкий погром в Москве: бои на внешнем и внутреннем фронте // Родина. 2010. № 1.
6. *Айрапетов О. Р.* Участие России в Первой мировой войне: в 4 кн. М., 2013—2015.
7. *Андреева Н. С.* Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1.
8. Архив полковника Хауза: В 2 т. М., 2004.
9. *Архипов И. Л.* Российская политическая элита в феврале 1917 г.: психология надежды и отчаяния. СПб., 2000.
10. *Базанин С. Н., Пронин А. В.* Бумеранг братания. Подрывная деятельность австро-германских спецслужб против русских войск в 1917 г. // ВИЖ. 1997. № 1, 3.
11. *Балк В.* Развитие тактики в мировую войну. Пг., 1923.
12. *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. М., 2000.
13. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.
14. *Бекман В.* Немцы о Русской Армии. Прага, 1939.
15. *Бендик Р.* Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн / Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998.
16. *Бернгарди Ф.* Наша будущность. Пг., 1914.
17. *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
18. *Болеславский Р.* Записки улана. М., 2006.
19. *Больных А. Г.* Величайшее морское сражение Первой Мировой. Ютландский бой. М., 2010.

20. *Бондаренко В.* Герои первой мировой. М., 2013.
21. *Ботмер К.* С графом Мирбахом в Москве / Под ред. Ю. Фельштинского. М., 2010.
22. *Бровко Л. Н.* Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии // Первая мировая война. Пролог XX века...
23. *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. Мн., 2002.
24. *Брухмюллер Г.* Германская артиллерия во время прорывов в Мировой войне. М., 1923.
25. *Брюнин В. Г.* Первые отклики рабочего класса Германии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию и ленинский Декрет о мире (ноябрь-декабрь 1917 г.) // Из истории Германии нового и новейшего времени. Сб. стат. М., 1958.
26. *Бубнов А., Вандам А., Головин Н.* Неуслышанные пророки грядущих войн / Сб. сост. Образцов. И. В. М., 2004.
27. *Будберг А. П.* Из воспоминаний о войне 1914—1917 гг. Третья восточно-прусская катастрофа. 25 янв. — 8 фев. 1915 г. Сан-Франциско, 193?
28. *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
29. Буржуазия накануне Февральской революции / Подг. Б. Б. Граве. М.; Л., 1927.
30. *Бюлов Б.* Воспоминания. М., 1935.
31. *Вайцеккер Э.* Посол Третьего рейха. Воспоминания немецкого дипломата 1932—1945. М., 2007.
32. Великая забытая война. М., 2009.
33. Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / сост. и ред. А. А. Иванов, С. Г. Зирин. М., 2008.
34. Вильгельм II. Годы и люди 1878—1918 гг. Мн., 2003.
35. *Вишняков Я., Тимофеев А., Милорадович Г.* Армия без государства. От сербского к югославянскому добровольческому корпусу во время Первой мировой войны. М., 2014.
36. *Власов Н. А.* Военно-техническое сотрудничество в комплексе австро-германских отношений периода Первой мировой войны // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. Часть 2. СПб., 2016.
37. *Власов Н. А.* Россия в австро-германской коалиционной стратегии Первой мировой войны // Россия в стратегии Первой мировой...
38. Военно-статистическое описание Германии. Ч. 3. СПб., 1912.
39. Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917—1923 / ред. Р. Герварт, Д. Хорн. М., 2014.
40. *Войтиков С. В.* Армия и власть. Корнилов, Вацетис, Тухачевский 1905—1937. М., 2016.
41. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002.

42. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003.
43. Вооруженные силы России в Первой мировой войне / Под ред. В. В. Герасимова: В 2 т. М., 2014.
44. Воспоминания генерала Сергея Яковлевича Гребенщикова. Симферополь, 2009.
45. Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914—1922. М., 2014.
46. Гейдорн Г. Монополии, пресса, война. Исследование внешней политики Германии с 1902 г. по 1914 г. М., 1964.
47. Гельферих К. Накануне мировой войны. М., 1924.
48. Генерал В. А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы / Сост. М. В. Абашина, О. В. Чистяков и др. М., 2014.
49. Герлиц В. Германский генеральный штаб. История и структура 1657—1945. М., 2005.
50. Германия и революция в России 1915—1918. Сборник док-тов / Сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 2013.
51. Германия и русская революция / Пер. с нем. под ред. Я. Драбкина. М., 2004.
52. Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1922.
53. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
54. Глубоков Г. Высокомерный народ. Пг., 1914.
55. Головин Н. Н. Военные усилия России. М., 2001.
56. Гофман М. Война упущенных возможностей. М.; Л., 1925.
57. Гофман М. Главный противник — Россия. М., 2015.
58. Гофман М. Записки и дневники / Пред. Р. Эйдемана. Л., 1929.
59. Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте: в 2 кн. М., 2014.
60. Головин Н. Н. Российская контрреволюция: в 2 т. М., 2011.
61. Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. Рязань, 2010.
62. Греков Б. И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война: Пролог XX века / Сб. стат. Отв. ред. А. В. Мальков. М., 1998.
63. Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905—1917 гг. М., 2000.
64. Грёнер В. Завещание Шлиффена. Оперативные исследования по истории Мировой войны / Пер. с нем. под ред. проф. В. А. Меликова. М., 1937.
65. Гурко В. И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914—1917 гг. М., 2007.
66. Гуцин Ф. А., Жебровский С. С. Пленные генералы Российской императорской армии 1914—1917. М., 2010.

67. Данилов О. Ю. Пролог «Великой войны» 1904—1914 гг. Кто и как втягивал Россию в мировой конфликт. М., 2010.
68. Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914—1915. Берлин, 1924. (В нем. переводе — *Russland im Weltkrieg 1914—1915*).
69. Данилов Ю. Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах 1916—1918 гг. Париж, 1933.
70. Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 5 т. Минск, 2002.
71. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991.
72. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 2017.
73. Дурново П. Н. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6.
74. Дюпё Л. Под знаком Версальского мира. «Восточная идеология» и «национал-большевизм» в Веймарской республике // Германия и русская революция...
75. Дюпон. Высшее германское командование (с немецкой точки зрения). М., 1923.
76. Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война...
77. Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914—1917 гг. М.; Л., 1985.
78. Жебровский С. С. Командный состав русской армии весной 1917 г. / Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2.
79. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
80. Забытая война и преданные герои / Сост. Е. Н. Рудая. М., 2011.
81. Зайончковский А. М. Первая мировая война. М., 2001.
82. Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны / Зайончковский П. А. (1904—1983): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998.
83. Заморские театры Первой мировой войны. М., 2003.
84. Западные окраины Российской империи. М., 2007.
85. Зубачевский В. А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917—1923): геополитический аспект. Омск, 2005.
86. Зырянов П. Н. Колчак. М., 2013.
87. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1988.
88. Из истории Карпатской операции / сост. О. В. Чистяков и др. М., 2015.
89. Исламов Т. М. Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи / НИИ. 2001. № 5.
90. Иссерсон Г. Канны мировой войны // Катастрофы Первой мировой войны. Сб. М., 2005.
91. История первой мировой войны: В 2 т. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1975.
92. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920 гг. М., 1988.

93. *Калякина А. В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье 1914—1922. М., 2014.
94. *Кардашова Е. В.* Эволюция образа большевистской России в СДПГ в 1917—1919 гг. // Россия и Германия в XX в.: События, образы, люди / Под ред. Туполева Б. М. Вып. 1. Воронеж, 1998.
95. Катастрофы Первой мировой войны. Сб. М., 2005.
96. *Каширин В. Б.* Бессилие и лукавство у порога Балкан: проблема применения военной силы России на черноморско-балканском направлении в 1914—1915 гг. // Величие и язвы Российской империи. М., 2012. С. 300—366.
97. *Каширин В. Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
98. *Кёнен Г.* О духе русской революции // Германия и русская революция 1917...
99. *Кёнен Г.* Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900—1945. М., 2010. (Оригинал: *Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900—1945. München, 2005*).
100. *Кёнен Г.* «Переселение народов снизу». Вальтер Ратенау о России и Советском Союзе / Германия и русская революция... С. 240—250.
101. *Керсновский А. А.* История русской армии: в 4 т. М., 1992—1994.
102. *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха, 1933—1947. М., 2003.
103. *Китанина Т. М., Потолов С. А.* Хлебная торговля России в 1875—1914 гг.: Очерки правительственной политики. Л., 1978.
104. *Китанина Т. М.* Россия в первой мировой войне. СПб., 2003. Ч. 1.
105. *Козлов Д. Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914—1917). М., 2013.
106. *Козлов Д. Ю.* «Странная война» в Черном море (август-октябрь 1914 года). М., 2009.
107. *Кокорцов В. Н.* Из моего прошлого: В 2 кн. М., 1992.
108. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. СПб., 2012.
109. *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017.
110. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
111. *Коржалка И.* О характере и особенностях пангерманизма в Германии и Австрии в конце XIX в. / Славяно-германские отношения. М., 1964.
112. *Косинский А. М., Чишвиц А. Г. фон.* Моонзунд 1917.
113. *Куль Г.* Германский генеральный штаб. М., 1922.

114. *Куль Г., Дельбрюк Г.* Крушение германских наступательных операций в 1918 г. М., 1935.
115. *Ланник Л. В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012.
116. *Ланник Л. В.* Историю пишут проигравшие // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 129—144.
117. *Ланник Л. В.* Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914—1921 гг. СПб., 2016.
118. *Ланник Л. В.* Увеличение германских вооруженных сил в 1911—1913 гг. и германская военная элита // Накануне Великой войны: Россия и мир. Сб. докл. и ст. под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М., 2014.
119. *Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке. Мн., 2003.
120. *Лиддел-Гарт Б.* 1914. Правда о Первой мировой войне. М., 2014.
121. *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М., 1999.
122. *Лорей Г.* Операции германо-турецких сил в 1914—1918 гг. СПб., 2004.
123. *Лунева Ю. В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907—1914). М., 2010.
124. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 2005.
125. *Макдоно Дж.* Вильгельм Неистовый. Последний кайзер. М., 2005.
126. *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1930.
127. *Маргания О., Травин Д.* Модернизация Европы. Кн. 1. М., 2002.
128. *Матвеев Г.* Пилсудский. М., 2008.
129. *Машкин М. Н.* Из истории германской милитаристской пропаганды конца XIX—начала XX в. // Славяно-германские отношения. М., 1964.
130. *Меленберг А. А.* Немцы в российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10.
131. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 2001.
132. *Миронов В. В.* Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011.
133. *Мюнклер Г.* Империи: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США / Науч. ред., пред. и комм. Л. В. Ланника. М., 2014.
134. *Нагорная О. С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922). М., 2010.
135. Народы Габсбургской монархии в 1914—1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. Т. 1. М., 2012.
136. *Нахтигаль Р.* Мурманская железная дорога 1915—1919. Военная необходимость и экономические соображения. СПб., 2011.
137. *Нация и империя в русской мысли начала XX века / Сост. С. М. Сергеев.* М., 2004.

138. Наши враги-немцы. М., 1914.
139. Незнамов А. Стратегия темперамента // Сборник статей по военному искусству. М., 1921.
140. Нелипович С. Г. Брусиловский прорыв. Кампания 1916. М., 2006.
141. Нелипович С. Г. Варшавское сражение. Октябрь 1914. М., 2006.
142. Нелипович С. Г. Восточно-Прусская операция 4(17) августа—2(15) сентября 1914 г. // Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. Саратов, 2006.
143. Нелипович С. Г. Крючковиана: мертворожденная легенда // Время Великой войны: от глобального переустройства до трансформаций повседневности / Сб. статей под ред. И. О. Дементьева. Калининград, 2016.
144. Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания 1914—1920. М., 2014.
145. Никитин В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017.
146. Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. Киев, 2005.
147. Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006.
148. Новикова И. Н. Молодые финны обязаны были «служить Германской империи всеми силами и на любых участках фронта» // ВИЖ. 2004. № 9.
149. Нойманн И. Использование «Другого». М., 2004.
150. Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. М., 2014.
151. Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке 1914—1918. М., 1947.
152. Оськин М. В. Главкомандующие фронтами и заговор 1917 г. М., 2016.
153. Павлов А. Ю. Скованные одной целью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны 1914—1917 гг. СПб., 2008.
154. Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. М., 2005.
155. Пахалюк К. А. Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914—1915 гг. // Рейтар. 2009. № 1.
156. Первая мировая война / Сб. стат. под ред. Бовыкина. М., 1968.
157. Первая мировая война 1914—1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии. Сборник док-тов / Сост. С. А. Харитонов. М., 2016.
158. Первая мировая война: историографические мифы и историческая память / под ред. О. В. Петровского: в 3 кн. М., 2014.

159. Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 2007.
160. *Переслегин С. Б.* Первая мировая. Война между реальностями. М., 2016.
161. *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
162. Письма с войны 1914—1917 гг. / Сост. и комм. А. Б. Асташов, П. Симмонс. М., 2015.
163. *Пленков О. Ю.* Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 г.). СПб., 2011.
164. *Плохотнюк Т. Н.* Российско-германские трансграничные перемещения (1871—1925): историко-компаративный характер. Автореф... дис. докт. ист. наук. Ставрополь, 2004.
165. *Позек М.* Германская конница в Литве и Курляндии в 1915 г. М.; Л., 1930.
166. *Поливанов.* Правда о немцах. Пг., 1916.
167. *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю: Царизм и военная промышленность. М., 2008.
168. *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России 1905—1917. М., 1990.
169. *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России 1905—1917. М., 1990.
170. *Порошин А. А.* Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014.
171. *Посадский А. В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (на материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002.
172. *Пурталес Ф.* Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г. Пг., 1923.
173. *Расторгуев А.* Атака мертвецов. М., 2014.
174. *Раухах Р. Р. фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего). Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 г. СПб., 2007.
175. *Раушер В.* Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003.
176. Революционное движение в армии и на флоте 1914—февраль 1917 / Под ред. А. Л. Сидорова. М., 1966.
177. *Редер Э.* Гросс-адмирал. М., 2004.
178. *Редерн Г.* Змьяная операция в районе Мазурских озер. Пг., 1921.
179. *Резанов А. С.* Исследования немецких зверств. СПб., 1914.
180. *Розен Р. Р.* Европейская политика России. Доверительный меморандум, составленный летом 1912 г. Пг., 1917.
181. *Ронге М.* Разведка и контрразведка. СПб., 2004.
182. *Рорбах П.* Война и германская политика. М., 1915.
183. Россия в годы Первой мировой войны. Экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014.

184. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001.
185. Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М., 2008.
186. Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2 кн. / Под ред. И. Н. Новиковой. СПб., 2014.
187. *Савицкий П. Н.* Борьба за империю. Империализм в политике и экономике // *Нация и империя...*
188. *Сдвижков Д. А.* Против «железа и крови»: пацифизм в Германской империи. М., 1999.
189. *Сергеев Е. Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России 1900—1914. М., 2001.
190. *Сергеев Е. Ю., Улуная А. А.* Не подлежить оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе 1900—1914. М., 1999.
191. *Симанский П.* Мобилизация 1914 г. и ее недостатки // *Война и революция* // www.grwar.ru.
192. *Смирнов А.* Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // *Родина*. 2004. № 9.
193. *Снесарев А. Е.* Дневник 1916—1917 гг. М., 2014.
194. *Соболев Г. Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009.
195. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны / Сост. Р. Ш. Ганелин и др. СПб., 1999.
196. Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: В 2 т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968. Т. 2. 1919—1922 гг. М., 1971.
197. Сражения Первой мировой войны на территории Беларуси. Битва у Нарочи. 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении (Нарочская операция). Брест, 2016.
198. *Степун Ф. А.* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.
199. *Субботин Ю. Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914). М., 1996.
200. *Такман Б.* Первый блицкриг. М., 2001.
201. *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма / Сочинения: В 12 т. М., 1958. Т. 5.
202. *Тарсаидзе А.* Четыре мифа о Первой мировой. М., 2007.
203. *Теодорович И. М.* Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914—1915 гг. // *Первая мировая война*. Сб. стат. под ред. Бовыкина. М., 1968.
204. *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957.
205. *Тиссен Ф.* Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. М., 2008.
206. *Томсон Б.* Шпионаж во время войны // *Шпионаж во время войны*. М., 2007.

207. *Туполев Б. М.* Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX—начале XX в. // Славяно-германские отношения. М., 1964.
208. *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях. М., 2014.
209. *Федюшин О.* Украинская революция. 1917—1918. М., 2007.
210. *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству / пер. и комм. Л. В. Ланника. М., 2017.
211. *Флуг В.* Высший командный состав. Основные причины, мешавшие усовершенствованию русского высшего командного состава // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999.
212. *Фогель В.* Барановичи 1916. Пг., 1921.
213. *Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева* // ВИЖ. 2003. № 9.
214. *Хальгартен В.* Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961.
215. *Хильгер Г., Мейер А.* Россия и Германия. Союзники или враги? М., 2008.
216. *Царуски Ю.* От царизма к большевизму. Германская социал-демократия и «азиатский деспотизм» / Германия и русская революция...
217. *Цвейг А.* Спор об унтере Грише. М., 1961.
218. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. Ч. 1. 1917—1918 гг. М., 2008.
219. *Чемберлен Х. С.* Основания XIX столетия: в 2 кн. / Пер. с нем. Е. Б. Колесниковой. СПб., 2012.
220. *Черников И.* Гибель империи. М.; СПб., 2002.
221. *Чернин О.* В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005.
222. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914—1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие военные формирования в России. 1914—1917 гг. М., 2013.
223. *Шавельский Г.* Воспоминания протопресвитера русской армии. Нью-Йорк, 1954.
224. *Шапошиников Б. М.* Мозг армии: в 3 кн. М., 1927—1929.
225. *Шарков В. В.* Германия — наш главный враг. СПб., 1914.
226. *Шаццлло К. Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000.
227. *Шарый А., Шимов Я.* Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2010.
228. *Шеер Р.* Германский флот в первую мировую войну. М.; Минск, 2005.
229. *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923.
230. *Шилов С. П.* Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия 1897—1914. Дис... докт. ист. наук. Тюмень, 2005.

231. Шлиффен А. Современная война // Шлиффен А. Канны. М., 1938.
232. Шлянта П. «Братья-славяне» или «азиатские орлы»? Польское население и российская оккупация Галиции в 1914—1915 годах // Большая война России. Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014.
233. Шпионаж во время войны. М., 2007.
234. Шульгин В. В. Россия, Украина, Европа: Избранные работы / Сост., комм. А. В. Репникова. М., 2015.
235. Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны. М., 1957.
236. Эрцбергер М. Германия и Антанта. М., 1923.
237. Ясу О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
238. Afflerbach H. Der Dreibund. Europäische Großmacht und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 2002.
239. Afflerbach H. Falkenhayn: Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994.
240. Altrichter H. Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 2017 (1997).
241. Aretin K. O., Conze W. Deutschland und Rußland im Zeitalter des Kapitalismus 1861—1914. Göttingen, 1977.
242. Armee und Revolution. Entwicklung und Zusammenhänge. Von einem Generalstabsoffizier. B., 1919 (März).
243. Assmann K. Deutsche Seestrategie in zwei Weltkriegen. Heidelberg, 1957.
244. Außenpolitik im Medienzeitalter. Vom späten 19. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Hrsg. von F. Bösch, P. Hoeres. Göttingen, 2013.
245. Baranowski S. Nazi Empire: German Colonialism and Imperialism from Bismarck to Hitler. Cambridge, 2010.
246. Barrett M. P. Prelude to Blitzkrieg. The Austro-German Campaign in Romania. Bloomington, 2013.
247. Barth B. Dolchstoßlegende und politische Desintegration. Das Trauma der deutschen Niederlage im Ersten Weltkrieg 1914—1933. Düsseldorf, 2003.
248. Bauer. Konnten wir den Krieg vermeiden, gewinnen, abbrechen? B., 1919.
249. Bauer M. Der Große Krieg in Feld und Heimat. Erinnerungen und Betrachtungen. Tübingen, 1922.
250. Baumeister M. „L'effet de reel“. Zum Verhältnis von Krieg und Film von 1914 bis 1918 // Krieg und Militär im Film des 20. Jahrhunderts / Hrsg. B. Chiari, M. Rogg, W. Schmidt. München, 2003.
251. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966.
252. Bernhardt F. Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart, 1912.
253. Brandt H. H. Von Bruck zu Naumann. „Mitteleuropa“ in der Zeit der Paulskirche und des Ersten Weltkrieges // Ungleiche Partner / Hrsg. von M. Gehler, R. F. Schmidt, H. H. Brandt. Stuttgart, 1996.

254. *Brose E. D.* The Kaiser's Army. Oxf., 2001.
255. *Bruendel S.* Volksgemeinschaft oder Volksstaat: die Ideen 1914 und die Neuordnung Deutschlands. B., 2003.
256. *Buittar P.* Collision of Empires: The War on the Eastern Front in 1914. Oxford, 2014.
257. *Buittar P.* Germany Ascendant: The Eastern Front 1915. Oxford, 2015.
258. *Buittar P.* Russia's Last Gasp: The Eastern Front 1916—17. Oxford, 2016.
259. *Churchill W.* The Unknown War: Eastern Front. L., 1931.
260. *Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London, 2012.
261. Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century / ed. by J. Leonhard, U. von Hirschhausen. Göttingen, 2011.
262. *Cramon A. v.* Deutschlands Schicksalsbund mit Österreich-Ungarn. B., 1932.
263. *Cramon A. von.* Unser österreichisch-ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege. B., 1922.
264. *Cron H.* Geschichte des Deutschen Heeres im Weltkriege 1914—1918. B., 1937.
265. *Damm E.* Ostpolitik und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Frankfurt/M., 2002.
266. Das Bayernbuch vom Weltkriege 1914—1918: 2 Bde / bearb. von K. Krafft von Dellmensingen. Stuttgart, 1930.
267. Das Bild „des Anderen“ / Hrsg. Von B. Aschmann, M. Salewski. Stuttgart, 2000.
268. Das deutsche Feldeisenbahnwesen. Bd. 1. Die Eisenbahnen zu Kriegsbeginn. Berlin, 1928.
269. Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen, Byalostok-Grodno / Hrsg. im Auftrage Oberbefehlshaber Ost, bearb. von der Presseabteil. B.; Stuttgart, 1917.
270. *Deak I.* Der K. (u.)K. Offizier: 1848—1918. Wien; Köln; Weimar, 1991.
271. Der Erste Weltkrieg. Dokumente / Hrsg. von H. Otto, K. Schmiedel. B., 1977.
272. Die Bayern im Großen Kriege 1914—1918. München, 1923.
273. Die vergessene Front — der Osten 1914/15. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hrsg. von G. P. Groß. Paderborn, 2006.
274. *Dornik W.* Des Kaisers Falke: Wirken und Nach-Wirken von Franz Conrad von Hötzendorf. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013.
275. *Dülffer J.* Deutsch-russische Beziehungen // Deutschland, Frankreich, Russland. Begegnungen und Konfrontationen. München, 2000.
276. *Eisfeld A.* Deutsche Kolonien an der Wolga 1917—1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden, 1985.
277. *Elze W.* Tannenberg. Das deutsche Heer von 1914. Seine Grundzüge und deren Auswirkung im Sieg an der Ostfront. Breslau, 1928.
278. *Epkenhans M.* Die Politik der militärischen Führung 1918: „Kontinuität der Illusionen und das Dilemma der Wahrheit“ // Kriegsende 1918...

279. *Epkenhans M.* Die preussisch-deutsche Armee: die Gloriole der Siege von Düppel, Königgrätz und Sedan in der kollektiven Erinnerung // Die Suche nach Orientierung in deutschen Streitkräften / Hrsg. M. Epkenhans. Potsdam, 2006.
280. *Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: ein Vergleich* / Hrsg. von B. Thoß. Paderborn, 2002.
281. *Feldman G. D.* Army, Industry and Labor in Germany 1914—1918. Princeton, 1966.
282. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die Deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.
283. *Foerster W.* Aus der Gedankenwerkstatt des deutschen Generalstabes. B., 1931.
284. *Foley R. T.* German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the development of Attrition 1870—1916. Cambridge, 2005.
285. *Francois H.* Marneschlacht und Tannenberg. B., 1920.
286. *Gallwitz M. v.* Meine Führertätigkeit im Weltkriege 1914—1916. Belgien — Osten — Balkan. B., 1929.
287. Generaloberst Helmut von Moltke: Erinnerungen, Briefe, Dokumente, 1877—1916 / Hrsg. von E. Moltke. Stuttgart, 1922.
288. *Germanis U.* Oberst Vacietis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974.
289. *Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / Hrsg. F. von Gaertringen. Göttingen, 1957.
290. *Groß G. P.* Im Schatten des Westens. Die deutsche Kriegführung an der Ostfront bis Ende 1915 // Die vergessene Front...
291. *Haller J.* Die russische Gefahr im deutschen Hause. Stuttgart, 1917.
292. *Hamilton R. F., Herwig H. H.* The Origins of World War I. Cambridge, 2003.
293. *Hammann O.* Der neue Kurs. Erinnerungen. B., 1918.
294. *Hausner A.* Die Polenpolitik der Mittelmächte und die österreichisch-ungarische Militärverwaltungen in Polen während des Weltkrieges. Wien, 1935.
295. Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917. Dokumente zur innen- und außenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches / Hrsg. von W. Gutsche, mitarb. B. Kaulisch. B., 1977.
296. *Herwig H. H.* The Dynamics of Necessity: German Military Policy during the First World War // Military Effectiveness ed. Millett A. R., Williamson M. L.; N. Y.; Sydney; Wellington, 1988.
297. *Hinz U.* „Die deutschen ‚Barbaren‘ sind doch die bessere Menschen“: Kriegsgefangenschaft und gefangene ‚Feinde‘ in der Darstellung der deutschen Publizistik 1914—1918 // In der Hand des Feindes...

298. *Hirschhausen U. von.* Die Grenzen der Gemeinsamkeit: Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga 1860—1914. Göttingen, 2006.
299. *Hoegen von J.* Der Held von Tannenberg: Genese und Funktion des Hindenburg-Mythos. Köln; Weimar, 2007.
300. *Hoetzsch O.* Russische Probleme: die Entgegnung auf J. Hallers Schrift „Die russische Gefahr im deutschen Hause“. B., 1917.
301. *Hohenborn W. A.* Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des preussischen Generals als Kriegsminister und Truppenführer im Ersten Weltkrieg / Hrsg. H. Reichold. Boppard/R., 1986.
302. *Hoeres P.* Die Slawen. Perzeptionen des Kriegsgegners bei der Mittelmächte. Selbst- und Feindbild // Die vergessene Front...
303. *Hoffmann J.* Die sächsische Armee im Deutschen Reich 1871 bis 1918. Diss. Dresden, 2007.
304. Home/Front: the military, war, and gender in twentieth-century Germany / ed. by K. Hagemann, S. Schüler-Springorum. Oxf., N. Y., 2002.
305. *Hull I. V.* The Entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888—1918. Cambridge, 2004.
306. *Immanuel.* Erinnerungen aus den Tagen der Tannenger Schlacht, August 1914 // Ruhmeshalle unserer alten Armee / bearb. von M. Lezius. Leipzig, 1930.
307. In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg / Hrsg. R. Overmans. Köln; Weimar, 1999.
308. *Johansen A.* Soldiers as police: the French and Prussian armies and the policing of popular protest, 1889—1914. Ashgate, 2005.
309. *Kabisch E.* Mackensen rettet Berlin. Stuttgart, 1939.
310. *Kabisch E.* Streitfragen des Weltkrieges 1914—1918. Stuttgart, 1924.
311. *Kautsky K.* Wie der Weltkrieg entstand. B., 1919.
312. *Kehr E.* Der Primat der Innenpolitik / Hrsg. von H. U. Wehler. Berlin, 1970.
313. *Kehr E.* Zur Genesis des Königlich Preußischen Reserveoffiziers // Der Primat der Innenpolitik/ Hrsg. von H.-U. Wehler. Berlin, 1970.
314. *Kiessling F.* Das Paradox der Geheimdiplomatie. Offizielle Außenpolitik und Öffentlichkeit vor 1914 // Außenpolitik im Medienzeitalter. S. 73—94.
315. *Kohlrausch M.* Der Monarch im Skandal. Die Logik der Massenmedien und die Transformation der wilhelminischen Monarchie. B., 2005.
316. *Koszyk K.* Deutsche Pressepolitik im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1968.
317. *Krauss A.* Die Ursachen unserer Niederlage: Erinnerungen und Urteile aus dem Weltkrieg. München, 1920.
318. Kriegsende 1918: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hrsg. von J. Döppler, G. P. Groß. München, 1999.
319. Kritik des Weltkrieges; Das Erbe Moltkes und Schlieffens im Großen Kriege. Von einem Generalstäbler. Leipzig, 1921.
320. *Kronenbitter G.* Krieg im Frieden. Die Führung der k. u. k. Armee und die Großmachtspolitik Österreich-Ungarns 1906—1914. München, 2003.

321. *Kurth K.* Die deutschen Feld- und Schützengrabenzeitungen des Weltkrieges. Leipzig, 1937.
322. *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917—1920. Wien; Köln; Weimar, 2003.
323. *Leidinger H., Moritz V., Dornik W., Moser K.* Habsburgs schmutziger Krieg: Ermittlungen des österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914—1918. St. Pölten, 2014.
324. *Lemberg H.* Der Russe ist genügsam. Zur deutschen Wahrnehmung Russlands vom Ersten zum Zweiten Weltkrieg // Das Bild „des Anderen“ / Hrsg. von B. Aschmann, M. Salewski. Stuttgart, 2000.
325. *Leonhard J.* Die Büchse der Pandora. München, 2014.
326. *Lindner-Wirsching A.* Patrioten im Pool: Deutsche und Französische Kriegsberichterstätter im Ersten Weltkrieg // Augenzeugen: Kriegsberichterstattung vom 18. bis 21. Jahrhundert / Hrsg. von D. Ute. Göttingen, 2006. S. 113—140.
327. *Lipp A.* Meinungslenkung im Krieg: Kriegserfahrungen deutschen Soldaten und ihre Deutung 1914—1918. Göttingen, 2000.
328. *Liulevicius V. G.* German Military Occupation and Culture on the Eastern Front in the World War I // The Germans and the East...
329. *Liulevicius V. G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000.
330. *Mackensen.* Briefe und Aufzeichnungen / Hrsg. von W. Foerster. Leipzig, 1938.
331. *Meschnig A.* Der Wille zur Bewegung: militärischer Traum und totalitäres Programm. Eine Mentalitätsgeschichte vom Ersten Weltkrieg zum Nationalsozialismus. Bielefeld, 2008.
332. *Meteling W.* Ehre, Einheit, Ordnung. Preussische und französische Städte und ihre Regimenter im Kriege 1870/71 und 1914—1919. Baden-Baden, 2010.
333. *Milow C.* Die ukrainische Frage 1917—1923 im Spannungsfeld der europäischen Diplomatie. Wiesbaden, 2002.
334. *Mommsen W. J., Steinberg M. S.* Max Weber and German Politics, 1890—1920. Chicago, 1990.
335. *Moritz V., Leidinger H.* Oberst Redl. Der Spionagefall, der Skandal, die Fakten. Salzburg, 2013.
336. *Mühlmann C.* Das deutsche-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940.
337. *Müller M.* Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegsführung: das Deutsche Reich und Österreich-Ungarn in der Offensive 1917/1918. Graz, 2003.
338. *Müller S. O.* Die Nation als Waffe und Vorstellung. Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002.
339. *Münkler H.* Der Große Krieg. Die Welt 1914—1918. B., 2013.
340. *Morgen C. v.* Meinen Truppen Heldenkämpfe. B., 1920.

341. *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914—1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt/M., 2005.
342. *Nebelin M.* Ludendorff: Diktator im Ersten Weltkrieg. München, 2010.
343. *Neitzel S.* Weltmacht oder Untergang: die Weltreichslehre im Zeitalter des Imperialismus. Paderborn u. a. 2000.
344. *Nelson R. L.* German Comrades — Slavic Whores. Gender images in the german soldier newspapers of the First World War // Home/front...
345. *Oppelt U.* Film und Propaganda im Ersten Weltkrieg: Propaganda als Medienrealität im Aktualitäten- und Dokumentarfilm. Stuttgart, 2002.
346. Österreich-Ungarns letzter Krieg: 7 Bde. Wien, 1931. Bd. 1.
347. *Overmanns R.* „Hunnen“ und „Untermenschen“ — deutsche und russisch/sowjetische Kriegsgefangenschaftserfahrungen im Zeitalter der Weltkriege // Erster Weltkrieg — Zweiter Weltkrieg: ein Vergleich...
348. *Otto C. A. G.* Im Osten nichts Neues: Das Buch des Krieges wie er war. Nürnberg; Leipzig, 1929.
349. *Paddock T. R. E.* German perceptions of Russia before the First World War. Berkeley, 1994.
350. *Paddock T. R. E.* German Propaganda: the limits of Gerechtigkeit // A call to arms: propaganda, public opinion and the newspapers in the Great War / ed. T. R. E. Paddock. Westport, 2004.
351. *Pyta W.* Hindenburg. Herrschaft zwischen Hohenzollern und Hitler. B., 2007.
352. *Rachamimov A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2002.
353. *Rahn W.* The Naval War in the Baltic, 1914—1918. A German Perspective // The Danish Straits and German Naval Power 1905—1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G. P. Groß. Potsdam, 2010.
354. *Rathenau W.* Industrialist, Banker, Intellectual, and Politician. Notes and Diaries 1907—1922 / ed. H. Pogue von Strandmann. Oxf., 2005.
355. *Rauchensteiner M.* Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie. Wien, 2013.
356. Reform, Reorganisation, Transformation: zum Wandel in deutschen Streitkräften von der preußischen Heeresreformen bis zur Transformation der Bundeswehr / Hrsg. K.-H. Lutz, M. Rink, M. Von Salisch. München, 2010.
357. Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914 bis 1918: 1-3 Bde. B., 1925—1944.
358. *Reimann A.* Der Erste Weltkrieg: Urkatastrophe oder Katalysator? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2004. Bd. 29—30.
360. *Remer C.* Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt/M., 1997.
361. *Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von Erdmann K. D. Göttingen, 1972.
362. *Röhl J. C. G.* Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. Und die deutsche Politik. München, 2007.

363. Röhl J. C. G. Wilhelm II: Der Weg in den Abgrund 1900—1941. München, 2008.
364. Rohrbach P. Unser Kriegsziel im Osten und die Russische Revolution. Weimar, 1917.
365. Ropponen R. Die russische Gefahr. Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Aussenpolitik Russlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des Ersten Weltkriegs. Helsinki, 1976.
366. Rose O. Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Rußland und der Sowjetunion 1836—1991. München, 1995.
367. Russian Diplomacy and Eastern Europe. N. Y., 1963.
368. Schaar S. Wahrnehmungen des Weltkrieges: Selbstzeugnisse königlich sächsischer Offiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2014.
369. Schiemann T. Die letzten Etappen zum Weltkrieg. Deutschland und die große Politik anno 1914. 2. Aufl. B., 1915.
370. Schlachtenfelder im Ostpreußen / Hrsg. von W. Reichenau. Königsberg, 1932. *Нелупович С. Г.* Восточно-Прусская операция...
371. Schmitz M. „Als ob die Welt aus den Fügen dinge“: Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914—18. Paderborn, 2016.
372. Showalter D. Comrades, Enemies, Victims. Prussian/German Army and the Ostvölker // The Germans and the East...
373. Schulte B. F. Die Deutsche Armee 1900—1914. Zwischen Beharren und Verändern. Düsseldorf, 1977.
374. Schwarzmüller T. Zwischen Kaiser und „Führer“. Generalfeldmarschall August Mackensen. Eine politische Biographie. München, 1995.
375. Seeckt H. v., Rabenau F. Bd. 1. Aus meinem Leben 1866—1917. Leipzig, 1938.
376. Showalter D. Tannenberg: Clash of Empires. Washington, 2004 (1991).
377. Stachelbeck C. Militärische Effektivität im Ersten Weltkrieg: die 11. Bayerische Infanteriedivision 1915 bis 1918. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2007.
378. Stark G. D. All quiet on the Home Front: entertainments, censorship, and civilian morale in Germany 1914—1918 // Authority, identity and the Social history of the Great War / ed. F. Coetzee, M. S. Coetzee. Oxf., 1995.
379. Stark G. D. Banned in Berlin: literary censorship in imperial Germany, 1871—1918. N. Y., Oxf., 2009.
380. Stein von. A War Minister and his work. Reminiscences of 1914—1918. L., 1920.
381. Stone D. R. The Russian army in the Great War, the Eastern Front, 1914—1917. Lawrence, 2015.
382. Stone N. The Eastern Front 1914—1917. L., 1975.
383. Strachan H. Die Ostfront. Geopolitik, Geographie und Operationen // Die vergessene Front...

384. *Taylor B. D.* Politics and the Russian Army. Cambridge, 2003.
385. *Thaer A.* Generalstabdienst an der Front und in der OHL. Aus Briefen und Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von S. Kaehler. Göttingen, 1958.
386. The Germans and the East / ed. C. W. Ingrao, F. A. J. Szabo. Purdue Univ. Press, 2008.
387. The Schlieffen Plan: International Perspectives on the German Strategy for World War I / ed. by. H. Ehlert, M. Epkenhans, G. P. Gross, D. T. Zabecki. Lexington, 2014.
388. *Ther P.* Deutsche Geschichte als imperiale Geschichte. Polen, slawophone Minderheiten und das Kaiserreich als kontinentales Empire // Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871—1914 / Hrsg. von S. Conrad, J. Osterhammel. Göttingen, 2004.
389. *Tirpitz A.* Deutsche Ohnmachtspolitik. Hamburg; Berlin, 1926.
390. *Volkmann H.-E.* Der Ostkrieg 1914/15 als Erlebnis- und Erfahrungswelt des deutschen Militärs // Die vergessene Front — der Osten 1914/15...
391. Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
392. *Watson A.* Ring of Steel: Germany and Austria-Hungary in World War I. N. Y., 2014.
393. *Weber M.* Zur Politik im Weltkrieg: Schriften und Reden 1914—1918 / Hrsg. von W. J. Mommsen, G. Hübinger. Tübingen, 1988.
394. *Wehler H. U., Traynor K.* The German Empire 1871—1918. Leamington Spa, 1985.
395. Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945 / Hrsg. von W. Schumann, L. Nestler, W. Gutsche, W. Ruge. B., 1975.
396. Wie Helden sterben: Erlebnisse an der Ostfront Aug./Sept. 1915 / von Frau C. L., hrsg. von F. von Bernhardt. Leipzig, 1917.
397. *Winzen P.* Das Kaiserreich am Abgrund. Die Daily-Telegraph-Affäre und das Hale-Interview. Stuttgart, 2002.
398. *Wrisberg E. von.* Wehr und Waffen. Leipzig, 1922.
399. Württembergs Heer im Weltkrieg. Bd. 20 / bearb. von A. von Haldenwang. Stuttgart, 1936.
400. *Wurzer G.* Die Kriegsgefangene der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg. Diss. Ph. d. Tübingen, 2000.
401. *Zabecki D.* Steel Wind: Colonel Georg Bruchmüller and the Birth of Modern Artillery. Westport; CT, 1994.
402. *Zimmerman S.* Die Vision von Krieg der Zukunft: die deutsche Rezeption des Russisch-Japanischen Krieges 1904/05 // Reform, Reorganisation, Transformation...

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр III 24, 44
Александра Федоровна 97
Алексеев М. В. 25, 96, 137, 158, 168
Альтфатер В. М. 183
Арнольд де ла Перьер Л. 121
- Баллин А.** 142
Бауэр М. 143
Бём-Эрмолли Э. фон 96
Бернгарди Ф. 39, 111
Бетман-Гольвег Т. фон 29, 38, 55,
58, 124, 147, 148, 177
Билинский Л. фон 35
Бисмарк О. фон 27, 41, 99, 100
Блём В. 99
Бок Ф. фон 107
Болеславский Р. 180
Брусилов А. А. 28, 63, 74, 95, 153—
155, 157, 158
Брухмюллер Г. 149, 187, 202
Буриан И. фон 38
Бьюкенен Д. У. 47
Бюлов Б. фон 21, 148
- Вальдерзее А.** фон 49
Вебер М. 199
Верховский А. И. 194
Вильгельм II 27, 34, 41, 42, 44, 49,
50, 56, 57, 64, 65, 91, 122, 181,
202
Витте С. Ю. 199
Войрш Р. фон 53
Врисберг Э. 176
- Галльвиц М. фон 108
Гертлинг Г. фон 162, 207
Гётцендорф К. фон 13, 42, 54, 71,
78, 129, 151, 181
Гинденбург П. фон 22, 37, 78, 79,
87, 92, 100, 102, 108, 113, 117,
140, 147, 154, 157, 162, 163, 174,
177, 207
Гогенлоэ Х. 99
Головин Н. Н. 167
Горбатовский В. Н. 74
Гофман М. 37, 50, 59, 148, 165, 174,
183, 191, 200, 202, 207
Грёнер В. 96, 100, 103, 108, 196,
209
Гурко В. И. 168
Гутьер О. фон 121
Гуттен-Чапский Б. 35
Гучков А. И. 184, 198
- Дельбрюк Г. 46
Деникин А. И. 184
Дмовский Р. 35
Дурново П. Н. 31
Духонин Н. Н. 197, 204
- Иосиф-Фердинанд** 73
- Капп В. 143
Карл I 166, 181, 182
Келлер Ф. А. 175
Керенский А. Ф. 176, 184, 187, 190—
192, 194, 196

- Кессельринг А. 183
Китченер Г. 150
Коковцов В. Н. 31
Колчак А. В. 167
Корнилов Л. Г. 106, 184, 191—193, 198
Крупп Г. 23, 62
Крыленко Н. Ф. 184
Крымов А. М. 184
Крючков К. 94
Куль Г. 141
Кюльман Р. фон 202, 207, 208
- Ленин В. И. 23, 29, 63, 165, 171, 182, 186, 196
Ленц М. 46
Летгов-Форбек П. фон 96
Либкнехт К. 139, 200
Лиддел-Гарт Б. 48
Литцманн К. 84, 95
Людендорф Э. фон 37, 38, 78—81, 87, 92, 93, 96, 108, 117, 126, 135, 142, 154, 163, 165, 177, 185, 186, 192, 200, 201, 205, 207, 208
Люксембург Р. 200
- Майнеке Ф. 46
Макензен А. фон 76, 82—84, 87, 106, 108, 161, 192
Милюков П. Н. 200
Мольтке-младший Г. фон 50, 52, 55, 95
Мольтке-старший Г. фон 52, 96
Морген К. фон 84
Мясоедов Н. А. 21, 97
- Нестеров П. Н. 94
Нивель Р. Ж. 187, 192
Николаи В. 59, 60
Николай II 8, 31, 39, 40, 41, 42, 44, 47, 56, 64, 65, 101, 108, 119, 165, 175, 181, 199
- Николай Николаевич Младший 31, 79, 87, 88, 96, 108, 140, 184
- Пилсудский Ю. 33, 38
Поливанов А. А. 109
Поллио А. 54
Приттвиц Г. фон 53, 92, 95
Пурталес Ф. фон 63
- Распутин Г. 94, 109
Ратенау В. 29, 142
Редль А. 62, 73
Ренненкампф П. К. 61, 67, 69, 70, 74, 83, 93, 94
Рихтгофен М. фон 84
Рицлер К. 58
Розен Р. Р. 31
Ронге М. 13
Рорбах П. 62, 186
Рузский Н. В. 74
- Сазонов С. Д. 109
Самсонов А. В. 61, 69, 70, 74, 94
Сандерс Лиман фон 58
Сект Г. фон 96, 106, 141, 157, 192, 202
Стессель А. М. 94
Столыпин П. А. 39, 46
Сухомлинов В. А. 32, 94, 97
Сушон В. 122
- Тирпиц А. фон 31, 57, 131
Троцкий Л. Д. 203, 207, 208
Тухачевский М. Н. 198
Тэр А. фон 50
- Фалькенгайн Э. фон 77—81, 85, 87, 95, 102, 106, 107, 108, 132—135, 142, 143, 145, 147—149, 151, 160, 165
Фердинанд I 136
Фишер Ф. 57

-
- Флуг В. Е. 63
Франк Л. 198
Франсуа К. фон 62, 121
Франц-Иосиф I 41, 42, 44, 118, 132,
166
Франц-Фердинанд 42
- Халлер Й. 17, 38
Хамманн О. 99
Хильгер Г. 126
- Циммерман А. 176
- Чемберлен Х. С. 48
Чернин О. 13, 166, 176, 182
- Черчилль У. 16
- Шварц М. 198
Шеффер-Боядель Р. фон 84
Шиман Т. 124
Шлиффен А. фон 49—53, 59, 70, 77,
92, 96
Штрауссенбург А. фон 96, 203
Штюрмер Л. Л. 37, 109
Шульгин В. В. 109
- Эверт А. Е. 157, 158
Энгельс Ф. 23
- Якобсон Г. 149

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Русский или Восточный? Вечная переменная в анализе Великой войны	5
Глава 1. Российская империя в противостоянии консервативных монархий	20
Русско-прусское боевое братство сто лет спустя	20
Польша как общая проблема	32
«Русский паровой коток», германская сталь и австрийское коварство: оценки перспектив военного конфликта	38
Мифы и реальность военного планирования трех империй	48
Глава 2. Битва старых армий	64
Навстречу быстрой победе, август 1914—зима 1915 г.	64
Новые национальные герои и их военные свершения	91
Надежды на сепаратный мир и раскол в штабах и министерствах, весна—осень 1915 г.	102
У каждой империи свои проблемы: нации, сырье и национальный характер	112
Глава 3. Перелом любой ценой: кампания 1916 г.	138
Тревожные признаки будущего социального коллапса: общее и частное	138
Игра на время: кому выгоден позиционный тупик на фронте?	147
«Западное» ожесточение на восточных пространствах: лето 1916 г.	152
Непропорциональные надеждам последствия: лишние 700 км фронта	160

Глава 4. Русская революция как стратегическая возможность: 1917 год	169
Почему в России раньше всех? Самая неожиданная из всех ожидаемых революций	169
Революционная весна: кто, за что и с кем воюет теперь на востоке Европы	174
Фальшивые триумфы: Галиция, Рига, Моонзундские острова	187
Накануне Октября: каким его ждали и каким увидели . . .	195
Заключение. Война, оконченная на бумаге	204
Примечания	214
Библиография	265
Указатель имен	283

Научное издание

Леонтий Владимирович Ланник

**РУССКИЙ ФРОНТ
1914—1917 ГОДЫ**

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*

Художник *П. Палей*

Технический редактор *И. М. Кашеварова*

Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 30.10.2017. Формат 60 × 88 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17.6. Уч.-изд. л. 16.3.

Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 3211

Издатель: Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039679-1

9 785020 396791

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ

РУССКИЙ ФРОНТ 1914–1917 ГОДЫ

Книга Л. В. Ланника воссоздает полотно событий, происходивших на Русском фронте Первой мировой войны. Автор не только подробно рассказывает о ходе военных действий в 1914–1917 годов, но и анализирует события, предшествующие войне и ставшие ее логичным следствием. Особенностью книги является взгляд на Русский фронт и войну в целом через призму всех его главных действующих лиц: трех императоров, трех армий, трех монархий и их подданных, для которых Великая война в конце концов превратилась в гражданскую.

Издательство «Наука»